

Elle emoussa j'ai éprouvée en lisant votre lettre et
 mais elle fut heureuse si la lettre de ma
 n'avait mêlé de l'amertume à ma joie hier matin
 the quand on m'apparut de la poste les lettres
 examiner s'en ils me renvoyait quand en ouvrant je
 mon cœur sautait et
 y avait eu monde de la lettre j'aurais été
 de votre lettre, si ce n'est que vous en
 de parcelles et
 avec a. H. et
 ex moi si je l'étais, si j'allais la fièvre triomp
 hientot des sentiment et cependant je ne puis m'em
 sans dire
 tant ma lettre vous corrigez: M. Tschou, quel
 se c'est d'une femme! et dans la fête pour
 de Betty; il ne vas manquant que de dire que
 s'écrit trop tendre. M. Tschou de vous dire combien
 blessé; c'est que
 que de dire que
 toute offense de
 cela à Betty celle
 vous écrit se répond
 confiance en elle
 ce pas l'avis et je
 quatre Frigoris
 pouvait s'effac
 compo
 celle de Olga C
 ma santé, me
 était pas pour moi le
 elle sentez vous pas ce
 or moi je crains que
 où le faire; vous ne
 rissez pas le plus
 froide que vous le
 tous aussi terrible q
 s'p n'at senté
 préparés s'autant
 toutes mes papiers G
 que ce dernier
 tout mon pevil
 fache enfin ne
 ma froideur
 unent avec le q
 que: c'est Anrep qui a
 tres feu et tres orige
 de faire sa conquête. Oh, pour celui-là il
 e que je n'aurais jamais pu croire, il
 car de geant
 temerité. Vous plus haardé parle de vous, il
 toujours de ses preuves à ma grande surprise
 n'aurait trop d'estime pour avoir des bragues. Les le
 d'ailleurs je sais de ma main et de qui l'a
 de la laisser jusqu'il me trouvât très bien
 prie qu'il n'a fait ni

**ПИСЬМА
 ЖЕНЩИН
 К ТУШКИНУ**

№ 21. Моск. Пл. ур.

Въ Парижѣ 15 Января 1826.

1823

Costume Parisien

(1292)

К. № 7. М. М. 1830

Во Париже 3 Октября 1830

1833

№2

Лауцкія Жырнае

1829

Costumes Parisiens

(2722)

Ке. Нов. Мел. Милб. 31

В Петербурге 10 Декабря 1751

№ N 3 Мод. Жен. 1830

Во Париже 30 Апрель (м.с) 1830

**Письма
Женщин
к Пушкину**

*Издательство
"Подольская фабрика
офсетной печати",
1994 г.*

ГРОССМАН Леонид Петрович
"ПИСЬМА ЖЕНЩИН К ПУШКИНУ"

Редакторы—Г.И.Саамов,М.А.Шаповалов.

Художник—И.И.Бабаянц,

Иллюстрации—Т.Н.Мотиной.

Технический редактор—Н.Я.Аверина.

Фотографы—Н.В.Круглов,А.П.Герасимов.

Ретушер—А.П.Кошелев.

*Начальник производственно-издательского
отдела—Е.Я.Кошелева.*

Печатники — В. М. Неретин, И. И. Мартынов.

Корректор — Л. В. Морозова.

Гроссман Л.П.

Письма женщин к Пушкину. Репринтное издание. П.: Подольская фабрика офсетной печати, 1994. — 256 с.

В литературном наследии Леонида Гроссмана (1888 — 1965) книга "Письма женщин к Пушкину" занимает значительное место. Л. Гроссман знакомит читателей с самым эмоциональным и, быть может, самым интересным документом эпохи. Письма являют собой прекрасные образцы эпистолярного жанра начала XIX века. Давая "право голоса" современницам поэта, Л. Гроссман преследует определенную цель: показать Пушкина таким, каким видели его женщины — адресаты пушкинских стихов, светские красавицы, жены друзей. Книга читается легко и добавляет в наше сознание ряд живых черт к облику гениального поэта.

"Письма женщин к Пушкину" — репринтное издание с издания 1928 года в новом оформлении.

IBSN 5-7151-0012-7

© Художественное оформление

ПИСЬМА ЖЕНЩИН К ПУШКИНУ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ВОСПОМИНАНИЙ О ПУШКИНЕ
М. Н. Волконской, Н. А. Дуровой, А. П. Керн,
А. М. Каратыгиной-Колосовой, А. О. Смирновой,
В. А. Нащокиной, цыганки Тани, А. А. Фукс

РЕДАКЦИЯ
ЛЕОНИДА ГРОССМАНА

«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ»
МОСКВА
1928

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Словесный памятник эпохи-писателя: подготовка к участию в повеселительной битве...

КУЛЬТУРА ПИСЕМ В ЭПОХУ ПУШКИНА.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.

«Евгений Онегин», III, XXI

Переписка Пушкина с его современниками поднимает ряд живых исторических вопросов и возбуждает несколько значительных тем по его биографии и поэтике. Словесная культура письма в онегинскую эпоху, высокое мастерство поэта в эпистолярном жанре, общий характер романтических нравов той поры, галерея женских портретов, развернутая над интимным архивом Пушкина и раскрывающая нам забытую жизнь салонов, редакций или усадебных парков—все это возникает из палевых листков старомодной почтовой бумаги, исписанной тонким женским почерком двадцатых годов.

Раскроем же эту старинную шкатулку. Развернем желтеющие пачки дружеских, шуточных, влюбленных, подчас деловых, и почти всегда нежных писем женщин к Пушкину. Они помогут нам воспринять время поэта в том неуловимом, интимном, характерном и человечески-волнующем, что остается обычно за пределами строгой истории.

Пушкин высоко ценил своих читательниц и почитательниц. Его многочисленные мадригалы, послания и посвящения — часто только ответная дань признательности за сердечные исповеди и восхищенное поклонение. «Теперь я понимаю, пишет героиня его «Романа в письмах», почему Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень: они их истинная публика»... Но к той же категории относились и великосветские дамы, и руководительницы поэтических кружков, и стареющие помещицы, и смиренные писательницы 30-х годов.

Некоторые из них оставили в своих письмах к Пушкину отрывочный, но ценный материал для характеристики сердечных и литературных связей эпохи, личности Пушкина, культурных запросов его времени и духовного уровня русских женщин той поры.

Пушкин в окружении этих поклонниц и читательниц освещается с различных сторон, как собеседник и писатель. Пачка женских писем, адресованных к нему, раскрывает все разнообразие впечатлений от поэта в пестром кругу его современниц.

Дружеская шутка Вяземской; блистательная похвала Зинаиды Волконской; девичья влюбленность Анны Вульф; заботливая нежность Осиповой; веселая фривольность Керн; самоотверженная страсть Элизы Хитрово; светская вежливость Смирновой; наконец, глубокое благоговение писательниц — Дуровой, Фуке, Ишимовой — сквозь все эти разнообразные восприятия

и сердечные склонности отчетливее проступает перед нами вечно неуловимый образ Пушкина.

Эти листки старинной переписки — лучшие свидетельства для оценки любовных нравов эпохи. Наследье европейской эротики XVIII века заметно сказывалось в интимном быту русского культурного слоя 20-х годов. Знаток и ценитель этих традиций «галантного века», Пушкин заметно окрашивал романтические идиллии своих современниц в тона «Опасных связей» Лакло. «Чувство — только дополнение к темпераменту», говорил он полюбившей его девушке, которая из общения с ним выносит впечатление, что он «опасный человек», не стоящий искреннего увлечения. Переписка Пушкина действительно подтверждает, что женщина рано получила для него значение только праздничного возбудителя жизнеощущений в духе старинных сенсуалистов Италии и Франции. На каждом шагу здесь вспоминается свидетельство юного Павла Вяземского о своеобразных уроках Пушкина, убеждавшего его «в важном значении для мужчины способности приковывать внимание женщин». «Он учил меня, что в этом деле не следует останавливаться на первом шагу, а идти вперед, нагло, без оглядки, чтобы заставить женщин уважать вас... Он постоянно давал мне наставления об обращении с женщинами, приправляя свои нравоучения циническими цитатами из Шамфора»...

Отсюда ряд драматических столкновений в пушкинском окружении. Знаменитый поэт, увлекательный собеседник, облеченный громкой литературной славой и опасной репутацией дон-жуана, он, видимо, произ-

водил на женщин—особенно в последнее десятилетие своей жизни—совершенно неотразимое впечатление. Некоторые строки из писем к нему Анны Вульф, П. А. Осиповой или Е. М. Хитрово свидетельствуют о их глубоком и трогательном чувстве, готовом все понять и все простить. Но сам поэт относился обычно довольно легко к этим проявлениям сердечной привязанности.

Автор «Гавриилады» мало ценил в жизни «возвышенные чувства», принимая их видимо только в творческом плане. Художественный корректив, во многом видоизменявший непосредственную натуру Пушкина, вносил некоторое разнообразие и в основной тон его отношений к женщине. Элегия восполняла подчас глубокими нотами мечты и печали чувственную доминанту его жизнеощущения. Но изменить этот основной «тонос» она все же не могла.

Любовь, как проникновение в духовный облик другого существа, глубоко сочувственное овладение этим сложным миром, полное слияние с ним и радость общего бытия в единстве внутренних переживаний—такое чувство было чуждо Пушкину. Любви в этом смысле он вероятно никогда не знал. Единственное, кажется, чистое и глубокое поклонение, проходящее через его жизнь и доныне неразгаданное, во всяком случае не было разделено и осталось в плане художественных вдохновений. Обычно он испытывал лишь страсть и ревность, но оба эти состояния переживал необычайно интенсивно и бурно. Если в лирике он поднимался до высших и чистых поклонений «вечно женственному», в своей романтической

практике он был далек от культа Прекрасной Дамы, от любовной метафизики средневековья или романтизма. Скорее нечто от эпохи Ренессанса и XVIII века отразилось на его личных романах. Не Данте и не Новалис, но Аретино и Вольтер. В личности Пушкина не было ничего от рыцаря Тогенбурга и было очень много от Казановы.

Равнодушие и безразличие к духовному миру женщины определяют все его увлечения. Характерно свидетельство его брата Льва, что в разговорах с женщинами он никогда не касался вопросов поэзии и литературы. Любовь для него оставалась преимущественно сферой острых эротических переживаний и несколько отвлеченным материалом для великолепных лирических опытов, для бессмертных русских Amores. Но любви в простом человеческом смысле ему повидимому никогда не пришлось испытать. Лирика чувства исключалась насмешливым скептицизмом. К Воронцовой он применяет циничскую фразу о «восьми позах Аретино», Керн для него «савилонская блудница», Анна Вульф — смешная провинциалка, Элиза Хитрово — сладострастная Пентефриха.

В минуту откровенности он пишет этой глубоко сердечной женщине, которая тревожится за его здоровье, устраивает его судьбу, проявляет к нему истинное молитвенное благоговение:

«Я больше всего на свете боюсь порядочных женщин и возвышенных чувств. Да здравствуют гризетки, — это и гораздо короче и гораздо удобнее...

Хотите ли Вы, чтобы я говорил с Вами откровенно? Быть может, я изящен и вполне порядочен

в моих писаниях, но мое сердце совсем вульгарно, и все наклонности у меня вполне мещанские. Я пресытился интригами, чувствами, перепиской и т. д. и т. д. Я имею несчастье быть в связи с особой умной, болезненной и страстной, которая доводит меня до бешенства, хотя я и люблю ее всем сердцем. Этого более, чем достаточно для моих забот и особенно для моего темперамента. Вас ведь не рассердит моя откровенность, не так ли?»

Рассердить Елизавету Михайловну, при ее беззаветной кротости, Пушкин не мог. Но мучительно ранить ее, «разорвать ей сердце» холодным или жестоким признанием, почти не замечая этого — на это он шел бездумно и почти что безотчетно.

Переписка Пушкина показывает, что таким он обычно и был почти во всех своих романах. Взволнованные женские голоса, обращавшиеся к нему с признаниями, хвалами и мольбами, почти никогда не встречали желанного отзвука. «Elegant dans ses écrits», он в любви несомненно проявлял свои «inclinations toutes tiers-état». Исследователь должен склониться перед обоими приговорами Пушкина и одинаково признать праздничный блеск его писаний и прозаическую будничность его любовных связей.

II

Так романические нравы эпохи, зачерченные в замечательном памятнике эротической литературы — дневнике А. Н. Вульфа, приоткрываются и в переписке Пушкина с его современницами.

Высоко ценные, как исторический документ об интимном быте пушкинской поры, они представляют и значительный интерес со стороны литературной. Словесный памятник эпохи, когда письма господствовали в повседневном быту и ощущались их авторами, как законченный жанр, они во многом вскрывают и определяют законы и правила этого вида.

Письма Пушкина и его корреспондентов это не просто признания и беседы, они почти всегда закономерно оформлены и подчинены установившимся композиционным приемам, предусмотренным кодексом эпистолярного стиля.

Характерно уже то, что в большинстве случаев они написаны на языке тогдашней культурной беседы — на французском. Особый литературный жанр — «почтовая проза» — еще не получил у нас в то время достаточного развития. Вот почему когда Пушкин решил ввести в свой роман любовное письмо Татьяны, он стал перед трудной художественной проблемой:

Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык...

Все условия художественного правдоподобия категорически предписывали ему дать здесь стихотворный французский текст. Мы знаем, что почти полвека спустя Лев Толстой отступил в этом случае перед трудностью отказа от иностранного языка и дал в «Войне и Мире» письмо Жюди Карагиной (и диалоги великосветского общества) в безукоризненном французском оригинале.

Пушкин не скрывал трудностей передачи в русских стихах письма Татьяны, которая «по-русски плохо знала» и «выражалась с трудом на языке своем родном». И вот для своих читателей поэт дает «с живой картины список бледный», т.-е. перелагает в онегинские строфы—

страстной девы
Иноплеменные слова.

Сохранилось свидетельство о том, что Пушкин действительно с трудом и после долгих колебаний разрешил эту словесную проблему. В «Московском Телеграфе» 1827 г. сообщалось, со слов самого поэта, о его затруднениях при разрешении этого сложного стилистического опыта:

«Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну, без нарушения женского единства и правдоподобия в слоге: от страха сбиться на академическую оду, думал он написать письмо прозою, думал даже написать его по-французски; но, наконец, счастливое вдохновение пришло к стати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражений чувства справками со словарем Татищева и грамматикою Меморского».

Таким образом русское письмо Татьяны оказалось смелым художественным приемом, решительно порывавшим с установившейся культурно-бытовой традицией. Мы знаем, по переписке поэта, что она и лично была близка ему. Пушкин рано воспринял старинное наследье знаменитых французских «épistoliers». Есть свидетельства, что мать его писала свои

письма «в безукоризненном стиле какой-нибудь Севинье». Семейные письма всех Пушкиных свидетельствуют о их общей причастности к классической культуре этого жанра.

Письма Пушкина во многом вскрывают основы его общего прозаического стиля. Здесь явственно обнаруживается его словесная близость к французскому XVIII веку с его поэтикой, идеологией, умственными уклонами и литературными вкусами. Острословье Вольтера и Бомарше; быстрая повествовательная манера Монтескье и Дидро, цинический скептицизм Кребийона, Ретифа, Парни и столько других «малых поэтов» эпохи регентства и последних Людовиков, дух критической иронии, пристрастие к кощунству, уклоны к «веселому сладострастию», блеск, ясность, изящество и лаконичная меткость стиля — всем этим предшествующее столетие в лице его законодательной нации не переставало формировать литературную манеру Пушкина.

Это несомненно облегчило ему путь к законченной художественности его «почтовой прозы». Поэт использовал в своих письмах огромное количество литературных приемов. Анекдоты, каламбуры, исторические реченья, стихотворные цитаты и подчас целые поэтические фрагменты обильно расцветивают здесь основной фон текущих сообщений. Письмо Пушкина часто приближается к жанру фельетона, сохраняя, впрочем, всегда специфические особенности эпистолярного стиля. Комическая реплика Арлекина, острый и неожиданный ответ Фонвизина, забавное возражение Артура Потоцкого, историческая фраза

Мирабо о Снейсе, суждение Тиберия о Вибии Серене, восклицание Андрэ Шенье на эшафоте, возглас Шамфора о жертвах его эпиграмм — все это цитируется среди личных признаний, придавая подчас почтовому сообщению характер живой и занимательной беседы.

«Ах, каламбур; скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, когда наденет мои полсы. (19 ноября 1826, Вяземскому).

«Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30 лет жизни игрока». (Плетневу, 31 августа 1830).

... «Со злости духом прочел «Духов». Calambour gessonnais tu le sang?» («Кюхельбекеру», 1825, дек.)

«Вот тебе мои бон-мо (ради соли вообрази, что это было сказано чувствительной девушке, лет 26). Qu'est ce que le sentiment? Un supplement du temperament». (Кн. Вяземскому, 10 авг. 1825).

Во всем этом сказываются явственные отзвуки той французской словесной культуры, которая с такой отчетливостью внесла принципы своих изощренных бесед в теорию оформления писем.

Всеми этими приемами Пушкин владеет в совершенстве. В его почтовых обращениях к женщинам они разворачиваются подчас с особым блеском и силой.

Некоторые его письма к Керн — почти сплошная игра слов, веселая и легкая болтовня, взрезанная повсеместно шутками, игривыми намеками и каламбурами. — «Я было принялся писать вам глупости, над которыми вы бы умерли со смеху», — определяет сам он эту манеру в одном из своих писем.

*Вера Федоровна Вяземская. (Конец 1800-х г.г.)
А. Молиари (1772—1831).
Кость, гуашь, акварель. 7,5х6 (овал).*

*Зинаида Александровна Волконская.
1814 г. Мюнере.*

Пушкин не скрывал своего восхищения перед некоторыми эпистолярными образцами XVIII века, выражая в своих отзывах собственные воззрения на качества и особенности литературного письма.

«Кажется одному Вольтеру—пишет он—предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета».

Он высоко ценит и письма президента де-Бросса за необыкновенный талант изложения, шутливое остроумие и живость: «письмо его, как и Вольтера, исполнено ума и веселости».

Пушкин в высокой степени ощущает жанр письма, и никогда не подменяет его другими литературными видами. Затрагивая всевозможные темы, он не переходит в другие стили. Описание, речь, пейзаж, литературный портрет, публицистика, памфлет, пародия—все это нигде не выступает в его письмах, как самостоятельный жанр, и только сообщает летучие штрихи для наиболее полного выявления основного эпистолярного стиля¹.

¹ ряд ценных замечаний о письмах Пушкина, как литературном явлении, сделаны Г. О. Винокуром. Он исходит из несомненного положения, что «Пушкин работал над своими письмами, как над художественной вещью, — письма для него были равносильны литературному факту» («Культура языка», М., 1925, стр. 183). На аналогичном положении построена статья Н. Степанова «Дружеская переписка 20-ых годов» в сборнике «Русская проза» под редакцией Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова, Л., 1926.

Корреспондентки Пушкина, конечно подходили к своим почтовым творениям с меньшей озабоченностью о теориях «письма». Но известные традиции здесь несомненно сказывались. Романы в письмах им были знакомы и часто неощутимо оказывали свое воздействие на способ их выражения. Недаром Пушкин в «Метели» отмечает, что при объяснении Бурмина Марья Гавриловна вспомнила первое письмо Saint-Preux. Недаром в Михайловском он перечитывает «Клариссу Гарло», взятую, повидимому, в библиотеке тригорских барышень. Общая культура письменной беседы сказывалась на этих взволнованных и нервных листках.

Пушкин оценил их и сохранил для потомства. «Письмо Татьяны предо мною — Его я свято берегу»... Чрезмерно равнодушный к их авторам, он видимо все же ценил эти писанные исповеди. В некоторых случаях он действительно читал и перечитывал «с тайною тоскою» эту своеобразную литературу, оформленную по традициям французской эпистолярной поэтики, но при этом охваченную подчас горестным лиризмом открывшегося и отвергнутого чувства.

Часть этих писем дошла до нас. Мы можем вслед за поэтом перечесть эти старинные человеческие документы, освещающие нам его личность, его окружение, его эпоху.

III

Иные из этих корреспонденток оставили и свои воспоминания о поэте, значительно дополняющие их эпистолярные признания и исповеди. Мы сочли

необходимым присоединить их к отделу писем, добавив к ним еще несколько характерных женских мемуаров о поэте—М. Н. Волконской, А. М. Каратыгиной-Колосовой, В. А. Нащокиной, цыганки Тани.

Эти страницы воспоминаний как бы восполняют круг разнообразных впечатлений о поэте его ближайших современниц.

Нам уже приходилось однажды, по поводу автобиографии А. Г. Достоевской, отметить особый вид мемуарной литературы: воспоминания о знаменитых мыслителях или художниках, бережно записанные женской рукой. Такие автобиографические свидетельства как бы составляют особую группу культурно-исторических документов. Факты творческого порядка здесь преломляются сквозь повышенную женскую впечатлительность, а облики знаменитых творцов перед нами неожиданно раскрывают новые, своеобразные, подчас наименее известные и наиболее человеческие черты. Все ценные свойства этого жанра выступают и в отрывочных мемуарных страницах о Пушкине.

Оговоримся: некоторые из приведенных воспоминаний писались их авторами под конец жизни, когда события отдаленного прошлого затуманивались и бледнели. Быль сплеталась с преданием и подчас произвольно освещалась воображением или расцветивалась «творческой памятью». Не все одинаково достоверно в рассказах Нащокиной и цыганки Тани. И все же в основном они передают нам явственно ощутимые черты подлинной жизни, быта и облика поэта. Маловероятный анекдот без труда отпадает

и не сможет исказить установленной правды о Пушкине; живые впечатления его собеседниц осветят по новому его классический портрет.

* * *

В основу нашего сборника положены известные издания переписки Пушкина: 1) Соч. Пушкина, изд. Академии Наук, Переписка, под ред. и с примечаниями В. И. Саитова, в трех томах, СПб., 1906—1911. 2) Письма Пушкина и к Пушкину, не вошедшие в изданную Академией Наук «Переписку Пушкина», собрал М. А. Цявловский, изд. Гос. Академии Художественных Наук, М., 1925. 3) Пушкин, Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР. Т. I (1815—1825), М.—Л., ГИЗ, 1926, Т. II (1825—1830), М.—Л., 1928..

Сюда же необходимо присоединить и письма Пушкина к Е. М. Хитрово (1827—1832). Труды Пушкинск. Дома, в. XLVIII, Л., 1927.

Большинство писем корреспонденток Пушкина написано на французском языке и было до сих пор недоступно широким читательским кругам. Объединяя в одном сборнике «женскую корреспонденцию» поэта, мы впервые даем полный русский перевод этих старинных посланий. Он выполнен для настоящего издания О. М. Новиковой. Ответные письма Пушкина, написанные также на французском языке, частично даны здесь в нашем переводе, частично же — в существующих переводах (вышеназванных изданий), которые мы позволили себе воспроизвести здесь.

Тексты писем предварены небольшими статьями и заметками о корреспондентках Пушкина. Мы стремились в них сосредоточиться главным образом на характеристике пушкинских собеседниц по некоторым мемуарным свидетельствам и особенно по их письмам к поэту.

Последний источник у нас еще недостаточно использован. В облике П. А. Осиповой, например, при внимательном чтении ее писем раскрывается ряд новых черт. Хозяйственная соседка Пушкина по Михайловскому оказывается в политическом отношении носителем весьма радикальных убеждений во многом идущей впереди воззрений самого поэта. В 20—30 годах эта пожилая помещица является, довольно типичной представительницей оппозиционной дворянской интеллигенции, преданной декабристам и резко враждебной милитаристскому строю Николая I.

Нам показалось правильным остановиться на этих менее использованных материалах в виду тщательной и детальной разработки у нас «реального» биографического комментария о друзьях и возлюбленных Пушкина. В последнее время у нас не только собраны обширные материалы для полного словаря пушкинских современников, но можно считать, что в значительной части он уже осуществлен. Комментарии Б. Л. Модзалевского к новому изданию писем Пушкина явятся в целом такой полной энциклопедией пушкинского общества. Два комментированных издания Дневника Пушкина — московское под редакцией В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского и ленинград-

ское под редакцией Б. Л. Модзалевского—выполняют то же задание. Отметим также словарь одесских знакомых Пушкина, составленный М. П. Алексеевым.

Для настоящего сборника мы остановились на ином принципе комментирования—по возможности сжато и строго необходимом. Относя ряд разъяснений в небольшие вступительные заметки к данной группе писем, мы решили прибегать к объяснительным примечаниям лишь в тех случаях, когда они совершенно необходимы для понимания данного места, принимая во внимание уровень того подготовленного читателя, который может заинтересоваться нашим сборником. В остальных случаях мы намеренно опускаем всякий комментарий. Нам казалось, что и старинные тексты воспоминаний или писем часто говорят сами за себя и в большинстве случаев не нуждаются в комментаторском средостении между своим автором и читателем.

Распределение материалов в нашем сборнике заменяет отчасти специальный комментарий. Печатаемые рядом письма и воспоминания одних и тех же лиц на одну и ту же тему в значительной степени служат взаимному пояснению и часто избавляют от интервенции редактора. Обильно приводимые у нас попутно высказывания самого Пушкина в письмах или стихотворных фрагментах успешно служат той же цели. Небольшие вступительные заметки общего характера, сокращая случаи подстрочных ссылок, по возможности освещают предлагаемые тексты. Все это дает нам возможность сильно сократить количество примечаний, сведя их преимущественно

к переводу иностранных текстов или же к сжатой справке о какомнибудь редком явлении или мало известном имени.

В заключение—моя дружеская благодарность неизменному советчику пушкинистов—Мстиславу Александровичу Цявловскому.

Л. Г

ПИСЬМА

Но дойдет ли до вас это письмо, и где оно вас достигнет?..

В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ.

Княгиня Вера Федоровна Вяземская (1790—1886) жена писателя и близкого друга Пушкина, принадлежала к числу искренних друзей поэта. Будучи старше его на девять лет, она несомненно вносила в свои отношения к Пушкину, чувство нежной материнской заботливости о нем. Этим она отчасти напоминает некоторых других «старших» подружек Пушкина, как П. А. Осипова или Е. М. Хитрово. Встречаясь с Пушкиным в Одессе в 1824 году, Вера Федоровна принимает близкое участие в его неприятностях с Воронцовым, старается образумить поэта и направить его на должный путь. «Я пытаюсь приручить его к себе, как сына, сообщает В. Ф. Вяземская своему мужу, но он непослушен, как паж; если бы он был менее дурен собою, я дала бы ему имя «Керубино»; право, он только и делает, что ребячества»... И в другом письме: «Мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его, как будто бы он был моим сыном»...

Вера Федоровна Вяземская, по свидетельству современников, отличалась нестойчивой веселостью и надолго сохранила в своем смелом обхождении

с людьми остаток какой-то очаровательной детской резвости. Разговор ее искрился живым и острым умом и постоянно прерывался взрывами заразительного хохота. Она отличалась даже некоторой насмешливостью и особенно любила иронизировать над влюбленными, не веря в силу страстей и скептически относясь к чувствам, ею возбуждаемым. В таком духе написано и сохранившееся ее письмо к Пушкину, согретое веселым тоном дружеской беседы, характерной шуткой над влюбчивостью поэта и, наконец, искренним участием к его судьбе и к его будущему.

Существует предположение о романическом характере отношений Пушкина и Вяземской, но эту версию пока нельзя признать достаточно обоснованной. Сохранившиеся письма Пушкина к Вере Федоровне отличаются обычно простым дружеским тоном, переходящим подчас в легкую шутку.

ПУШКИН—В. Ф. ВЯЗЕМСКОЙ.

3 ноября (1826 г.). Торжок.

«Спешу, княгиня, послать Вам поясы. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать Вам мадригал по поводу пояса Венеры, но мадригал и чувство стали одинаково смешны. Что сказать вам о моем путешествии? Оно продолжается при самых счастливых предзнаменованиях, за исключением отвратительной дороги и невыносимых ящиков. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоят двух моих спутников, я прошу у них извинения за вольность обращения, но когда путеше-

ствуешь совместно, необходимо кое-что прощать друг другу. С.П. ¹—мой добрый ангел, но другая ²—мой демон; это весьма некстати смущает меня в моих портических и любовных размышлениях. Прощайте княгиня, — еду похоронить себя в обществе моих соседок. Молите бога за упокой моей души. Если вы удостоите прислать мне в Опочку небольшое письмо страницы в 4, это будет с Вашей стороны вполне милое кокетство. Вы, которая умеете написать записку лучше, чем моя покойная тетушка ³, неужели вы не проявите такой доброты? (NB записка впредь синоним музыки). Итак, прощайте. Я у Ваших ног и трясую Вам руку на английский манер, так как Вы ни за что не желаете, что бы я Вам ее целовал.—Торжок 3. ноября.—Достаточно ли обняжков? Ради бога не давайте ключа к ним Вашему супругу. Категорически встаю против этого».

В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ—ПУШКИНУ.

19 ноября (1826 г.). Москва.

Я думаю, что это письмо сильно займет вас, а моя слабость и лень воспользуются этим, чтобы

¹ Это, само разумеется, не Сергей Пушкин. (Примеч. Пушкина).

² По мнению Б. Л. Модзалевского — Анна Николаевна Вульф. Предыдущие же инициалы, под которыми Пушкин просит не подразумевать его отца Сергея Львовича, расширяются как Софья Федоровна Пушкина, которою поэт в то время увлекался.

³ Та, которой посвящено шутовское стихотворение: «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна, — Василья Львовича сестра»...

сказать вам всего несколько слов. Прежде всего, не сошли ли вы съума? Возможно ли так легко-мысленно разменивать свои прекрасные рифмы и так зря тратить свое золото? Количество поясов меня возмутило; только качество ¹ их может послужить вам извинением,—все они прелестны. Продолжают ли добрый ангел и демон сопровождать вас? Я думаю вы давно уже отставили их. Кстати, вы так часто меняете свои предметы, что я не знаю, кто же другая. Муж меня уверяет, будто я надеюсь, что это я сама. Да сохранит нас обонх от этого небо! прежде всего я не хочу с вами путешествовать, я чересчур слаба и стара, чтобы рыскать по большим дорогам; я сделалась бы в прямом смысле слова вашим злым ангелом. Но я рассчитываю на вашу дружбу. Вы кажется, впрочем, сбросили с себя это иго, которому должны быть обязательно подчинены, чтобы выслушивать без возмущения некоторые правдивые слова. Итак, прощайте, серьезный мой друг, сообщите нам о ваших планах ².

¹ В подлиннике, приведенном в академическом издании писем *quantité* (количество),— явная ошибка. Прим. перев.

² К письму приписка кн. П. А. Вяземского на русском языке.

З. А. ВОЛКОНСКАЯ.

Облик Зинаиды Волконской дошел до нас в двух замечательных художественных зарисовках: в превосходной миниатюре Изабэ, передающей всю легкую и задумчивую грацию ее внешности, и в знаменитом мадригале Пушкина, запечатлевшем в нескольких летучих штрихах одухотворенный облик «Северной Коринны»:

Среди расселенной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется, и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

В своем кратком послании Пушкин отмечает основную черту Волконской—ее пристрастие к «играм Аполлона». Дочь известного дипломата и мецената

А. М. Белосельского-Белозерского, получившего даже прозвище «московского Аполлона», З. А. Волконская (1792—1862) блестяще представляла в 20-ые годы русские художественные круги. Поэзия, музыка, сцена — всему этому она служила как даровитая дилетантка, умевшая объединять вокруг себя лучших представителей искусств и наук. Это была настоящая руководительница литературно-артистического салона, и в последующей истории русской художественной культуры уже не было более блестяще одаренной «предводительницы» свободного объединения художников.

Европейским стилем своей жизни, тонким художественным вкусом и несомненными артистическими дарованиями, соединенными с замечательной красотой, Волконская привлекала к себе мыслителей и поэтов самых разнообразных толков. Салон ее, где бывали Мицкевич и Чаадаев, где поэты пушкинской плеяды общались с представителями ученой Москвы, где не переставали чередоваться концерты, спектакли и чтения, остается крупным и ярким явлением в истории нашего культурного прошлого.

В письме З. А. Волконской к Пушкину отразились живые черты ее художественной жизни вместе с глубоким преклонением перед «творцом Бориса Годунова».

В начале письма она упоминает свою переделку для оперы «Орлеанской девы» Шиллера («*Giovanna d'Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller*», Roma, 1821).

В этой опере, как видно из ее письма, она сама и выступала, при чем художник Бруни зарисовал ее

в роли Жанны д'Арк. В конце письма сказывается то восторженное отношение русского общества 20-х годов к Пушкину, которое вполне разделялось и З. А. Волконской.

Об этом имеются и мемуарные свидетельства. «Помнится и слышится еще, писал много лет спустя Вяземский, как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела Элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман...

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства. По обыкновению краска вспыхивала в лице его»...

Это поклонение Пушкину открыто и сильно выражено в письме З. А. Волконской, которое переходит под конец в изящный, хотя и несколько надуманный стиль классической похвалы поэту.

КНЯГИНЯ З. А. ВОЛКОНСКАЯ — ПУШКИНУ.

Москва 29 октября 1826 г.

Вот уже несколько дней, как я отложила для вас эти немногие строки, дорогой Пушкин. Но я забыла вам их передать; ведь когда я вас вижу, я становлюсь ма ч е х о й. «Иоанна» была написана для моего театра, я играла эту роль и, желая сделать из нее оперу, принуждена была закончить свое исполнение посреди пьесы Шиллера. Вы получите литографию моей головы в *Giovanna d'Arco*, по Бруни, вы поме-

стите ее на первой странице и будете вспоминать обо мне. Возвращайтесь к нам. В московском воздухе легче дышится. Великий русский поэт должен писать или в степях или под сенью Кремля, а творец Бориса Годунова принадлежит городу царей. Какова же должна быть мать, зачавшая человека, чей гений есть полнота силы, изящества и простоты, который, являясь нам — то дикарем, то европейцем, — то Шекспиром или Байроном, то Арностом или Анакреоном, — но всегда Русским, переходит от лирики к драме, от песен нежных, любовных, простых, порою суровых, романтических или язвительных, к величественному и простодушному тону строгой истории.

До свидания, скорого, надеюсь. Книгиня Зинаида Волконская.

А. Н. ВУЛЬФ.

Письма старшей дочери П. А. Осиповой Анны Николаевны Вульф чрезвычайно характерны для суждения о «михайловских» годах Пушкина. Они полнее всего свидетельствуют о его роли в женском обществе Тригорского, о любовной практике поэта, о производимом им впечатлении и возникавших вокруг него сердечных драмах.

Из этих писем выступает довольно отчетливо характерный для старо-дворянского русского быта любовный поединок матери с дочерью. Условия тогдашней жизни с замкнутым, почти что кастовым кругом знакомых, с невозможностью для девушек и женщин общаться с представителями различных сословий и свободно выбирать себе друзей или спутников жизни в любом кругу, вызывали постоянные семейные столкновения женских интересов. Обычай «гостить», ночевать или даже подолгу дружески жить у соседей всячески способствовал таким драматическим столкновениям подруг или родственниц вокруг привлекательных героев их обычного круга. По дневникам Е. В. Сухово-Кобылиной, нам известно, какая драма взаимной ревности разыгралась между ней и ее матерью из-за жившего в их доме Н. И. На-

деждина. Не даром Тургенев в конце 40-х годов широко использовал этот драматический мотив в своем «Мясяце в деревне».

Аналогичная драма, хотя и в менее острых формах, разыгралась и в Тригорском. Увлеченная Пушкиным, мать Анны Николаевны, Прасковья Александровна Осипова, решает удалить возможную соперницу свою, старшую дочь, отдавая себе, очевидно, полный отчет в ее чувстве к Пушкину. «Вчера у меня была сильная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь... Если бы вы знали, как я печальна! Я право думаю, как А. К. (Анна Керн), что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь»... И далее: «Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина!»

В письмах Анны Николаевны много глубокого, искреннего и красивого чувства. Она имела право писать поэту: «Вы терзаете и раните сердце, цены которому не знаете». Особенно проникновенно и сердечно письмо, вызванное переломом в судьбе поэта (отъезд его из Михайловского в Москву по вызову императора). «Боже, с какой радостью я бы узнала, что вы прощены, если бы даже мне не пришлось вас никогда больше увидеть, хотя это условие для меня столь же ужасно, как смерть». И это несмотря на довольно легкое отношение к ней Пушкина, который подчас «оскорбляет» ее своим поведением, ведет себя как «опасный человек», недостойный искренней любви и проч. За все это Анна Николаевна пыта-

ется иногда возбудить в письмах его ревность, по делает это крайне наивно и простодушно.

В пачке женских писем к Пушкину листки Анны Николаевны Вульф занимают особое место: это единственные дошедшие до нас письма к нему девушки, повидимому, искренне и глубоко его любившей ¹.

ПУШКИН—А. Н. ВУЛЬФ.

21 июля (1825 г. Михайловское).

Пишу вам после очень грустного опьянения; вы видите, я держу свое слово.

Итак: в Риге ли вы уже? одержали ли победы? скоро ли выходите замуж? нашли ли уланов? Сообщите мне обо всем этом во всех подробностях, ибо вы знаете, что, несмотря на мои злые шутки, я истинно интересуюсь всем, что вас касается. Хотел я побранить вас, да нехватает на то смелости на таком почтительном расстоянии; что же касается правочений и советов, то вы их получите. Слушайте хорошенько: 1) Во имя неба, будьте ветрены лишь с вашими друзьями (мужского рода): последние воспользуются этою ветреностью лишь в свою пользу, тогда как подруги повредят вам, ибо усвойте себе хорошенько ту мысль, что все они столь же пусты

¹ В письмах А. Н. Вульф и П. А. Осиповой часто называются различные женские имена или инициалы: А. К. — Анна Петровна Керн; Нетти — Анна Ивановна Вульф, племянница П. А. Осиповой; А лек с а н д р и н а — Александра Ивановна Осипова, падчерица П. А. Осиповой; Е в р а к с и я — младшая дочь П. А. Осиповой от первого брака, в замужестве баронесса Вревская.

и столь же болтливы, как и вы сами. 2) Носите короткие платья, ибо у вас прехорошенькие ножки, да не расстрепывайте височков, хотя бы это было и модно, так как у вас, к несчастью, круглое лицо. 3) С некоторого времени вы стали очень учены, но... не старайтесь выказывать этого, и если какой-нибудь улаи скажет вам, «что с вами нездорово вальсировать», — не смейтесь и не жеманьтесь и не делайте вида, что этим гордитесь; высморкайтесь, отвернитесь и заговорите о чем-либо другом. 4) Не забудьте о последнем издании Байрона.

Знаете, за что я хотел побранить вас? нет? испорченная девица, без чувства и без и т. д... А ваши обещания? сдержали вы их? Пусть—не стану больше говорить о них и прощаю вас, тем более, что и сам об этом вспомнил лишь после вашего отъезда. Странно, где же у меня тогда была голова? После сего поговорим о другом.

Все Тригорское поет: Не мила ей прелесть
НВ: но ч и, а у меня от этого сердце поет; вчера мы с Алексеем ¹⁾ говорили подряд четыре часа. Никогда еще не было у нас такого продолжительного разговора. Угадайте, что нас вдруг так сблизило? Скука? Средство чувства? Ничего не знаю: каждую ночь гуляю я по своему саду и говорю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле ветки увидшего гелиотрона. Пишу много стихов, — все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вам, что о ней и помину нет.

¹ Алексей Вульф, брат Анны Николаевны.

Если бы я был влюблен, то в воскресенье со мною сделалась бы конвульсия от бешенства и ревности; а мне было только досадно. Однако, мысль, что я ничего для нее не значу, что, пробудив и заняв ее воображение, я только потешил ее любопытство; что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни рассеянное среди ее триумфов, ни мрачнее в дни грусти; что прекрасные глаза ее останутся на каком-нибудь рижском франте с тем же раздражающим сердце и сладострастным выражением,— нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого; нет, не говорите, а то это очаровательное создание насмеется надо мною. Но скажите ей, что уж если в ее сердце нет для меня тайной нежности, если нет в нем таинственного, меланхолического ко мне влечения, то я презираю ее, понимаете ли? Да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно возбудить в ней это столь новое для нее чувство.

До свидания, Баронесса, примите выражение уважения от вашего прозаического обожателя.

21 июля. P. S. Пришлите мне рецепт, который вы мне обещали. Я наделал столько глупостей, что сил нет. Проклятый приезд, проклятый отъезд.

А. Н. ВУЛЬФ—ПУШКИНУ.

(Начало марта 1826 г. Малинники).

Вы теперь уже давно в Михайловском—вот все, что я знаю, наверное, о вас. Я долго колебалась, написать ли вам до получения от вас письма; но так как

размышления никогда меня ни к чему не приводят, я уступила желанию написать вам. Но с чего мне начать и что вам сказать? Я боюсь и не могу дать воли моему перу; боже, почему я не уехала раньше, почему — но нет, мои сожаления ни к чему — они будут лишь торжеством для вашего тщеславия; весьма возможно, что вы уже не помните последних дней, которые мы провели вместе. Я жалею, что не написала вам в первые дни моего приезда: мое письмо было бы прелестным, но теперь это для меня невозможно: я могу быть только нежной и думаю, что в конце концов порву это письмо. Знаете ли вы, что я пишу вам письмо и плачу? Меня это компрометирует, я чувствую, но это сильнее меня; я не могу себя преодолеть. Я остаюсь тут почти наверное; моя милая матушка устроила это, не спрашивая моего мнения; она уверяет, что с моей стороны большая непоследовательность не желать теперь оставаться здесь, когда зимой я хотела уехать сюда даже одна! Вы видите, что сами во всем виноваты; должна ли я проклинать или благословлять провидение, пославшее вас на моем пути ¹ в Тригорское? Если еще вы будете сердиться на меня за то, что я остаюсь здесь, вы будете тогда прямо чудовищем, слышите ли, сударь? Я сделаю все возможное, чтобы не оставаться, даю вам слово, и если мне не удастся, то поверьте, не по моей вине. Не думайте, однакоже, что я хочу этого потому, что тут никого у меня нет. Совсем нет: я нашла здесь очень милого кузена,

¹ Эти три слова зачеркнуты.

который меня страстно любит и не желает ничего лучшего, чем доказать мне это по вашему способу, если бы я только пожелала. Это не улан, как вы может быть готовы предположить, но гвардейский офицер, очаровательный молодой человек, который мне ни с кем не изменяет; слышите? Он не может перенести мысли, что я столько времени пробыла с вами, таким безнравственным человеком. Но увы! Я ничего не чувствую при его приближении: присутствие его не вызывает во мне никакого волнения.

Я все еще надеюсь получить от вас письмо. Какой радостью это было бы для меня! Я не смею однако просить вас об этом, я боюсь даже, что не смогу вам писать, так как не знаю, удастся ли мне прятать письма от моих кузин, а тогда, что могла бы я вам сказать? Я предпочитаю совсем не получать от вас писем, чем иметь подобные тем, которые писались вами в Ригу.

Почему не покинула я вас теперь с тогдашним безразличием, почему Нетти не приехала тогда за мной,— быть может мы расстались бы иначе. Я не показала ей этого письма под различными предлогами, говоря, что пишу А. К[ерн]. Но я не могу так поступать всегда, не вызывая подозрения; несмотря на все мое легкомыслие и непоследовательность, вы сумели сделать меня скрытной. Я говорю о вас возможно меньше, но мне грустно, и я плачу. Это конечно очень глупо, так как я уверена, что вы уже думаете обо мне с большим равнодушием и быть может рассказываете обо мне всякие ужасы, тогда как я!.. Я забыла вам сказать, что мама вашашла вас грустным

при нашем отъезде. Ему, кажется, нас жаль! Мое желание вернуться внушает ей подозрение, и я боюсь слишком торопить это. Прощайте, делаю вам гримасу.

8 марта. Уже несколько дней, как я написала вам это письмо: я не могла решиться вам его отослать. Боже! Решено, что я останусь здесь. Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и она никак не может меня взять с собою, ибо уезжая устроилась так, чтобы оставить меня здесь. Если бы вы знали, как я опечалена! Я право думаю, как и А. К., что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь. Надеюсь однакоже, что это продлится так только до лета: моя тетка поедет тогда во Псков, и мы вернемся вместе с Нетти. Но сколько перемен может произойти до тех пор — вас могут простить, может быть Нетти сделает вас другим. — Очень неосторожно будет с моей стороны возвращаться вместе с ней, но я все же подвергну себя этому риску и надеюсь иметь достаточно самолюбия, чтобы о вас не жалеть. — А. К. тоже должна сюда приехать, но между нами не будет соперничества, повидимому каждая из нас довольна своей участью. Это делает нам честь и доказывает наше тщеславие и доверчивость. Евпраксия пишет мне, что вы сказали ей, будто веселились во Пскове — это после меня? Каким же вы показали бы себя и как глупа была бы я! Взяли ли вы тросточку

Ильи Ив. — когда я вернусь, я у вас ее спрошу. Боже! Как я была бы рада, если бы получила письмо от вас; не обманывайте меня, во имя неба, скажите, что совсем меня не любите, тогда, может быть, я буду спокойнее. Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина! Впрочем, во всем этом есть и ваша вина.

Прощайте, что скажете вы, прочитав это письмо? Если вы мне напишете, передайте письмо через Трейера, так будет вернее. Я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно не попала в руки мамы; не написать ли к вам через Евир. — сообщите, как будет лучше.

А. Н. ВУЛЬФ — ПУШКИНУ.

(Вторая половина марта 1926 г. Малинники).

Если вы получили мое письмо, во имя неба, разорвите его! Мне стыдно за свое безумие, никогда не посмею я поднять глаз на вас, если вас снова увижу. Мама уезжает завтра, а я остаюсь здесь до лета; по крайней мере я так надеюсь. Если вы не боитесь компрометировать меня перед моей сестрой (а вы это делаете, судя по ее письму), то очень прошу вас не ронять меня в глазах мамы. Сегодня она подсмеивалась над нашим прощанием во Пскове, находя его чересчур нежным: «он, говорит она, думал, что я ничего не замечаю»¹. (Как

¹ В оригинале, видимо, ошибочное расположение слов: или знаков препинания „он говорит, она думала“... Мы переставили их согласно смыслу фразы, выправив одно окончание.

это вам покажется?). Впрочем вам нужно только казаться таким, как вы есть, чтобы разубедить ее и доказать, что вы даже не замечаете моего отсутствия. Какая волшебная сила пленила меня! Как вы умеете разыгрывать чувства! Я согласна с моими кузинами, что вы крайне опасный человек, но я постараюсь стать благоразумной.

Ради бога, разорвите мое письмо и разбейте мою псковскую чашку. Такой подарок — дурная примета. Я очень суеверна, и чтобы вознаградить вас за эту потерю, обещаю вам подарить, по возвращении тот сургуч, который вы у меня просили при моем отъезде. — Я буду учиться по-итальянски и хотя я очень сердита на вас, думаю, что мое первое письмо будет к вам . . . ¹.

А. Н. ВУЛЬФ — ПУШКИНУ.

20 апреля 1826 г. (Малинники).

Боже! Какое волнение я испытала, читая ваше письмо, и как я была счастлива, если бы письмо сестры не примешало горечи к моей радости. Вчера утром я пила чай, когда мне принесли с почты книги, я не могла отгадать, откуда они; когда приоткрыв, я увидела Las-Casas,² сердце мое забилося, и я

¹ Одно слово вымарано.

² Las Cases (а не Las-Casas, как пишет А. Н. Вульф) французский историк (1766 — 1842). Он сопровождал Наполеона в изгнание и написал „Мемориал святой Елены“ (1823), в котором привел рассказы французского императора о всех эпохах его истории. Об этой книге несомненно идет речь

не посмела их развернуть тем более, что я была не одна. Ваше письмо порадовало бы меня, если бы я не помнила, что вы писали в моем присутствии такие же и даже более нежные А. К., а также Нетти. Я не ревную, уверяю вас; если бы это и было, моя гордость, поверьте, тотчас взяла бы вверх над чувством, и однако же я не могу не сказать вам, как оскорбляет меня ваше поведение. Как могли вы, получив мое письмо, воскликнуть: Ах, господи, что за письмо, словно от женщины! И вы бросаете его, чтобы читать глупости Нетти; не хватало только вам сказать, что вы его находите чересчур нежным. Нужно ли вам говорить, как это меня оскорбляет, не говоря уже о том, как компрометируете вы меня, говоря, что письмо от меня. Моя сестра очень за это оскорбилась и, боясь меня огорчить, сообщает об этом Нетти. Эта последняя не зная даже, что я вам писала, раздражается упреками на недостаток дружбы и доверия к ней с моей стороны, а вы еще меня обвиняете в ветрености, вот что делаете вы сами! Ах, Пушкин, не достойны вы любви, и я вижу, что была бы счастливее, если бы покинула Тригорское ранее и если бы последнее время, проведенное с вами, могло бы изгладиться из моей памяти. Как это (вы) не поняли, почему я не хочу получать от вас писем вроде тех, какие посылали в Ригу. Ведь тот стиль, который раньше задевал только мое тщеславие, истерзал бы теперь

в письме А. Н. Вульф. Отметим, что книга эта имелась в библиотеке Пушкина (по каталогу В. Л. Модзалевского №№ 1074 и 1075).

мою душу: прежний П. был для меня не тот, какому я пишу теперь. Разве вы не чувствуете этой разницы? Это было бы очень для меня унижительно; я боюсь, что вы не любите меня, как должны были бы любить; вы разрываете и раните сердце, цены которому не знаете; как была бы я счастлива, если бы была так холодна, как вы это предполагаете! Никогда в жизни не переживала я такого ужасного времени, как здесь; никогда еще не испытывала я таких душевных страданий, тем более что я должна танць все горести в своем сердце. Как проклинала я мое путешествие сюда! Сознаюсь вам, что последнее время, после писем Еввр., я старалась делать все возможное чтобы вас забыть, ведь я очень была сердита на вас! Не тревожьтесь относительно кузена, моя холодность его оттолкнула, да и потом явился другой соперник, с которым он не смеет равняться и которому принужден уступить место: это Анреп, который провел здесь последние дни; нужно сознаться, он очень красив и оригинален; я имела счастье и честь одержать над ним победу. О, этот превосходит даже и вас, чему я никогда бы не поверила, — он идет к своей цели гигантскими шагами; судите сами: я думаю, что он превосходит вас даже в дерзости. Мы много говорили о вас, к моему большому изумлению он сказал мне также некоторые ваши фразы, напр., что я чересчур умна, чтобы иметь предрасудки. Почти в первый же день он схватил мою руку и сказал, что имеет полное право ее поцеловать, раз я ему так сильно нравлюсь. Заметьте, сударь, пожалуйста, что он не ухаживал здесь и не ухаживает

ни за кем другим и не повторяет мне фраз, сказанных другой; напротив, он не обращает ни на кого внимания и всюду следует за мной. Уезжая он сказал, что от меня зависит его возвращение сюда. Однако же не бойтесь я к нему ничего не чувствую, он не производит на меня никакого впечатления, тогда как одно воспоминание о вас так меня волнует!

Мама обещала прислать за мной в июне месяце, если тетя не придет летом. Нужно ли мне просить вас сделать все возможное, чтобы она осуществила это поскорее. Я сильно опасаюсь, что у вас совсем нет любви ко мне; но вы испытываете лишь временные желания, которые хорошо знакомы и многим другим. — У нас много народа; едва нашла я время вам написать. Еще приехал к вам из Новгорода один любезный молодой человек, господин Павлицев, большой музыкант; он сказал мне, что знает вас. Мы пойдем сегодня обедать к одной из моих теток: нужно кончать письмо, так как пора одеваться. Я буду в большом обществе, но мечтать буду только о вас. Пишите мне с полной безопасностью через Трейера и через Торжок; так более надежно, и вам нечего бояться, он не знает, чьи письма мне передает, а тут знают вашу руку. — Порвите мое письмо по прочтении, заклинаю вас, я сожгу ваше; знаете ли я всегда боюсь, что вы найдете мое письмо чересчур нежным, и потому не говорю вам всего, что чувствую. — Вы говорите, что ваше письмо плоско, потому что вы меня любите: какой абсурд; особенно для поэта; что может делать более красноречивым, нежели чувство. Пока прощайте. Если вы

чувствовала, как и, я была бы довольна. Боже, я никогда не поверила бы, что напишу когда-нибудь такую фразу мужчине! Нет, я ее вычеркиваю! Прощайте еще раз, делаю вам гримасу, раз вы их любите. Когда мы увидимся? не буду жить до этого момента.

20 апреля.

А. Н. ВУЛЬФ — ПУШКИНУ.

2-го июня (1826 г. Малинки).

Я наконец получила ваше письмо вчера. Трейер принес мне его сам и я не могла удержаться от восклицания, при виде вашего письма. Почему вы не писали мне так долго? Разве вы не могли этого сделать из Пскова? Как слабы оправдания, которые вы мне всегда приводите! Все, что вы пишете об Анрепе, мне в высшей степени не нравится и оскорбляет меня двойким образом; во-первых, предположение, что он сделал больше, чем поцеловать мне руку, с вашей стороны крайне обижает меня, а слово все равно еще того хуже: оно оскорбляет и огорчает меня в другом смысле. Надеюсь вы достаточно умны, чтобы почувствовать, что этим вы высказываете свое безразличие к создавшимся между мною и им отношениям. Полагаю, что это не очень нежно с вашей стороны. Заметила я, что он превосходит в дерзости и неосторожности из его поведения не только со мной; но по его обращению со всеми и из общего разговора. Итак, нет надежды, что мама пришлет за мной, это весьма прискорбно. Пад. Гавр.

*Вера Александровна Наицкина. 1830-е г.г.
Е. Житнев (?). Холст, масло. 49х41.*

*Анна Петровна Керн.
Неизвестный художник.*

все обещает маме приехать в будущем месяце: но на это нельзя рассчитывать; ведь это она портит все дело; а между тем г-жа Трейер придет сюда через две недели и я могла бы поехать с ней. Было бы превосходно, если бы мама прислала мне с нею экипаж и тогда в этом месяце я была бы в Тригорском. Я рассчитываю, что мой брат это устроит! нужно только убедить маму, что Н. Гавр. будет откладывать свое путешествие с месяца на месяц и все будет откладывать. Я думаю, что он уже в Тригорском и напишу ему по этому поводу. Вся эта неопределенность меня очень мучает; все это время я была очень больна и тенорь еще сильно страдаю. Как я была удивлена, получив на этих днях большой пакет от вашей сестры, она мне пишет вместе с А. К., обе они в восторге друг от друга. Левушка пишет мне тысячу нежностей в этом же письме и к моему большому удивлению я нашла там несколько строк от Дельвига, которые мне доставили большое удовольствие. Мне кажется однакоже, что вы немного ревнуете к Левушке. Я нахожу, что А. К. прелестна несмотря на свой большой живот; это выражение вашей сестры. Вы знаете, что она осталась в Петерб. на время родов, а затем собирается приехать сюда. — Вы хотите выместить на жене Левушки ¹ его успехи у моей кузины.

¹ Левушка, вероятно, Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта. Фраза о «жене Левушки» (la femme de Léon) не совсем понятна, т. к. Л. С. Пушкин женился только в 1843 г. (в Одессе на Е. А. Загряжской). Очевидно имеется в виду определенное лицо, не состоявшее с Л. С. Пушкиным в официальном браке.

Это не доказывает безразличия к ней с вашей стороны. Какая неосторожность с вашей стороны оставить на виду мое письмо, ведь мама его чуть не увидела! Вот блестящая мысль: нанять почтовых лошадей и приехать одной; желала бы я видеть, как любезно меня встретит мама; она готова будет меня совсем не принять. Эффект получился бы слишком сильный! Бог ведает, когда мы опять увидимся! Это ужасно и это повергает меня в грусть. *Adieu, ti mando un bacio, mio amore, mio delizie*¹.

2 июня.

Пишите мне чаще, ради бога; ваши письма одно мое утешение. Я, знаете ли, очень грустна. Как желаю я и боюсь моего возвращения в Тригорское.— Но я предпочитаю лучше поссориться с вами, нежели оставаться здесь: эти места очень безвкусны и нужно сознаться, что среди уланов Анреп еще самое лучшее, вообще же весь полк немногочислен и воздух здешний не идет мне на пользу, я постоянно болею. Боже! когда же я вас увижу опять!

А. Н. ВУЛЬФ — ПУШКИНУ.

5.

11 сентября 1826 г. (Петербург).

Что вам сказать и как начать это письмо?.. И все же чувствую потребность написать вам и не могу слушаться ни размышлений, ни рассудка. Я стала точно другая, узнав вчера новость о доносе

¹ По итальянски: Посылаю тебе поцелуй, моя любовь, моя прелесть.

на вас. Боже правый, что же с вами будет. Ах! Если бы я могла спасти вас, рискуя жизнью, с каким удовольствием я бы ею пожертвовала и одной только милости просила бы у неба — увидеть вас на мгновение перед тем как умереть. — Вы не можете себе представить, в каком я отчаянии; неуверенность моя относительно вашего положения для меня ужасна, никогда еще я так не страдала душевно — и посудите, я должна уехать через два дня, ничего определенного еще узнав о вас. Нет, никогда еще ничего ужаснее я не испытывала в жизни и не знаю, как я не потеряю рассудка. А я то рассчитывала увидеть вас наконец на этих днях! Посудите, каким неожиданным ударом было для меня известие о вашем отъезде в Москву! Но дойдет ли до вас это письмо и где оно вас достигнет? Вот вопросы, на которые никто не может ответить. Быть может вы найдете, что я плохо поступила написав вам, я тоже это нахожу, но я не могу лишиться этого единственного оставшегося мне утешения. Я пишу вам через Вяземского; он не знает, от кого это письмо, он обещал его сжечь, если не сможет вам его передать. Порадует ли оно вас еще? Может быть вы очень изменились за эти месяцы: оно даже может показаться вам неуместным. Эта мысль, признаюсь, для меня ужасна, но сейчас я могу только думать об опасностях, в которых вы находитесь, минуя всякие другие соображения. Если для вас возможно, ответьте мне ради бога, хотя бы словом. Дельвиг собирался написать вам со мною длинное письмо, в котором он просит вас быть осторожным! Очень боюсь, что вы им не были.

Боже, с какой радостью я бы узнала, что вы прощены, если бы даже мне не пришлось вас никогда больше увидеть, хотя это условие для меня столь же ужасно, как смерть. Вы не скажете на этот раз, что письмо мое остроумно, оно лишено всякого смысла, и все же я его посылаю таким, какое оно есть. Что за несчастье, право, попадать в каторжники. Прощайте! Какое было бы счастье, если бы все кончилось хорошо, иначе не знаю, что со мной будет. Я страшно себя скомпрометировала вчера, когда узнала ужасную новость, а несколько часов до того я была в театре и наводила бинокль на кн. Вяземского, чтобы рассказать вам о нем по возвращении. Я многое бы вам сказала, но сегодня я говорю обо всем либо чрезмерно много либо слишком недостаточно и вероятно я кончу тем, что порву мое письмо. Моя кузина Анета Керн принимает живое участие в вашей судьбе. Мы говорим только о вас; она одна меня понимает и только с нею я плачу. Мне так трудно притворяться, а я должна казаться веселой, когда душа моя разрывается на части.

11 сентября.

Нетти очень расстроена вашей судьбой. Да охранит и защитит вас небо. Представляете себе, что я буду испытывать, когда приеду в Тригорское. Какая пустота и какое мучение! Все будет мне напоминать о вас. Совсем с другим чувством думала я приближаться к этим местам; Тригорское мне стало дорого, я думала там вновь обрести жизнь; как я горела желанием туда вернуться, а теперь я найду там лишь мучи-

тельные воспоминания. Ах зачем я покинула эти места. Но я говорю вам о своих чувствах слишком откровенно. Пора кончать. Прощайте! сохраните ко мне немного привязанности: мое чувство к вам этого заслуживает. Боже, если бы мне свидеться с вами довольным и счастливым!

А. Н. ВУЛЬФ — ПУШКИНУ.

6.

Петербург, 16 сентября (1826 г.).

Я настолько мало эгоистична, что радуюсь вашему освобождению и поздравляю вас с ним, однако же не могу удержаться от вздоха, написав вам это, и в глубине души многое бы дала, чтобы вы были еще в Михайловском. Все мои усилия к великодушию не могут заглушить чувства огорчения, которое я испытываю, когда думаю, что не найду вас больше в Тригорском, куда меня призывает сейчас моя несчастная звезда; чего бы я не дала, чтобы совсем его не покидать и не возвращаться в него теперь. Я написала вам длинное письмо с князем Вяз. — Я бы хотела, чтобы оно не дошло до вас: тогда я была в отчаянии, что вы схвачены и готова была на всякие неосторожности. Я видела князя в театре и впродолжение всего спектакля только и смотрела на него в бинокль. Я тогда надеялась вам рассказать о нем. — Я была в восторге повидаться с вашей сестрой, она прелестна. Знаете ли, я нахожу, что она на вас очень похожа; я не знаю, как не заметила этого раньше — скажите мне, прошу вас, почему вы перестали мне

писать: это безразличие или забвенье? Гадкий вы! недостойны вы того, чтобы вас любили, много счетов нужно было бы мне свести с вами, но горесть, что я больше не увижу вас, заставляет меня все забыть...¹ сколько хлопот я думаю в Москве — я...² он устанет внимать... ну беспрестанно — А. Керн вам велит сказать, что она бескорыстно радуется вашему благополучию и любит искренно и без зависти. Прощай мое прошлое блаженство и... vive!³ Никто в жизни не заставит меня испытать тех волнений и ощущений, какие я переживала рядом с вами. Письмо это может служить доказательством моего доверия к вам. Итак, я надеюсь, что вы меня не скомпрометируете и разорвете мое письмо, написав мне на него ответ (будет ли он?) На обороте. Господину Александру II. — Фальшивому брату, чтобы не скандализировать свет.

¹ Не разобрано.

² Оторван край письма.

³ Не разобрано.

П. А. ОСИПОВА.

П. А. Осипова была дочерью крупного псковского помещика XVIII века Александра Максимовича Вындомского. Он служил в гвардии, вращался в большом свете, затем уединился в свои поместья, где занимался «отчасти стихотворством, а более всего — сельским хозяйством». Прасковья Александровна была его младшей дочерью. Она родилась 23 сентября 1781 г. В момент приезда Пушкина в Михайловскую ссылку ей было 43 года, в момент смерти поэта — 56 лет. В год рождения Пушкина 13 февраля 1799 г. Прасковья Александровна вышла замуж за тверского помещика Ник. Ив. Вульфа, от которого имела сына Алексея и дочерей Анну и Евпраксию. Все они вошли в пушкинскую биографию. Овдовев в 1813 г., Прасковья Александровна вышла впоследствии замуж за Ив. Соф. Осипова, скончавшегося в год приезда Пушкина в Михайловское, 5 февраля 1824 г.

П. А. Осипова находилась в недалеком свойстве с Пушкиными; ее родная сестра Елизавета была замужем за Як. Ис. Ганибалом, двоюродным дядей поэта по матери.

Прасковью Александровну Осипову характеризовали у нас обычно по различным историческим дан-

ным ее родословной (она по матери была из рода Кашкиных и дед Аристарх Кашкин был видным вельможей Екатерины II) или же отчасти по письмам к ней Пушкина. Высказывания же самой П. А. Осиповой — ее дружеские письма к поэту — при этом недостаточно принимались во внимание. Между тем они дают основание для углубления многих известных черт ее характера и раскрытия некоторых других, до сих пор недостаточно освещенных.

Из приведенных выше писем старшей дочери Осиповой — Анны Николаевны Вульф мы видели, что Прасковья Александровна была по женски увлечена Пушкиным и даже старалась всячески отстранить от него возможных соперниц. «Она одна хочет одержать над вами победу», с досадой пишет Пушкину Анна Николаевна, сославшая матерью в далекие Малишники.

Прасковья Александровна действительно питала к Пушкину сильное чувство. С глубокой и искренней нежностью, она называет его «мой дорогой и всегда любимый Пушкин», «сын моего сердца». — «Целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю», пишет она ему. При этом она проявляет исключительную заботливость о нем — устраивает его земельные и хозяйственные дела, тщательно исполняет его поручения, заботится о его доходах, дает ему практические советы и указания. Недаром в одном из писем она сообщает: «Я охотно сделаюсь вашей управительницей».

Письма Пушкина — величайшая радость и гордость для нее. Она благоговейно хранит каждый листок его переписки и нисколько не преувеличивает, со-

общая ему уже в 1833 г., что перечитывает его письма «с наслаждением скупца, пересчитывающего груды золота, которые он копит»...

Ее женская влюбленность в поэта сочеталась с неизменной материнской нежностью к нему; не без улыбки, но с невольным сочувствием к ее заботливому попечению о поэте, читаешь в ее письмах сведения о банке кружовенного варенья, которую ей никак не удастся переслать из Тригорского в Петербург своему горячо любимому Пушкину, пока, наконец, 9 января 1837 г. заветная банка не выезжает из Тригорского. По срокам тогдашних переездов нужно думать, что Пушкин еще успел получить, за несколько дней до дуэли, этот последний знак внимания своей верной тригорской подруги.

Пушкин имел все основания высоко ценить П. А. Осипову. Это была незаурядно образованная женщина, начитанная в истории, знакомая с литературой, следящая за новинками поэзии. Недаром отец ее занимался стихотворством и сама она принимала в своем доме Пушкина, Языкова, Дельвига. Каждая новая книжка «Современника» для нее событие, а над «Повестями Белкина» она проводит бессонную ночь.

Любопытно отметить, что в области политики она придерживалась передовых воззрений, опережая в этом отношении иногда даже своего знаменитого корреспондента и друга. Когда в 30-е годы произошло примирение Пушкина с правительством, П. А. Осипова в оценке политической современности оказалась несравненно независимее и радикальнее его. В то

время, как Пушкин, сообщая о бунте в военных поселениях, с возмущением говорит об «утонченном зверстве» бунтовщиков и сочувственно отзывается об императоре, который «усмирил бунт с удивительной храбростью и хладнокровьем», Прасковья Александровна придерживается иных мнений: «Пока бравый Николай будет придерживаться способа военного управления страной, дела будут идти все хуже и хуже, т. к. он очевидно внимательно не прочел или же совсем не читал «Историю Византии» Сегюра (и многих других писавших о причинах падения империй)». В то время, как Пушкин приветствует победы русских войск в Польше, Осипова решительно называет польскую войну «дурацкой».

Интересна и разница их отношения к другому политическому слуху: «Император, пишет Пушкин в 1835 году, даровал милость большинству заговорщиков 1825 г. (разрешение Кюхельбекеру, напр., жить в южной части Сибири)». Иначе относится к этому скептически-умная Осипова: она готова радоваться вести об улучшении положения «несчастных ссыльных — но правда ли это? Не только ли в Петербурге этому поверят?»

Она жестоко иронизирует над «избирательными глупостями» своего сословия (дворянские выборы) и с большой свободой убеждений заявляет в начале 30-х гг., что «наше дворянство еще похоже на варваров». В отличие от многих петербургских знакомых Пушкина, Осипова относилась явно отрицательно к личности Николая I и к системе его управления страной. Даже по кратким высказываниям ее в пись-

мах к Пушкину Прасковью Александровну следует отнести к рядам оппозиционного дворянства первой четверти 19-го века. Это отчетливо сказывается и в ее глубоком сочувствии «несчастным ссыльным» 1825 года. Отметим, что декабрист Муравьев-Апостол и петрашвед Кашкин оба находились в довольно близком родстве с владелицей Тригорского.

Пушкин относился к П. А. Осиповой с чувством серьезной и почтительной привязанности, он никогда не допускал по ее адресу тех насмешливых отзывов, которые были для него привычны в отношении многих других женщин. Ей посвятил он «Подражания Корану», «Простите, верные дубравы», «Быть может уже недолго мне»... и прелестный мадригал:

Цветы последние милей
 Роскошных первоцветов полей.
 Они унылые мечтания
 Живее пробуждают в нас.
 Так иногда разлуки час
 Живее самого свиданья.

П. А. Осипова надолго пережила своего друга-поэта. Она скончалась 8 апреля 1859 года и погребена на погосте Городище в полуверсте от Тригорского.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

Конец 1826 г. (Тригорское).

... в новом году вы отдохнете — и затем улетите из наших объятий — к новым радостям, к новым на-

слажденьям — к новой славе. Прощайте, целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю. П. О. ¹

С боку: А. Пушкину где он найдется.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

19 июля 1831 г. (Тригорское).

Благодарю вас за любезное письмо, которое я только что получила, мой дорогой Александр, благодарю за дружеское его содержание; мы надеемся, что Евпраксия будет счастлива с избранным ею человеком, который повидимому обладает всеми качествами, укрепляющими семейное счастье. 8-го этого месяца состоялось бракосочетание; я провела 3 дня во Вреве и ваше письмо пришло во время моего отсутствия, кроме того оно было адресовано в Опочку — и пролежало там несколько лишних дней. Несмотря на известия, помещенные в Петербургской литературной газете, холера не была в Острове — кроме как в головах врачей, и до прошлого понедельника Псков тоже был ею пощажен. С тех пор я ничего о ней не слыхала. Наш маленький кружок, благодарение богу, до сих пор оставался нетронутым — но в Островском уезде болезнь говорят появилась, впрочем кажется не в угрожающих формах. Вообще же вероятно большая смертность должна быть приписана неумению лечить эту болезнь и той скорости, с которой она развивается у больного, а не ее эпидемическому характеру. — Это болезнь повальная, а не за-

¹ К письму приложено известное стихотворение Языкова «Послание к няне».

раза. Мы живем потихоньку и благодарим бога за его охраняющую благость, но мы не можем быть ни счастливы, ни спокойны, пока не будем уверены, что наши друзья в Петербурге, Царском и Павловске вне опасности. нравятся ли мне ваши воздушные замки? Я не успокоюсь пока это не осуществится, если я найду к этому малейшую возможность — но если это невозможно, есть на окраине моих полей на берегу большой реки маленькое имение, прелестное местечко, домик окруженный прекрасной березовой рощей. Земля продается одна без крестьян. Не хотите ли ее приобрести, если владельцы Савкина не захотят с ним расстаться? Впрочем, я постараюсь сделать все возможное. Прошу вас передать вашей прекрасной супруге привет от меня, как от человека, который нежно вас любит, восхищается ею по наслышке и готов полюбить ее всем сердцем. Да сохранит и сбережет вас бог, вот мысль, господствующая сейчас в моем уме и сердце.

ПУШКИН — П. А. ОСИПОВОЙ.

Ц. Село, 29 июля 1831 года.

Ваше молчание начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня как нельзя более кстати. Еще раз поздравляю вас и желаю вам всем от глубины сердца — благополучия, спокойствия и здоровья. Я сам отнес ваши письма в Павловск и, признаюсь, смертельно желал узнать их содержание; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключении,

бывшем с ними, о шалости Ольги, о карантине и проч. Теперь, слава богу, все кончено. Родители мои более не под арестом, холеры бояться уж нечего. В Петербурге она скоро прекратится. Знаете ли, что в Новгороде, в военных поселениях, были мятежи? Солдаты взбунтовались, и все под тем же нелепым предлогом отравления. Генералы, офицеры и доктора умерщвлены с утонченным зверством. Император отправился туда и усмирил бунт с удивительной храбростью и хладнокровием; народу не следует привыкать к бунтам, а бунтовщикам — к его присутствию. Кажется, все кончено. Вы судите о болезни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болезнь повальная, а не зараза, следовательно карантинны лишние; нужны одни предосторожности в пище и одежде». Если бы эта истина была нам ранее известна, мы избегнули бы многих бедствий. Теперь холеру лечат как всякую отраву — деревянным маслом и теплым молоком, не забывая и паровой ванны. Дай бог, чтоб рецепт этот не понадобился вам в Тригорском.

Вам вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино или за какое другое место; я желаю только быть вашим соседом и обладателем хорошенькой местности. Благоволите сообщить мне о цене той или другой усадьбы. Обстоятельства задержат меня, повидимому, в Петербурге более, чем бы я желал, но это несколько не изменяет ни моих намерений, ни надежд.

Примите уверение в моей преданности и совершенном уважении. Поклон всему вашему семейству.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ и Н. Н. ПУШКИНОЙ.

21 августа 1831 г. (Тригорское).

Холера в окрестностях Тригорского имеет только то неудобство, что задерживает почту; этому нужно вероятно приписать медленное прибытие вашего письма от 29 июня. Я получила его, мой дорогой Александр, только 11 августа, а так как мое здоровье все это время было не очень-то хорошо, я не смогла вам ответить раньше. Затем меня навестили преосвященный и г-н Пещуров, после чего мне было необходимо съездить к Борису¹ и Евпраксии; наконец тысяча мелочей мешала мне написать вам — до сегодняшнего дня. — Благодарю вас за ваше доверие ко мне, но чем оно больше, тем более я буду чувствовать себя обязанной быть достойной его — и моя совесть не даст мне покоя. Поэтому, рискуя вам недоесть, я спрашиваю вас, мой молодой друг, какую сумму вы располагаете для приобретения того, что вы называете хижинной — я думаю не больше 4 или 5 тысяч — жители Савкина имеют 45 десятин земли, разделенной между тремя владельцами, двое из них почти согласились на продажу, но самый старый не решается и потому запрашивает безумную цену. Но если вы мне скажете, сколько вы хотите истратить на приобретение — у нас есть способ согласовать желания старика с нашими. Ведь что вам делать с землей, которая отдалит вас от Михайловского? — (и осмелюсь сказать по вашему любезному выражению) от

¹ Барон Вревский.

Тригорского, вся прелесть которого теперь для меня лишь в надежде на ваше соседство. — Потому-то, до тех пор пока я не потеряю всякой надежды, я буду стоять за Савкино. — Мы узнали, увы, о мятеже в военных поселениях. Вы правы, говоря о том, что нужно. — Но пока бравый Николай будет придерживаться военного образа правления, дела будут идти все хуже и хуже. Вероятно он не прочитал внимательно, а может и совсем не читал «Историю Византии» Сегюра! ¹ Что думают у вас об этой дурацкой войне с поляками? Когда она кончится. Я забываюсь в удовольствии болтать с вами, любезный сын моего сердца. Если бы бумага моя занимала пространство неба, а чернила для писания поставляло бы мне море, у меня всегда была бы еще мысль, чтобы выразить вам свою привязанность, а однако два слова скажут это также хорошо: любите меня в четверть того, как я вас люблю и с меня будет достаточно. Анета и Александрина вам кланяются. Прасковья Осипова.

Тысяча приветов от меня вашим родителям.

Те три строки, с которыми вы обратились ко мне, сударыня, в только что полученном мною письме вашего супруга, по истине доставили мне больше удовольствия чем иные три страницы, и я благодарю вас от всего сердца. Радуюсь надежде когда-нибудь вас увидеть, так как готова восхищаться вами и полюбить вас, как все, кто имеет удовольствие вас знать. Вы делаете счастливыми людей, которых я люблю,

¹ И многих других, писавших о причине падения империй. (Примечание П. А. Осиповой).

это уже право на мою благодарность. Прошу верить в самые нежные чувства вашей покорнейшей слуги Прасковьи Осиповой.

Если моя дорогая Ольга среди вас, будьте добры передать ей от меня тысячу приятных вещей.

ПУШКИН — П. А. ОСИПОВОЙ.

11 сентября (1831 г.), Царское Село.

Искренне благодарю Вас, сударыня, за труды, какие вы взяли на себя, ведя переговоры с обитателями замка в Савкине. Если среди них имеется один слишком несговорчивый, нет ли возможности сговориться с двумя другими, оставив первого в стороне? Впрочем, дело не из спешных: новые занятия задержат меня в Петербурге по крайней мере на два или три года. Я этим очень огорчен: я надеялся провести их близ Тригорского.

Жена моя искренне благодарит Вас за строки, которые вы изволили написать ей. Это добрейший ребенок, готовый любить вас от всего сердца.

Я не пишу Вам о взятии Варшавы. Можете судить, с каким восторгом мы узнали об этом после 9 месяцев несчастий. Что скажет Европа?— вот занимающий нас вопрос.

Холера закончила свои опустошения в Петербурге, но она совершит теперь объезд провинции. Остерегайтесь ее, сударыня. Ваши желудочные боли приводят меня в трепет. Помните, что холеру рассматривают, как простое отравление: молока и масла — и затем остерегайтесь простуды.

Прощайте, сударыня, верьте моему уважению и искренней привязанности. Шлю приветствия всему вашему семейству.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

29 сентября (1831 г.), Тригор.

Когда я прочитала в прошлую субботу с неопи-
суемым наслаждением Три стихотворения на
взятие Варшавы, мое воображение было этим
так занято, что всю ночь я видела вас во сне.
Я помню, что поцеловала вас в глаза и, — представьте,
какая приятная неожиданность, в то же утро поч-
тальон принес мне ваше письмо от 11. Я хотела бы
поцеловать каждый из ваших милых глаз, дорогой
Александр, за свидетельства того внимания, которое
вы мне уделяете — но будьте покойны. Холера обошла,
как по плану, всю губернию, — города, как и деревни, —
но произвела опустошения менее чем в других местах.
Но поистине замечательно, что она не показывалась
в Великих Луках и в Новоржеве, пока не привезли
тело Великого Кн. Конст., а затем разразилась там
жестоко. Никто не был болен в свите Великого Князя,
и однако же через 24 часа после того как они поки-
нули дом Д. Н. Философова, заболело по крайней
мере человек 70, и так всюду после их проезда.
В подтверждение этого нашего наблюдения, я только-
что получила письмо от моей племянницы Бегичевой,
которая нас уведомляет, что за последнее время
болезнь опять усилилась в Петербурге, ежедневно
заболевают 26 и более человек, и я предполагаю,

что та же причина производит то же самое действие, и так как размеры Петерб. больше, чем все другие места, где проезжало тело В. К.,—болезнь продолжится там дольше. Повторяю вам, она не поднимается на высоту наших гор. Великие умы сходятся, и у нас была одна и та же мысль насчет Савкина. Акулина Герасим., которой принадлежит половина земли, может-быть, ее продаст. Есть некоторая надежда, так как вы говорите, что это дело неспешное; но то, что вы сообщали о вашем пребывании в Петербурге, заставляет меня думать, не совсем ли хотите вы там обосноваться.—Савкино может быть только хижинкой на два летних месяца и если вы его приобретете—потребуется целое лето, чтобы сделать его обитаемым.—Прошу вас передать привет вашей прекрасной жене, мои дочери шлют вам свой. Напомните обо мне немного моей дорогой П. О. !; я это время сильно болела лихорадкой, последствием болей в жел[удке]; теперь я поправилась. Прощайте, будьте здоровы, и верьте всегда моей нежной преданности. П. О.

ПУШКИН — П. А. ОСИПОВОЙ.

Спб., в январе — 1832 года.

Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за те заботы, которые вам угодно было приложить о моих книгах. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мне последнюю милость, потрудиться приказать спросить у моих

людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, присланного в деревню вместе с ящиками, в которых уложены мои книги. Подозреваю, что Архип или другие удерживают один ящик по просьбе Никиты, моего слуги (теперь Левинова). Он должен заключать в себе (т.-е. сундук, а не Никита), вместе с платьями и вещами Никиты, также мои вещи и несколько книг, которых я не могу отыскать. Еще раз умоляю вас простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхождение избаловали меня.

Посылаю вам, сударыня, — «Северные цветы», которых я недостойный издатель. Это — последний год моего альманаха и дань памяти нашего друга, утрата которого долго будет казаться нам недавнею. Прилагаю к этому свотворные сказки; желаю, чтобы они на минуту позабавили вас.

Мы услышали здесь о беременности вашей дочери. Дай бог, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ее совершенно поправилось. Говорят, что от первых родов молодая женщина хорошеет, дай бог, чтобы они были также благоприятны и здоровью. А. П.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

25 января 1832 г. (Тригорское).

Истинное удовольствие для меня исполнять ваши поручения, мой дорогой, бесконечно дорогой Александр, но я огорчена, что до сих пор не удалось разыскать все, что оставалось у вас из книг и вещей. Н. Ан. утверждает, что она ничего не нашла в сун-

дуке, который будто бы принадлежит Никите, кроме книг, посланных мною вам и сломанной чайной коробки, но я распоряжусь о дальнейших розысках; я бы очень хотела знать, какого вида был сундук Никиты, ведь весьма возможно, что мне показывают другой и прячут настоящий.

Получение «Северных цветов» доставило мне невыразимое удовольствие, и я весьма чувствительна к вашему любезному вниманию, мой горячо любимый Александр. Это прекрасный букет, брошенный на могилу нашего дорогого Дельвига, воспоминание о котором, до сих пор вызывает горячую слезу на моих глазах. Мне кажется, что это собрание стихов лучше всех, прежде вышедших. Издатель «Зеркала» не соблаговолил назвать Яз... и Иасона¹, чьи стихи нисколько не портят сборника. Я могу очень правильно сказать, пародируя вас, что я «Северные цветы» читаю и не начитаюсь.

Здоровье Евпраксии недурно для ее состояния, с 7 мы не видались из-за полной распутицы. У нас нет ни снега, ни мороза, никогда еще не видала я такой погоды, как в этом году. Она наверное будет польщена вниманьем, которое вы непрестанно ей выказываете. Надеюсь, что здоровье вашей супруги тоже хорошо, по крайней мере я этого очень желаю. С чувством дружеского и нежного почтения остаюсь ваша преданная П. Осипова.

¹ Яз... — Н. М. Языков, чьи шесть стихотворений помещены в «Северных цветах» на 1832 г. Второе имя, если только начертание правильно, нам не удалось расшифровать.

25 января 1832 г.

Ваши повести, вопреки вашему предсказанию, заставили меня провести бессонную ночь и я об этом ничуть не жалею. Мой Алексей произведен в поручики за отличие, простите материнскому тщеславию это сообщение. Я ему послала стихи, написанные вами в ответ Беранже, он от них в восторге, так же, как и все его лучшие товарищи по полку. Один гусар, видевший Левушку, говорил нам, что он пресытился лаврами и хочет отложить свою саблю в сторону.

ПУШКИН — П. А. ОСИПОВОЙ.

(Середина мая 1832 г. Петербург).

Г. Алымов отправляется сегодня ночью в Псков и Тригорское, и он любезно взял на себя передать вам это письмо, дорогая, добрая и уважаемая Праксovia Александровна. Я еще не поздравил Вас с рождением внука. Дай бог, чтобы он и его мать чувствовали себя хорошо и чтобы все мы присутствовали на его свадьбе, раз мы не могли быть на его крещении. По поводу крещения, — я тоже буду вскоре иметь его на Фурштадской в доме Алымова. Запомните этот адрес, если пожелаете написать мне словечко. Не сообщаю Вам никаких новостей, ни политических, ни литературных — полагаю, что Вы устали от них, как и все мы. Нет ничего более мудрого, чем сидеть в своей деревне и поливать свою капусту. Старая истина, которую я ежедневно вспоминаю среди светского и суетливого суще-

ствования. Не знаю, увидимся ли мы этим летом: это одно из моих мечтаний. Желал бы, чтоб оно осуществилось.

Прощайте, сударыня, я нежно приветствую Вас и всю Вашу семью.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

22 мая 1832 г. Псков.

Весьма приятным сюрпризом было ваше письмо, полученное сегодня через господина Алымова, дорогой мой Александр Сергеевичь, и я спешу вас за него поблагодарить. Уже больше трех недель, как я здесь в Пскове терпеливо переносу городской *fatigante*¹ но вот три прекрасных летних дня возбудили во мне тоску по родине. Евпраксия и ее маленький сосунок (она ведь кормит сама) чувствуют себя, благодарение богу, хорошо, и мне хочется ответить на ваши пожелания: да будет так! — Если мы порядком устали от литературных и политических новостей, то еще более я раздражена нашими избирательными глупостями. Действительно, наши дворяне похожи еще на Вандалов, и это буквально, ничего не убавляя. Слава богу, завтра все кончится, и через три дня я вернусь в свои горы. Я желаю от всего сердца, чтобы эти строки нашли вас уже отцом, и чтобы ваша прелестная супруга, как и моя дочь, счастливо разрешилась от бремени. Я с тревогой жду этого известия с 20 и постоянно об этом думаю.

¹ Безделье.

Если вы останетесь на это лето в Петербурге, может быть, мы и увидимся, но, конечно, сладостнее была бы встреча у моих грядок. Я, впрочем, и на это не теряю надежды. Тысячу лучших пожеланий госпоже Пушкиной. Мои дочери благодарят вас за память, я же дважды целую ваши глаза. *Noni soi, qui mal y pense*¹. С искренней и подлинной любовью остаюсь весьма преданная вам слуга.

П. Осипова.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

31 мая (1832 г.) Тригорское.

Привет, дорогой Александр Сергеевич, поздравляю вас от всего сердца с рождением пежной маленькой Мари, и, право, я сожалею, что не могу обнять вас так же, как молодую и прекрасную Маму. — Это хорошо, маленький Барон может когда-нибудь сделаться супругом прекрасной Мари! И мы будем плясать на их свадьбе. — Но шутки в сторону, мне очень была нужна эта добрая весть, чтобы оживить мое угнетенное состояние — легче переносить свои горести, когда знаешь счастливыми тех, кого любишь. Будьте счастливы, дорогой Пушкин, и это меня утешит во многом, что может случиться со мной. П. О.

На обороте: Александру Сергеечу Пушкину.

¹ «Позор тому, кто плохо об этом подумает» (девиз ордена Подвязки); Осипова пишет эту фразу с ошибками.

ПУШКИН — П. А. ОСИПОВОЙ.

Спб. в мае 1833 года.

Виноват, тысячу раз виноват, дорогая Прасковья Александровна, что замедлил поблагодарить вас за ваше весьма любезное письмо и за его интересную вишетьку. Всякого рода затруднения помешали мне. Не знаю, когда дождусь счастья явиться в Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мне: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся с ним. Но года на два, на три приходится взять терпения. Жена моя свидетельствует тысячу любезностей вам и Анне Николаевне. Дочь моя потревожила нас в течение этих пяти или шести дней: полагаю, что у нее прорезываются зубы. До сих пор еще ни одного нет. Как ни говори себе, что это всеобщий жребий, но эти созданыца так нежны, что невозможно бестрепетно смотреть на их страдания. Родители мои только-что прибыли из Москвы. Они располагают приехать в Михайловское в половине июля. Как бы я желал им сопутствовать.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

28 июня (1833 г.) Тригорское.

Еще 20 мая, драгоценный мой Александр, я получила ваше любезное письмо, и так как в момент его получения я писала вашей матери, я и просила ее поблагодарить вас за него: но судя по вопросу, который ваша прелестная жена задает от вашего имени

Анете, я полагаю, что Надежда Осиповна забыла вам это передать, и я с удовольствием повторю свою благодарность за это дорогое письмо, которое я во-время получила и храню вместе с прежде полученными.— Я перечитываю их иногда с удовольствием скупца, пересчитывающего золотые слитки, которые он копит.— Уже очень давно, как Михайловские лошади отправлены в распоряжение ваших родителей.— По моему расчету вот уже 8 дней, как они прибыли или должны были прибыть к месту своего назначения, почему же их еще нет? Это начинает меня беспокоить. Что подделывает миленькая Мари, как чувствует себя наша очаровательная Натали и вы? Хотя вы мне и не верите, но мне кажется, что вы должны сделаться в этом месяце второй раз отцом. У нас лето, которое очень напоминает лето 1826 г.— такая же душающая жара, нет дождя, но помимо этого какая разница!!!— Вы уже знаете, что Евираксия родила девочку Мари.— Мой Алексис с нетерпением ждет отпуска, а Валериан ¹, который здесь на каникулах, хочет быть принятым в студенты.— Бывают моменты, когда я желаю иметь крылья, чтобы унести к вам, увидеть вас на мгновение и затем вернуться,—но это безумие!—неправда ли?

Но вернемся к нашим делам. Почему ваши родители не приезжают к нам? Привет. Жара спала, я пойду бродить по саду, думать там о вас, о прошлом—и надеяться, что в будущем мы еще побродим

¹ Валериан Николаевич Вульф (1812—1845), сын П. А. Осиповой от первого брака.

там вместе. Обнимаю мою чаровницу Натали и прошу у нее маленького местечка в памяти для П. О.

На обороте: Его Высокоблагородию М. Г. Александру Сергеевичу Пушкину в С.-Петербурге, в Гороховой улице, в доме Жадимировского.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

17 июня 1834 г. Тригорское.

Ждали ли вы, дорогой мой и всегда любимый Пушкин, получить от меня письмо это — конечно, нет, а что хуже всего... письмо о делах не моих — с вас довольно и ваших — но действительно о ваших делах, — запаситесь терпением; прочтите мое письмо — подумайте день-два, права ли я, затем, но не ранее, вы свободны действовать. Третьего дня вечером ваши родители приехали к обеду к моей дочери Вревской — а к чаю ко мне, и вчера также, несмотря на усталость от путешествия, они провели с нами весь день. Сегодня я узнала от Анет, что вы приняли господина Рейхмана к себе, как управляющего — или заведующего — или уже не знаю в качестве кого — в свое Нижегородское поместье; при этом известии я ощутила, как это хорошо говорится по-русски, что у меня упало сердце. — Я спросила у Анет, кто же его рекомендовал. — Это Алексис — был ответ. — В самом деле, я ничего не могла ей на это сказать, но могу вас уверить, что с этой минуты чувствую нервное волнение, которое пройдет только тогда, когда я выскажу все, что у меня на сердце — и успокоив совесть тем, что считаю своим долгом,

я смогу опять приняться мирно сажать свои цветы, как некогда Домициан свою капусту. — Итак, вы доверились рекомендации г-на Алексея Вульфа — Алексиса, который в хозяйственном отношении совершенный младенец — птенец, — найдя свое имение без куска хлеба, свои поля плохо обработанными, своих крестьян без пищи, он мог назвать хорошим управителем господина Рейхмана!!! И вы не спрашиваете моего мнения, хотя я помимо моей воли вот уже 6-ой раз в жизни принуждена исправлять хозяйственные ошибки господ немецких управляющих!! Во имя бога, во имя вашего собственного спокойствия, во имя маленькой, совсем маленькой частицы привязанности, которую я хочу, чтобы вы имели ко мне, не поручайте ему управление вашими именьями. Оставьте там на год того, кто там теперь — но никак; никак не Рейхмана. — Когда я должна была отказать Дрейеру в управлении моей Тригорской землей — я поручила Рейхману свести счета с Дрейером, и он, проработав неделю, ничего не сделал; тогда мне пришлось взять работу на себя и я сделала ее в 3 дня. — Так как управление Тверским именем было проще, крестьяне там есть (или были) более состоятельны, а я не верила тому, что начинала замечать — то я и взяла его управляющим — и вот мы накануне продажи с молотка 500 душ и двух домов со службами. Перечисление всех его хозяйственных глупостей было бы чересчур длинно и наскучило бы вам, но если вы думаете, что теперешнего вашего управляющего можно заподозрить потому что он беден, то я вам скажу как раз

наоборот, что это его рекомендует, так как он управляя имениями вашей родственницы мадам Менандр, кажется, 6 лет, все то время, пока ее супруг был на действительной военной службе, а нет такого маленького имения, которое не приносило бы выгоды господам управляющим. — Поверьте мне и моему скромному опыту, лучше иметь управляющим человека, который, давая вам разумный доход, сумеет и себя не забыть, чем бедного простофилю, который перевернет ваше хозяйство вверх дном, потому что не умеет иначе, и вас обеспокоит без всякой выгоды для себя.

Все это я сказала вам под влиянием моей искренней к вам привязанности; я не могу не интересоваться тем, что касается вас; итак, теперь, когда я высказала, что думаю, делайте как хотите, будьте здоровы, будьте осторожны с Рейхманом, предупреждаю вас еще раз — и только никогда не сомневайтесь в нежной любви к вам П. О.

Р. S. Может быть, вам придет фантазия приехать взглянуть на Тригорское. — Есть некоторые обстоятельства, которые заставят ваших родителей не сердиться, если вы будете жить в домике Тригорского сада. А вы там будете себя чувствовать как бы не в Триг. и не в Мих. — если только этого захотите.

Анекдот.

После того, как я уволила Трейера от управления Малинниками, доказав ему, что он утаил от меня 1000 р., госпожа Поликарпова, урожденная княгиня Щербатова, по рекомендации моего шурина Ивана

Вульф, поручает ему именно в 800, в Тамбовской губернии. — Эту зиму мы встретились у Нетти Трувер; я осведомилась у ней о Трейере. — Ах, боже мой, сударыня, сказала она мне, подумайте, он украл у меня 35000 руб. и только через полицию я от него отделалась. — Вы не спросили у меня моего мнения, сударыня, было мое возражение. — Имеющие уши да слышат.

У меня есть солидные основания думать, что, несмотря на то запустение, в котором Рейхман оставил наши земли, он мог их покинуть с пустыми карманами. Поверьте мне.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

24 июня. (1834 г.) Тригорское.

В каждом деле труден только первый шаг, дорогой Александр, — несколько дней назад я написала вам и вот я снова вынуждена сказать вам несколько слов. Я только что узнала от вашей Матери, что Рейхман сказал вам, будто я ему осталась что-то должна. — Я не могу понять, как может Г-н Рей... оставаться в таком заблуждении. — Я никогда ничего не была ему должна, — ни одного обота, — он нанялся управлять Тверскими именьями за десятую часть дохода, он распоряжался в Малинниках 4 года, в Ниве 3, и оставил 500 душ при последнем издыхании. Алексей свел свои счета с ним. — Если он думает, что сын ему должен, то это с Тверского именья, и было бы безусловно справедливым, чтобы Господин Рейхман получил плату за свои полезные

труды с доходов Тверского имения. Итак, я вас прошу не делать переноса сумм в ваших расчетах со мною и с ним—деньги, которые ваши родители мне должны, я доверила им как на хранение, чтобы самой их не истратить—1000 р. старого долга 1826 г. и для г-жи Павлищевой 560 ассигнациями и еще 200, занятые в их приезд в 33 году в июне или июле месяце—вы отдадите мне их осенью, мой дорогой Александр, чтобы я заплатила ими в Ломбард 22 декабря. Итак, вам нечего торопиться и спешить сломя голову. Но я ничего не должна платить Рейхману и это я прошу вас запомнить. Каждый день, когда я читаю молитву: Отче наш, и же еси на небесах, я вспоминаю этого человека, чтобы простить ему его вины против меня, но я бы не желала ему прощать еще его вины по отношению к вам.

У нас сегодня было прелестное зрелище, сегодня вынос иконы Святогорской божией матери. За час до начала крестного хода—при очень хорошей погоде—большое количество довольно порядочной публики собралось в ожидании иконы у подножья нашей горы—десять или 12 экипажей на некотором отдалении дополняли картину.—Относительно перемен, происшедших в наших местах, сообщаю вам, что наши соседи Шелгуновы держат открытый дом—хороший повар, танцы, музыка, в настоящий момент там обедают ваш отец, мать и еще человек сорок.—У меня же уже несколько недель болят ноги, и я извинилась перед ними—я чувствую себя гораздо лучше в вашем обществе и не могу опить не повторить—приезжайте же на несколько дней в Михайловское.

Какая земляника!!! Это одно удовольствие. И какая чудесная погода—слишком хорошая для яровых. Прощайте, я тоже еду к Шелгуновым, желая вам спокойной ночи—целую дважды ваши глаза, подчас такие прекрасные. Прощайте.

Ивана Купала.

24 июня.

П. А. ОСИПОВА—ПУШКИНУ.

1 ноября (1834.) Тригорское.

Где вы?.. Что делаете вы, мой дорогой Александр, хочу надеяться, что с вами не случилось никаких неприятностей, но ваши родители сильно о вас беспокоятся, ибо чем можно объяснить более чем трехмесячное молчание; мне очень неприятно надоедать вам своими письмами, мой дорогой, всегда дорогой Александр, я прекрасно понимаю, что нет дружбы, которая устояла бы перед скукой, но я ведь дошла до положения, когда мне нужно узнать, можете ли вы заплатить долг ваших родителей. Я ведь тоже не могу переносить неопределенность по этому вопросу. Срок моего платежа в Ломбард совсем близок, и я должна знать, что мне делать. Вот письмо от вашей матери, которое я присоединяю к своему; ваш отец в постели,—и только от беспокойства.—Ах, напишите нам ради бога, а то иначе—иначе, поверьте, ваш отец не сможет этого перенести; поторопитесь же сказать ему, что вы здоровы, как и все ваши, и что вы не забываете его—мысль, которая его мучит и заставляет плакать вашу мать. Про-

*Александра Осиповна Смирнова.
1834—1835 г.г. П. Соколов.*

*Александра Андреевна Фукс. 1828 г.
Л. Крюков (1783—1843).
Бумага, акварель 19x16,5.*

стите же мне, повторяю еще раз, эти строки, рассердитесь, но ответете всей душой вам преданной Праск. Осиповой.

М е м о р и а л.

С 33 года—1760 рб.—60 заключенных в Петербурге. Годовой процент 170

Итого 1870 ассигнациями.

Если вы можете, если вы хотите быть настолько добрым, чтоб заплатить их мне, то попрошу вас внести их в Ломбард.

По займу на 96.000 руб. Стат. Сов. Пр. Осип. под залог имения, Пс. губ., Опочевского уезда, 650 душ, 1824 года, перезаложенных на 37 лет с 1832-го.

ПУШКИН—П. А. ОСИПОВОЙ.

Спб. 26 дек. — 1835 год.

Наконец, милостивая государыня, я был утешен получением вашего письма от 27-го ноября. Оно около четырех недель находилось в дороге. Мы не знали, что подумать о вашем молчании. Не знаю почему, но полагаю, что вы—в Пскове, куда я адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровление. Она слаба, однако же болезнь утихла. Отцу нужно всячески сочувствовать. Жена моя благодарит вас за память и поручает себя дружбе вашей. Ребятишки также. Желаю вам здоровья и приятного праздника, не говорю о моей неизменной привязанности.

Император явил милость свою многим из заговорщиков 1825 года, между прочими и моему бедному Кюхельбекеру. По указу должен он быть поселен в южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желал бы знать, что он поближе к нам; может быть ему позволят поселиться в имении г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось к нему всегда кротко и снисходительно.

Как подумая, что уже десять лет прошло со времени этого несчастного возмущения, то мне все это кажется сном. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с собственных моих мыслей моего положения, и проч. и проч. По правде сказать только дружбу мою к вам и вашему семейству вахожу я в душе моей все тою же, всегда полною и ненарушимою.

Вексель ваш готов, и я вышлю его в следующий раз.

[Пометка Осиповой: «Я его никогда не получала»].

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

18-го января. 1836 г. [Тригорское].

Спасибо, мой дорогой друг, за письмо, полученное мною на этих днях—но я не могла вам ответить, так как с 28 декабря лежу в постели и не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Так как я продолжаю отказываться от лекарств, мое выздоровление началось лишь три дня назад и я тороплюсь вам сказать, что письмо ваше от 26 декабря заставило меня испытать чувство тихой радости, сообщив мне добрую

весть об улучшении, которое должно произойти в положении несчастных ссыльных.— Но правда ли это, не в одном ли только Петербурге этому поверят?— Я стала недоверчива— видишь столько противоречий в том, что происходит перед нашими глазами и слухом, что положительно не знаешь, как себе это объяснять. Зачем вы все беспокоитесь о Над. Осип.— Ольга писала некоторое время тому назад, что здоровье ее поправляется, что она хорошо спит, хорошо ест— чего же вы хотите большего в наши годы?— Очень естественно, что она не может поправиться так скоро, как могла бы десять лет назад. Анета болела одновременно со мною лихорадкой и еще не совсем хорошо поправилась, однако же она хочет ехать к вам в Петербург— сейчас она в Голубове.— Я же опасалась покинуть мое уединение, где в конце концов мне лучше, чем где бы то ни было.— Если бы еще воспоминание о тех, кого я люблю, от времени до времени посещало бы меня здесь. Налет меланхолии, господствующий в вашем письме, проник в мое сердце и каждый раз, когда я перечитываю ваши строки, это ощущение возобновляется, а знает бог как бы я хотела, чтобы вы были счастливы и довольны.— Мне пишут из Петербурга, что Наталья Николаевна продолжает на всех балах оставаться прекраснейшей из прекрасных! Поздравляю ее с этим и желаю еще чтоб о ней говорили, как о счастливейшей из счастливых. Добрый вечер, мой горячо любимый Александр Сергеевич, моя нежная дружба к вам тоже ведь испытана временем.

П. О.

На обороте: Его Высокоблагородию М. Г. Александру Серьгеичу Пушкину в Петербурге, близ Прачешного моста в доме Баташева.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

7-го сентября 1836 г. [Голубово].

Я замедлила, мой дорогой друг, поблагодарить вас за присылку 2-го Тома Современника, чтение которого доставило мне большое удовольствие—но это было в ожидании удовольствия еще большего увидеть вас среди нас.—Но прекрасные осенние дни, совсем недавно пришедшие, отдалили эту надежду, если не совсем ее разрушили—разумеется только на этот год. Ведь господин Навлищ¹ совсем отказался от мысли поселиться в Михайловском.—В эту пятницу он получил письмо из Варшавы от своего начальника по Канцелярии, который в качестве Статс-Секретаря, сообщает ему, что если он не поторопится вернуться к месту службы, то Князь Варшавский хочет его отставить. Все это с ним случилось из-за неприязни к нему Правителя Канцелярии Князя и Павл. необходимо по крайней мере 3.000 рубл.—чтобы предпринять это путешествие—если вы можете ему помочь, сделайте это, мой любезный друг, и сохраните нам ваше драгоценное соседство.—Я пишу вам из Голубова, где только что провела четыре дня очень приятно—мои дети и я шлем вам наши самые дружеские поклоны.

П. О.

¹ Н. И. Павлицев — муж Ольги Сергеевны Пушкиной.

7-го сентября 1836 г.

Бедная Ольга от этого всего опять разболелась.

На обороте: Его Высокоблагородию М. Г. Александру Сергеевичу Пушкину в С.-Петербурге, близ Прачешного Мосту в доме Баташева.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

15 декабря [1836 г. Тригорское].

Вот уже около 8 месяцев, как я не видела вас, мой дорогой и любимый Пушкин, я не знаю почему, но у меня была надежда, что вы приедете этой осенью, но эта надежда, как и многие другие, вы это знаете, оказалась только иллюзией!— Совсем недавно, однако, я имела удовольствие получить 3 книгу Современника— он доставил мне двойное удовольствие,— прежде всего как доказательство вашей памяти; а затем превосходное стихотворение, заключенное в нем, унесло меня в прекрасное время нашей зарождавшейся поэзии, которое продолжалось так недолго.— Когда я их читала, мне казалось, что тень моего дорогого Дельвига улыбается мне...

Чтобы доказать вам, что мы всегда помним о вас— я хотела прислать вам банку крыжовника, но коротенькая зима приостановила отправку людей— которая возобновится, вместе с санной дорогой. Третьего дня мой зять сообщил мне письмо, написанное ему с Сергеем Львовичем— где между прочим он нам говорит, что вы не хотите Михайловского.— Правда ли это, мой дорогой Александр Сергеевич— прошу

вас мне это сказать. Надеюсь, вы не думаете, что я сделалась безразличной ко всему, что вас касается — но я по многим причинам хочу знать ваше мнение по этому поводу. — И затем бедные мужики в большом беспокойстве, они не знают кому принадлежат и у кого должны искать покровительства и совета. Если вы решили продать эту землю, хотя сердце мое впадает в грусть при этой мысли, скажите мне это, а также цену, какую вы за нее хотите.

Если госпожа Пушкина продолжает помнить меня, скажите ей, мой дорогой Александр Сергеевич, что я желаю ей приятно провести конец этого года и начать длинный ряд прекрасных и счастливых лет — дайте вести о вас старому другу, питающему к вам, поверьте, не менее привязанности, чем вся эта молодежь, которая вам об этом рассказывает чудеса.

П. О.

ПУШКИН—П. А. ОСИПОВОЙ.

[22 декабря 1836 г. Петербург]

Вы не поверите, моя дражайшая Прасковья Александровна, какое удовольствие доставило мне ваше письмо. Я не имел от вас известий более четырех месяцев, и только третьего дня г. Львов сообщил мне их; в тот же день я получил ваше письмо. Я надеялся повидаться с вами осенью, но этому помешали отчасти мои дела, отчасти Павлищев, приведший меня в дурное настроение, так что я не был в таком расположении духа, чтобы приехать в Михайловское для раздела.

К великому сожалению я был вынужден отказаться быть вашим соседом, но еще надеюсь не потерять это местожительство, которое предпочитаю всякому другому. Вот в чем дело: я предложил сначала взять все имение за себя, обязуюсь уплатить брату и сестре за причитающиеся им их части имения по 500 р. за душу...

Я отказал ему в этом, заявив, что, если имение стоит больше, я не хочу наживаться за счет сестры и брата. На этом дело и остановилось. Хотите знать, что я желал бы? Я желал бы видеть вас собственницей Михайловского, а себе оставить усадьбу с садом и дюжиной дворовых. Я очень хочу ненадолго приехать этой зимой в Тригорское.—Мы поговорим обо всем этом.

В ожидании этого мой сердечный привет вам. Жена благодарит вас за память. Не привести ли мне вам ее? Мое почтение всему вашему семейству, Евпраксии Тимофеевне¹ особенно.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

6-го января 1837 г. вечер [Тригорское].

Какой приятной неожиданностью было сегодня для меня получение вашего письма, мой драгоценный друг; оно пришло очень кстати, чтобы уравновесить мою печаль от известия, что моя бедная Анета больна нервной и желчной лихорадкой,—как раз в то время, когда я думала, что она скоро вернется к нам.

¹ «Евпраксия Тимофеевна» — очевидно шутовское прозвище Евпраксии Николаевны Вревской.

Александрина тоже больна и все это сильно меня удручало, когда ваше письмо утешило меня доказательством, что у вас есть еще дружеское чувство к вашему старому другу. Вы говорите, что не имеете от меня вестей уже 4 месяца; неужели — я не писала вам с сентября? Ваша мысль провести здесь несколько дней так радует меня, но я сомневаюсь, чтобы милая прекрасная женщина захотела сюда приехать, и кто может осудить ее за это?!!

Nonni soit qui mal у pense.

Павл. — негодный человек да и сумасшедший сверх того. Что до меня, я не хочу Михайловского, а так как вы сын моего сердца, я желаю, чтобы вы сохранили его — слышите ли?.. и имейте терпение дочитать — судьба вам его сберегает. Без всякого сомнения имение стоит не более и не менее как 500 с души. Теперь, не причиняя ущерба никому ни Ольге, ни Льву, вы можете принять буквально последнее решение Пав. Сумма, которую вы должны им выплатить, не превысит 20 тыс., раз нету полных 80 душ. Ваш отец пишет Борису, что он уступает Ольге свою 7-ую часть имения — так ему бы пришлось 11 душ, 5,500. Остальное вы заплатите Льву и заложив имение которое чисто — вы получите около 16000 по 200 за душу. А Михайловское дало в этом году г-ну Пав. при некотором порядке 2000. Доказано, что доход с него может дойти более чем до 3000, и так вот и Ломбард оплочен, так как вам придется платить всего сотню руб. в год — и вот вы хозяин Михайловского и я охотно сделаюсь вашей управительницей. Единственно хорошую вещь, которую сделал Пав., это то, что он

рассчитал совсем недавно толстого мошенника, называемого управляющим, увидав, что тот стащил совсем недавно 1000 руб., он поставил хорошего, честного мужика — старостой и все идет прекрасно. Я уже вам говорила, что муж Ольги — негодный человек — в конце августа он получил письмо из Варшавы, где ему объявляют, что если он не поторопится приехать, он потеряет свое место; и вот он в отчаянном положении, не зная как уехать, у него было только 800 руб. (столько ваши родители никогда не могли получить) тогда Борис одолжил ему 25 четверть ржи, я 50, Михайловское доставило ему 83, и так выходит 158 и он уезжает в Остров и продает их г-ну Кирнякову, полковому командиру, и получает за это 2000. Он уехал и до сих пор ни одна строчка не пришла нам сказать: спасибо, добрые люди, я приехал жив и здоров. Теперь вот в чем дело — Михайловское состоит должным как мне и Борису 75 четвертей ржи и следственно при уплате за имение сии 2000 должны по всей справедливости быть зачтены — потому что доход с имения должен был быть разделен на 3 части. Прочтите, подумайте, дорогой Александр Сергеевич. Поздравляю вас с наступившим новым годом. Дни идут, часы летят и годы протекают незаметно — пусть вереница дней этого года будет счастливой для вас и для вашей дорогой жены; нежно поцелуйте каждого из ваших детей за меня. Поклон, дорогой друг, от П. О.

Мне сказали, что вы переменили квартиру, прошу вас дать мне ваш адрес.

П. А. ОСИПОВА — ПУШКИНУ.

9-го января [1837 г. Тригорское].

Я написала вам, мой дорогой Александр Сергеевич, в ответ на ваше письмо от 12-го прошлого года, которое я получила в Крещенье. Представилась оказия и я спешу послать вам банку с крыжовником, которая вас ждала всю осень. Если бы достаточно было одних пожеланий, чтобы сделать кого-нибудь счастливым — безусловно вы были бы один из счастливейших смертных на земном шаре. Я на этот год желаю только увидеть вас в течение этих 365 дней. Итак привет, мой дорогой Пушкин, и покойной ночи, так как мои глаза устали писать.

На обороте: Его Высокоблагородию М. Г. Александру Сергеевичу Пушкину в С.-Петербург, близ Прачешного мосту, в доме Баташева.

А. П. КЕРН.

Анна Петровна Керн (1800 — 1879) вошла в историю русской поэзии, как вдохновительница лучшего создания нашей любовной лирики:

Я помню чудное мгновенье...

История отношений А. П. Керн к Пушкину рассказана ею в живых страницах ее воспоминаний, приводимых ниже (см. II-ой отдел). Об этом романе поэта можно судить и по сохранившимся, довольно многочисленным его письмам к Анне Петровне, представляющим характерные образцы легкой, шутовой и немного фривольной эпистолярной беседы (отрывки из них также приведены в воспоминаниях Анны Петровны). К сожалению, ответные письма А. П. Керн не сохранились. Мы располагаем лишь несколькими ее приписками в письме к Пушкину А. Г. Родзянки, которое и воспроизводим здесь целиком. Страницы воспоминаний А. П. Керн о Пушкине приведены полностью во втором отделе нашей книги.

За всеми деталями о жизни и личности этой подруги Пушкина отсылаем читателей к исчерпывающей биографии А. П. Керн, написанной Б. Л. Модзалевским по материалам Пушкинского Дома и по рас-

сказам ряда лиц, в том числе и внуков Керн (в серии «Друзья Пушкина» под общей редакцией М. О. Гершензона. Изд. М. В. Сабашниковых, М., 1924 г.).

Это была живая, увлекающаяся, красивая и простодушная женщина, озарившая яркой романической вспышкой годы пушкинского изгнания.

А. Г. РОДЗЯНКО и А. П. КЕРН — ПУШКИНУ.

Лубны, 10-го мая 1825 года.

Виноват, сто раз пред грезами Анны Петровны виноват перед тобою, любезной и дорогой мой Александр Сергеевич, не отвечая три месяца на твое неожиданное и приятнейшее письмо, излагать причины моего молчания и не нужно, и излишнее, лень моя главною всему причиною, лень знает, что она никогда не переменится, хотя Анна Петровна ужасно как мост за это выражение мою грешную головушку; но не взирая на твое хорошее мнение о моих различных способностях, я становлюсь в тупик в некоторых вещах, и во-первых, в ответе к тебе. Но сделай милость, не давай воли своему воображению и не делай общею моею неодолимой лени; скромность моя и молчание в некоторых случаях должны стоять быть вместе обвинителями и защитниками ее. Я тебе похваюсь, что благодаря этой же лени и постоянное всех Амадисов и Польских и Русских. И так одна трудность перемены и искренность своей привязанности составляют мою добродетель: следовательно, говорит Анна Петровна, не много

стоит добродетель ваша, а она соблюдает молчанье.

[Рукою Керн:] молчанье — знак согласия.

[Рукою Родзянки:] и справедливо. Скажи пожалуй, что вздумалось тебе так клепать на меня? За какие проказы? за какие шалости? Но довольно, пора говорить о литературе, с тобою нашим Корифеем.

[Рукою Керн:] Ей Богу он ничего не хочет и не намерен вам сказать! Насилу упростила! Если бы вы знали, чего мне это стоило! Самой безделки: придвинуть стул, дать перо и бумагу и сказать — пишете. Да спросите, сколько раз повторить это должно было.

[Рукою Родзянки:] *Repetitia est mater studiorum.* Зачем не во всем требуют уроков, а еще более повторений? Жалуюсь тебе, как новому Оберону: отсутствующий, ты имеешь гораздо более влияния на ее, нежели я со всем моим присутствием. Письмо твое меня гораздо более поддерживает, нежели все мое красноречие.

[Рукою Керн:] *Je vous proteste qu'il n'est pas dans mes fers.*

[Рукою Родзянки:] А чья вина? Вот теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем: снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чем? Ради бога, будь посредником.

[Рукою Керн:] Ей-богу я этих строк не читала.

[Рукою Родзянки:] Но заставила их прочесть себе 10 раз.

[Рукою Керн:] Право не 10, а 9, еще солгал.

[Рукою Родзянки:] Пусть так. Тем-то Анна Петровна и очаровательнее, что со всем умом и чувствительностию [светск] образованной женщины, она избилует такими детскими хитростями. Но прощай, люблю тебя и удивляюсь твоему гению и восклицаю:

О, Пушкин, мот и расточитель
 Даров поэзии святой,
 И молодежи удалой
 Герофант и просветитель,
 Любезный женщинам творец,
 Певец Разбойников, Цыганов,
 Безумцев, рыцарей, Русланов,
 Скажи, чего ты не певец!

Моя поэма Чуйка скончалась на тех отрывках, что я тебе читал, а две новые сатиры пошлю в марте напечатать. Аркадий Родзянко.

[Рукою Керн:] Вчера он был вдохновен мною! и написал — Сатиру — на меня. Если позволите, я вам ее сообщу.

Стихи насчет известного примирения.

Соч. Арк. Родз. сию минуту.
 Доверте толки все разсудка
 Была одна дурная шутка
 Хвостов лирических певцов
 Вы не при творно рассердились
 Со мной нарочно согласились
 И кто, кто? Я же в дураках.
 И дельно; в век наш греховодной
 Я вздумал нравственность читать,

И совершенство посеять
В душе к небесному холодной:
Что-ж мне за все советы? — ах!
Жена, муж, оба с мировую
Смеются под нос надо мною
«Прощайте, будьте в дураках!»

А. К.

Эти стихи сочинены после благоразумнейших дружеских советов и это было его желание, чтоб я их здесь переписала.

Е. М. ХИТРОВО.

Дочь фельдмаршала Кутузова и мать знаменитой красавицы Долли Фикельмон, Елизавета Михайловна Хитрово (1783—1839) принадлежит к кругу близких друзей поэта. Найденные недавно письма к ней Пушкина указывают на прочное дружеское чувство, связывавшее их, и на несомненный интерес поэта к уму и знаниям этой европейски образованной женщины, всесторонне осведомленной в событиях политической современности. (Дочь ее была замужем за видным петербургским дипломатом—австрийским послом Фикельмоном). Несмотря на иронические отзывы Пушкина о Е. М. Хитрово в письмах к друзьям¹ приходится несомненно заключать о его привязанности к этой стареющей, но умной и культурной женщине, питавшей к нему чувство беспредельного поклонения.

¹ Существует предположение, что Пушкиным написаны две эпиграммы на Е. М. Хитрово; «Лиза в городе жила»... и «Лиза нынче в grand gala»... По их плоскости и стихотворной тусклости, мы решительно отказываемся признать их твореньями неподражаемого эпиграмматиста Пушкина. Беглое свидетельство А. О. Смирновой не может считаться здесь бесспорным.

Об этом определенно свидетельствуют сохранившиеся письма Е. М. Хитрово, из которых видно, что на склоне своих лет эта женщина пережила глубокое и сильное чувство. Она любила Пушкина особой, тревожной любовью, беспокоясь о нем, заботясь о его судьбе, стремясь всячески наладить ему спокойную творческую жизнь.

«Мне приходится дрожать за ваше здоровье», пишет она ему, припоминая его бледность и подавленность при их последнем свидании. «Лечитесь, будьте благоразумны — как можно выбрасывать за окно такую прекрасную жизнь». Она собирается устроить его при Дворе, чтоб предоставить ему материальную независимость. В письме по поводу женитьбы Пушкина она с ясновиденьем любящего сердца, умно и тонко предостерегает его «от прозаической стороны брака». Предсказания ее, к сожалению, оправдались в полной мере.

С чуткостью любящего существа Е. М. Хитрово всегда шла навстречу интересам и запросам Пушкина. «Не лишайте меня счастья быть у вас на посылках, — пишет она ему, всячески стремясь угадать его желанья: я буду говорить вам о высшем свете, об иностранной литературе, о возможной смене министерства во Франции, увы! я у истока всего, одного только счастья мне нехватает».

Высшая радость для нее — услышать похвалы Пушкину. Она в восхищении, что вел. князь Михаил высказал интерес к поэту. «Как я люблю, чтобы вас любили!» Она имела право писать поэту, что он может рассчитывать на нее, как на скалу.

Смерть Пушкина была страшным ударом для Елизаветы Михайловны. Сохранились свидетельства о глубоко трогательном отношении ее к умирающему и усопшему поэту. А. И. Тургенев сообщает, что 29 января, в 1 час дня (т.-е. за два часа до смерти Пушкина), когда в квартире его теснятся «весь город, дамы, дипломаты, авторы, знакомые и незнакомые», — «приезжает Элиза Хитрово, входит в его кабинет и становится на колена». А. И. Каратыгина-Колосова сообщает, что на отпевании тела Пушкина в Конюшенной церкви Елизавета Михайловна, стоя у гроба, заливалась слезами.

Дочь ее Д. А. Фикельмон сохранила в своих письмах ряд свидетельств о привязанности ее матери к Пушкину: она просит свою сестру, петербургскую фрейлину, прислать ей в Вену портрет поэта, который дорог ей, как знак памяти ее покойной матери ¹.

Мы обладаем в настоящее время большим монографическим очерком о Е. М. Хитрово, принадлежащим перу Н. В. Измайлова. С исчерпывающей эрудицией и тонким проникновением в культурный быт николаевской эпохи автор этюда убедительно показывает, что Е. М. Хитрово была деятельною участницей жизни Пушкина, его работы, чтения и «учения». «Она вступает в число друзей Пушкина — не пассивных и чуждых ему поклонников, каких было много, но друзей действительных, близких, общение с которыми

¹ *Lettres du comte et de la comtesse de Ficquelmont a la comtesse de Tisenhausen, publiées par F. de Sonis, P. 1911.*

было для него важно и дорого»². К этому обстоятельному биографическому портрету мы и отсылаем читателя за всеми подробностями жизни и деятельности Е. М. Хитрово.

Е. М. ХИТРОВО—ПУШКИНУ.

1.

18 марта 1830 г. (Петербург).

Когда я начинаю успокаиваться насчет вашего пребывания в Москве—мне приходится дрожать за ваше здоровье—меня уверяют, что вы больны в Торжке. Ваша бледность—одно из последних впечатлений, оставшихся у меня. Я беспрестанно вижу вас у этой двери, у которой с таким счастьем смотрела на вас, думая снова увидеться с вами, быть-может, на другой день, а вы бледный, подавленный, вероятно, тем страданием, которое должно было отозваться и во мне еще в тот же вечер—вы заставили меня и тогда дрожать за ваше здоровье. Я не знаю, к кому обратиться, чтобы узнать правду—вот уже четвертый раз, как я вам пишу. Завтра уже две недели как вы уехали—непонятно, почему вы мне не написали ни слова. Вы слишком хорошо знаете, что любовь моя к вам беспокойна и мучительна. Не в вашем благородном характере оставлять меня без вестей о себе.

² Н. В. Измайлов. Пушкин и Е. М. Хитрово. Сб. Пушкинского дома (вып. XLVIII) «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово» (1827—1732), Л. 1927. О литературном и политическом материале переписки Пушкина с Е. М. Хитрово см. там же статьи Б. В. Томашевского и М. Д. Беляева.

Запретите мне говорить о себе, но не лишайте меня счастья быть у вас на посылках. Я буду говорить вам о высшем свете, об иностранной литературе, о возможной смене министерства во Франции, увы, я у истока всего, одного только счастья мне не хватает.

Впрочем, могу вам сообщить, что я испытала настоящую радость третьего дня вечером—в. к. Михаил пришел провести с нами вечер; при виде вашего портрета или ваших портретов он сказал мне— «Знаете ли, я никогда не видел Пушкина очень близко. У меня было большое предубеждение против него, но по всему, что до меня доходит, я очень бы хотел познакомиться с ним, а особенно иметь с ним длинный разговор»,—под конец он попросил у меня Полтаву. Как я люблю, чтобы вас любили.

Несмотря на то, что я с вами (не смотря на антипатию, которую вам это внушает) кротка, безобидна и покорна—подтверждайте по крайней мере от времени до времени получение моих писем.—Я буду счастлива увидеть хотя бы ваш почерк! Я хочу также узнать от вас самого, мой дорогой Пушкин, неужели я осуждена вас увидеть только через несколько месяцев.

Сколько жестокого и мучительного в одной этой мысли! Видите ли, у меня есть тайное убеждение, что если бы вы знали, до какой степени мне нужно вас увидеть—вы скалились бы надо мной и вернулись бы на несколько дней! Покойной ночи—я ужасно устала.

20. Я только что вернулась от Филарета—он рассказал мне о недавно случившемся в Москве проис-

шествии, о котором ему сейчас сообщили. Он прибавил—расскажите это Пушкину. Я записала эту историю на своем плохом русском языке так, как она мне была рассказана. Посылаю вам ее, не смея его послушаться—слава богу, говорят вы счастливо приехали в Москву. Лечитесь, будьте благодарны — как можно выбрасывать за окошко такую прекрасную жизнь.

21. Вчера вечером на ренетидии Карусели много говорили о вашей седьмой Главе¹ она имела всеобщий успех — Импера[трица] не ездит больше верхом.

Напишите же мне правду, как бы печальна она ни была.—Увижу ли я вас опять на Пасху?

Е. М. ХИТРОВО — ПУШКИНУ.

9 мая 1830 г. (Петербург).

Я нахожу совершенно необходимым, чтобы вы подтвердили письмом получение этой записки—но то впредь для вас нет извинений. Вы совершенно не считаетесь со мной. Сообщите мне о вашей женитьбе и о ваших планах на будущее. Все разъезжаются, а хорошая погода не наступает. Доли и Катрин просят вас рассчитывать на них, чтобы руководить вашей Натали. Г-н Сомов дает уроки посланнику и его жене — что касается меня, я перевожу *Mariage in High life* на русский, я продам его в пользу бедных. 9-е вечером.

Элиза.

¹ Седьмая глава «Евгения Онегина» вышла в свет 18--19 марта 1830 г. См. Н. Сиявский и М. Цявловский. Пушкин в печати, М. 1914, стр. 87.

ПУШКИН — Е. М. ХИТРОВО.

18 мая 1830 г. (Москва).

Не знаю еще, приеду ли я в Петербург. Покровительницы, которых Вы так любезно обещаете, слишком уж блестящи для моей бедной Натали. Я всегда у их ног, также как и у Ваших.

18 мая.

На обороте: Ее Превосходительству Милостивой Государыне Елизавете Михайловне Хитровой etc. etc. etc. в С.-Петербурге на Моховой, дом Межуевой.

Е. М. ХИТРОВО — ПУШКИНУ.

(Середина мая 1830 г. Петербург).

Прозаическая сторона брака — вот чего я боюсь для вас! Я всегда думала, что гений поддерживает себя полной независимостью и развивается только в непрерывных бедствиях, я думала, что совершенное, положительное и от постоянства несколько однообразное счастье убивает деятельность, располагает к ожирению и делает скорее добрым малым, чем великим поэтом... Может быть после личного горя это больше всего меня поразило в первую минуту... Богу было угодно, как говорила я вам, чтобы у меня не было и тени эгоизма в сердце. Я размышляла, боролась, страдала и наконец достигла того, что сама теперь желаю, чтобы вы поскорее женились. Поселитесь с вашей прекрасной и очаровательной женой в хорошеньком деревянном опрятном домике, навещайте по вечерам тетюшек, чтоб составлять им пар-

тию, и возвращайтесь счастливым, спокойным и благодарным провидению за сокровище, доверенное вам. Забудьте прошлое и да принадлежит ваше будущее только жене и детям.

Я уверена, из того, что я знаю о мыслях императора относительно вас, что если бы вы пожелали какое-либо место, близкое к нему, вам его дадут. Может-быть, этим не следует пренебрегать — это со временем приведет вас к независимости в ваших денежных делах и в вашем отношении к правительству.

Государь так хорошо расположен, что вам не нужно никого — но ваши друзья конечно разорвутся на части для вас, — родные вашей жены тоже могут быть вам полезны. Я думаю, что вы уже получили мое коротенькое письмо.

Ничто в сущности не изменилось между нами — я буду вас видеть чаще... (если бог даст мне вас еще увидеть). Отныне мое сердце, мои заветные мысли — будут для вас непроницаемой тайной и мои письма тем, чем они должны быть. Океан будет между вами и мной, но рано или поздно вы всегда найдете во мне для себя — вашей жены и ваших детей — друга, подобного скале, о которую все разобьется. Рассчитывайте на меня, на жизнь и на смерть, полагайте мною во всем и без всякого стеснения. Устроенная так, чтобы все предпринимать для друзей — я являюсь ценным человеком для своих друзей; мне все нипочем — я иду разговаривать с влиятельными людьми, не унываю, возвращаюсь, — время, нравы, ничто меня не обескураживает. Тело мое не

страдает от моего усталого сердца — я ничего не боюсь — я многое понимаю и моя деятельность на пользу других является столько же милостью неба, сколько и следствием положения моего отца в свете и душевного воспитания, где все было основано на необходимости быть полезной другим.

Когда я утоплю мою любовь к вам в слезах, я останусь все же тем же страстным, нежным и безответным существом, которое готово для вас в прорубь, — так я люблю даже тех, кого люблю немного.

Е. М. ХИТРОВО — ПУШКИНУ.

(Первая половина сентября 1831 г.).

Я только что прочла ваши прекрасные стихи — и заявляю вам, что если вы не пришлете мне один экземпляр (говорят, их нельзя достать), я никогда вам этого не прошу.

Е. М. ХИТРОВО — ПУШКИНУ.

15 декабря неизвестного года ¹ (Петербург).

Вот, дорогой Пушкин, 750 р. за билеты г-на Катенина. Чтобы пополнить сумму 49 билетов, ему приходится еще 285 р., которые вы тоже получите

¹ В академическом издании переписки Пушкина письмо это датировано 15 декабря 1832 г., согласно «гадательной» датировке Шляпкина («Из неизданных бумаг Пушкина», стр. 172—173). Н. В. Измайлов, обследовавший автограф письма, пришел к заключению, что соображения Шляпкина, основанные на чтении «Катенина» не достаточно убедительны, в виду крайней сомнительности такого чтения. Упоминание в письме из двух дочерей одной только «Catherine» (гр. Е. Ф. Ти-

через два дня. Катрин в ужасе от счетов к приближающемуся новому году и поглощена балами. Она еще не во всем разобралась. Продолжайте писать, дитя.

Любите меня, потому что я чувствую, что сердце мое истерзалось по вас. Элиз Хитрово.

Е. М. ХИТРОВО — ПУШКИНУ.

(Сентябрь-октябрь 1836 г. Петербург).

Я только что узнала, что цензура пропустила статью, возражающую на ваши стихи, дорогой друг. А между тем лицо, которое их написало, очень сердито на меня и не захотело ни показать их мне, ни взять их обратно. Меня все время мучают за вашу элогию — а я, подобно мученикам, дорогой Пушкин, люблю вас за это еще больше и верю в ваше восхищение² перед своим Героем и в вашу симпатию ко мне!

Бедный Чадаев! Он верно очень несчастлив, питая такую ненависть к своей стране и к своим соотечественникам.

Элиза Хитрово,

рожденная княжна Кутузова-Смоленская.

Среда. На обороте: Александр Пушкин.

зенгаузен) дает основание Н. В. Измайлову отнести письмо к более раннему периоду до приезда в Россию Фикельмонов, т.-е. до января 1829 г. См. Н. В. Измайлов, Пушкин и Е. М. Хитрово. Сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово» (1827—1832) Л., 1927, 179—180.

² В подлиннике вероятно ошибка: admirateur (шюкловник), вместо admiration.

ПУШКИН — Е. М. ХИТРОВО.

(Между 19 и 24 мая 1830 г. Москва).

Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за «Эрнани». Это одно из произведений современности, которое прочел я с наибольшим удовольствием. Гюго и Сент-Бев бесспорно единственные французские поэты нашего времени. Особенно Сент-Бев, и потому, если возможно достать в Петербурге его «Утешения» (Consolations), сделайте, ради бога, доброе дело, пришлите их мне.

Что касается моего брака, то ваши размышления о нем были бы вполне справедливы, если бы Вы обо мне судили менее поэтически. На самом деле я просто добрый малый, который не хочет ничего иного, как заплыть жиром и быть счастливым. Первое легче второго.

(Простите: я замечая, что начал свое письмо на разорванном листе—я не имею духа начать его вновь).

С Вашей стороны очень любезно, что Вы принимаете участие в моем положении по отношению к Хозяину.

Но какое же место, по Вашему, я могу занять при нем? Я, по крайней мере, не вижу ни одного, которое могло бы мне подойти. У меня отвращение к делам и к «бумагам» (des boumagui), как говорит граф Ланжерон. Быть камер-юнкером в моем возрасте уже поздно. Да и что бы я стал делать при дворе? Ни мои средства, ни мой занятая не позволяют мне этого.

Родным моей будущей жены очень мало дела как до нее, так и до меня. Я от всего сердца плачу им тем же. Такие отношения очень приятны, и я их никогда не изменю.

А. О. СМИРНОВА.

І. ВОСПОМИНАНИЯ.

Когда взяли Варшаву, приехал Суворов с известиями; мы обедали все вместе за общим фрейлинским столом. Из Александровского прибежал лакей и объявил радостную и страшную вестъ. У всех были родные и знакомые; у меня два брата на штурме Воли. Мы все бросились в Александровский дворец как были, без шляп и зонтиков, и, проходя мимо Китаева дома, я не подумала объявить об этом Пушкину. Что было во дворце, в самом кабинете императрицы, я не берусь описывать. Государь сам сидел у ее стола, разбирал письма, писанные наскоро, иные незапечатанные, раздавал их по рукам и отсылал по назначению. Графиня Ламберт, которая жила в доме Олениной против Пушкина, и всегда дичилась его, узнавши, что Варшава взята, уведомила его об этом так нетерпеливо ожидаемом происшествии. Когда Пушкин напечатал свои известные стихи на Польшу, он мне прислал экземпляр и написал карандашом: *La comtesse Lambert m'ayant annoncée la première la prise de Varsovie, il est juste qu'elle recoive le premier exemplaire, le second est pour vous* (Графиня Ламберт возвестила мне первая о взятии Вар-

их переписки, от которой сохранилась лишь одна записка Смирновой и карандашная надпись Пушкина на экземпляре сборника «На взятие Варшавы» с известным стихотворным фрагментом:

От вас узнал я плен Варшавы,
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

Зато гораздо содержательнее сохранившиеся мемуарные заметки А. О. Смирновой о Пушкине, которые мы приводим в отделе воспоминаний.

А. О. СМИРНОВА — ПУШКИНУ.

(Февраль 1834 г. Петербург).

Так видно суждено, что всегда я вам отвечаю. Знайте же, что на торжество сегодня вечером нужно явиться во фраке. Мой муж в своей канцелярии, а жена его сердечно кланяется вам и Вашей супруге.

На обороте: Господину, Господину Пушкину.

А. А. ФУКС.

Александра Андреевна Фукс, урожденная Апехтина, провинциальная писательница 30—40 годов, была жена казанского профессора-медика, которого Пушкин признательно упомянул в своей «Истории Пугачевского бунта»: «ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных», сообщает поэт в своем историческом труде. Разносторонний ученый Карл Федорович Фукс направил интересы своей жены, писавшей стихи, водевили и сказки, к изучению истории и этнографии. Отсюда наряду с поэмами и комедиями среди ее трудов имеются и «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии», и статьи о вотяках, печатавшиеся в «Казанских Губернских Ведомствах».

Проезд Пушкина в 1834 г. через Казань был крупнейшим событием в жизни казанской поэтессы. В своих воспоминаниях она подробно рассказала о вечере, проведенном ею с поэтом. На другое утро она написала оду «На проезд Александра Сергеевича Пушкина чрез Казань», чрезвычайно наивную по построению и слабую по форме: какой-то «чудный гений» возвещает ей о приезде Пушкина в Казань и дает мудрый совет: «Ты смотри, в очарованьи —

Не запой ему похвал»... Но поэтесса не послушала доброго совета и послала Пушкину свои нескладные вирши, в которых описывала ему хор парнасских жителей в его честь:

Имя Пушкина гремело
В их небесных голосах...

Поэт с обычной любезностью благодарил автора за это послание, а впоследствии даже приглашал А. А. Фукс «украсить произведениями своего пера» его журнал «Современник».

Письма А. А. Фукс к Пушкину интересны, как свидетельство того глубокого благоговения, какое питали к поэту представители русского культурного общества 30-ых годов даже в далекой провинции.

ПУШКИН — А. А. ФУКС.

[19 октября 1834 г. Петербург].

Вчера, возвратившись в Петербург после скучного трехмесячного путешествия по губерниям, я был обрадован неожиданной находкою: письмом и посылкою из Казани. С жадностию прочел я прелестные ваши стихотворения, и между ними ваше послание ко мне, недостойному поклоннику вашей музыки. В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на-днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева. Не браните меня. Поэзия, кажется, для меня несякла. Я весь в прозе, да еще в какой!.. право, совестно; особенно перед вами.

Вы изволили написать, что барон Люцереде должен мне был доставить письмо еще в прошлом году;

к крайнему сожалению моему, я его не получил, вероятно потому, что барона Люцероде я уже не застал в Петербурге, по возвращении моем из Оренбурга. Он уже был отозван в Дрезден. Э. П. Перцов¹, которого на минуту имел я удовольствие видеть в Петербурге, сказывал мне, что он имел у себя письмо от вас ко мне; но и тут оно до меня не дошло: он уехал из Петербурга, не доставя мне для меня драгоценный знак вашего благосклонного воспоминания. Понимаю его рассеянность в тогдашних его обстоятельствах, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только с тем, чтобы он прислал мне письмо, которое забыл мне здесь доставить.

Потрудитесь, Милостивая Государыня, засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Карлу Федоровичу, коего любезность и благосклонность будут мне вечно памятны.

С глубочайшим почтением и сердечною признательностью честь имею быть и пр.

А. А. ФУКС — ПУШКИНУ.

20-го января 1834 г. Казань.

Милостивый Государь Александр Сергеевич! Ваш приезд в Казань, ваше к нам обязательное посещение и ваше столь лестное письмо, имели на меня такое влияние, что я не могла удержать себя от восторга и выразила мои чувства в стихах, вам посвященных.

¹ Перцов, Эраст Петрович (1804—1873), казанский литератор, близкий к кружку А. А. Фукса.

Простите моей смелости и не судите меня, как поэта, но обратите ваше внимание на мое усердие и преданность, а моя восторженная Муза, надеюсь, будет перед вами моей защитницей. Мне очень досадно, что я не могла давно послать к вам стихи; причина этому цензура, которая их держала четыре месяца, а мне непременно хотелось их послать напечатанными. Как я ни старалась узнать, где теперь ваше пребывание, но никто из Казанских этого не знает. Я решилась послать к вам стихи в два места: по вашему адресу в Нижегородскую деревню и в С.-Петербург на имя барона Люцереде, который, уважал вас так много, верно не сочтет за труд передать вам мою посылку.

Хотя мое счастье вас видеть продолжалось не более двух часов, но в это короткое время я успела заметить, что вы не только снисходительны к моим стихам, но даже не скучая их слушали, и потому я решилась послать к вам мои стихи, написанные после вашего отъезда. Сделайте одолжение, пришлите мне ваш адрес; мои стихотворения через две недели выйдут из печати; без скупения я пожелаю послать книгу к первому к вам, но не зная где вы теперь, в адресе будет для меня затруднение.

Я ласкаю себя надеждою иметь удовольствие читать ответ ваш и честь имею пребыть с истинным почтением вам, Милостивый Государь, навсегда почтеннейшая Александра Фукс.

1834 января 20. Казань.

*Надежда Александровна Дурова. 1837 г.
В. Гау (1816—1896).
Бумага, карандаш. 19x16.*

*Александра Михайловна Каратыгина-Колосова.
Первая половина XIX в.
Неизвестный художник с оригинала Фреми.*

А. А. ФУКС — ПУШКИНУ.

Казань, 1836 года Маія 24.

Милостивый Государь Александр Сергеевич! Последнее письмо ваше ко мне, как и все мои к вам, дошло до меня очень поздно; причина этому ранняя весна, которая заставила меня прожить в деревне долее, нежели как я предполагала. В день моих именин мне отдали письмо вместе с драгоценным вашим подарком. Я была в восхищении, и без сомнения вместе со мною радовался и мой ангел. Родные мои и знакомые были тогда у меня; они разделили со мною мою радость, и при восклицаниях кипел кубок за ваше здоровье. Этому был свидетель ваш Петербургский житель Приклонский.

Поблагодарив усердно за письмо, за книги и за билет, приношу также мою чувствительную благодарность за позволение посылать к вам мои сочинения в ваш журнал. Очень сожалею, что моя нерадивая Муза диктует мне такие ничтожности, которые послать к вам я никогда бы не осмелилась. Но, исполняя ваше приказание, что есть — посылаю: отрывки из писем о скитах в Нижегородской губернии, два действия водевиля, первую главу моей повести, взятой из предания Татарского об основании и переселении Казани и одну элегию, которую взял у меня Деларю, чтоб отдать, ежели возможно, вам, а не то в Библиотеку для Чтения. Я почту себя счастливою, ежели вы из моих сочинений найдете что-нибудь достойное для помещения в Современник. Все сочинения, посылаемые к вам, прежде зимы печататься не будут;

я бы желала, чтобы они ранее показались в вашем журнале; тогда бы злая критика не смела очень грозно на меня вооружиться.

С истинным моим высокопочитанием, честь имею пребыть вам, Милостивый Государь, навсегда покорнейшая Александра Фукс.

Писарь, не умеющий писать, наделал множество ошибок в своих тетрадах.

Карл Федорович поручил мне засвидетельствовать вам его почтение; он также имеет намерение к вам послать свои сочинения. Но вот затруднение — мы не знаем к вам адреса. Я уже придумала послать к вам посылку и письма через Панаева.

КРЕПОСТНАЯ СЕЛА МИХАЙЛОВСКОГО.

В мае 1826 г. Пушкин написал князю Вяземскому известное письмо о своей связи с крепостной девушкой села Михайловского:

«Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твое человеколюбие и дружбу. Приюти ее в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино, в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи... При сем с отеческой нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню, хотя бы в Остафьево. Милый мой, мне совестно, ей-богу, но тут уже не до совести».

П. Е. Щеголев на основании ряда неопубликованных документов считает, что девушку эту звали Ольгой Михайловной Калашниковой и была она дочерью управляющего села Михайловского — Михаила Ивановича Калашникова. В статье «Пушкин и мужики» («Новый Мир», 1927, X—XII) П. Е. Щеголев привел разысканное им письмо к А. С. Пушкину, посланное ему в 1833 году из села Болдина, подпи-

санное «известная вам» и по заключению исследователя написанное той девушкой, с которой Пушкин имел роман в с. Михайловском в 1825—1826 году¹. Текст этого письма мы воспроизводим по публикации Щеголева.

ПИСЬМО КРЕСТЬЯНКИ КАЛАШНИКОВОЙ К ПУШКИНУ.

«Милостивый Государь
Александр Сергеевичь,

Я имела щастие получить от вас Письмо, за которое чувствительно вас Благодарю что вы забыли меня находящуюся в бедном положении и в Горестной Жизни; впрочем покорнейше вас прошу извинить меня что я вас беспокоила на счет Денег. Для выкупки моего мужа Крестьян, то оные нестоют что бы их выкупить, это я Сделала удовольствие Для моего мужа, и Стараюсь все к пользы нашей но он нечувствует моих благодеяний, каких я ему неделаю, потому что Самый беспечный человек, на которого янинадеюсь инет надежды иметь куска хлеба, потому что Какие только Могут Быть пасквильные Дела то все оные Есть у моего мужа первое пьяница и Самой развратной Жизни человек умения вся надежда на вас Милостивый Государь что вы неоставите Меня Своею милостию, в бедном положении и в Горестной Жизни,

¹ См. также статью П. Е. Щеголева «Люди Пушкина», «Красная Нива», 1928, № 23.—Против выводов П. Е. Щеголева в его статье о «крепостном романе Пушкина» возражал В. В. Вересаев. («Заметки о Пушкине», Печ. и рев., 1928, III).

мы вышлivotставку и Живем уотца в болдине, то и незнаю Будули якогда покойна от Своего мужа или нет, а набатюшку все Сергей львович поминутно пишет неудовольствия и Строгия приказы то прошу вас Милостивый Государь защитить Своею Милостию Его от Сих Наказаний; вы пишете, что будите Суда или внижний, тоя С нитерпением Буду ожидать вашего приезда, иоблагодарном пути буду бога молить, оСебе вам Скажу что явообременении и уже время приходит, К разрешению, то осмелюсь вас просить Милостивый Государь нельзяли Быть восприемником, Естьли вашей милости Будет непротивно но хотя нелично, поимя ваше вспомнить на крещении, Описьмах вы изволити писать, то оныя писал мне мой муж и непонимаю что значут кудрявые, впродчем писать Больши Нечего, остаюсь С иСтинным моим почитанием и преданностью из вестная вам».

[Письмо датировано: «Село болдино, февраля 21 Дня 1833 года».]

Н. А. ДУРОВА.

Пушкин в нескольких фразах своего предисловия к отрывку из «Записок» Н. А. Дуровой, печатавшемуся в «Современнике», вскрыл необычайный интерес ее личной судьбы и ее мемуарных записей.

«В 1808 году, молодой мальчик по имени Александров вступил рядовым в Конно-Польский Уланский полк, отличился получил за храбрость солдатский Георгиевский крест, и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский Гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский Уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

Повидимому, все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однакож это самое наделало много шума, породило много толков и произвело сильное впечатление, от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку хорошей дворянской фамилии оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений—и каких еще? Наполеоновских. Что побудило ее? Тайные семейные огорчения? Вос-

паленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы Современника отрывками из журнала, веденного ею в 1812—13 году. С глубочайшей благодарностью спешим воспользоваться ее позволением».

Надежда Андреевна Дурова (1883—1866), получившая от Александра I за свои воинские заслуги право именоваться Александром Андреевичем Александровым, решила в середине 30-ых годов издать записки о своей необыкновенной военной карьере. Отсюда ее переписка и встречи с Пушкиным, который живо заинтересовался автобиографией «Кавалериста-девицы». Под этим заглавием записки ее вышли в свет в Петербурге в 1836 г. после того, как Пушкин напечатал отрывок из них в своем «Современнике»¹. Переписка ее с Пушкиным носит литературно-деловой характер.

¹ Пушкин посылал «Записки» Дуровой на отзыв поэту-партизану Денису Давыдову, который в ответных письмах подробно высказался о них.

Н. А. ДУРОВА—ПУШКИНУ.

5 августа 1835 г. Елабуга.

Не извиняюсь за простоту адреса, Милостивый Государь Александр Сергеевич! Титулы кажутся мне смешны в сравнении с славным именем вашим.

Чтоб не занять напрасно ни времени, ни внимания вашего, спешу сказать, что заставило меня писать к вам: у меня есть несколько листов моих записок; я желал бы продать их и предпочтительно вам. Купите, Александр Сергеевич! Прекрасное перо ваше может сделать из них что-нибудь весьма занимательное для наших соотечественников, тем более, что происшествие, давшее повод писать их, было некогда предметом любопытства и удивления. Цену назначьте сами; я в этом деле ничего не разумею и щитаю за лучшее ввериться вам самим, вашей честности и опытности.

Много еще хотел бы я сказать о моих записках, но думаю, что вам некогда читать длинных писем. И так упреждаю вас только, что записки были писаны не для печати, и что я, вверясь уму вашему, отдаю вам их, как она есть без перемен и без поправок.

Преданный слуга ваш Александров.

Вятской губернии, Елабуга.

5 августа 1835 г.

Н. А. ДУРОВА—ПУШКИНУ.

30 сентября 1835 г. [Елабуга].

Не знаю, что мне делать, Милостивый Государь Александр Сергеевич! Еще в апреле послана была

рукопись моя, в трех тетрадах, к Мамышеву, в Гатчино. Первые две он получил, но последняя пропала. Я в праве так думать, потому что шестой месяц, как Мамышев ничего не отвечает мне. При этой последней тетради был и портрет мой, писанный с меня в шестнадцатилетнем возрасте моем и, разумеется, в том виде, в каком мне надобно было быть тогда. Я пишу Мамышеву, чтоб он отослал к вам мои записки; но если вы не получили еще их, прошу меня уведомить: я тотчас пришлю вам подлинник их. Примерное нещастие было бы, если бы и он пропал.

Адрес прошу делать на собственное мое имя: Александрову в Елабуге.

Искренно почитающий вас

Александр Александров.

30 сентября 1835 г.

Н. А. ДУРОВА — ПУШКИНУ.

6 января 1836 г. Елабуга.

Милостивый Государь! Александр Сергеевич! Мамышев давно уже писал мне что отослал рукопись мою к вам, итак позвольте мне узнать ваше мнение об ней и то, угодно ли вам взять ее? В случае если она вам ненадобна, прошу вас покорно переслать ее ко мне обратно. Преданный слуга ваш Александр Александров.

6 января 1836 г. Елабуга

ПУШКИН—Н. А. ДУРОВОЙ.

19 января 1836 г. [Петербург].

Милостивый Государь, Александр Андреевич. По последнему письму вашему, от 6 января, чрезвычайно меня встревожило. Рукописи вашей я не получил, и вот какую подозреваю на то причину. Уехав в деревню на 3 месяца, я пробыл в ней только 3 недели и принужден был наскоро воротиться в Петербург. Вероятно, ваша рукопись послана в Псков. Сделайте милость, не гневайтесь на меня. Сейчас еду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсем отчаявался получить записки, столь нетерпеливо мною ожидаемые. Слава богу, что теперь попал на след.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностью честь имею быть вашим усерднейшим и покорнейшим слугою Александр Пушкин.

Н. А. ДУРОВА—ПУШКИНУ.

17 февраля 1836 г. [Елабуга].

Милостивый Государь! Александр Сергеевич!

Рукопись моя, вояжируя более года, возвратилась наконец ко мне; я несколько суеверен, и такая неудача заставляет меня переждать козни злого рока. Летом я приеду сам с моими записками, чтоб лично отдать их под ваше покровительство; а теперь в замену брат посылает вам мои Записки 12-го года, если вы найдете их стоящими труда, чтоб поправить; они не были присоединены к тем, которые

были присланы вам из Гатчино; может быть я сужу пристрастно, может быть, я увлекаюсь воспоминаниями, но записки 12-го года мне кажутся интереснее первых.

С истинным почтением честь имею быть вашим покорнейшим слугою, Александр Александров.

17 февраля 1836 г.

Н. А. ДУРОВА — ПУШКИНУ.

7 июня 1836 г. [Елабуга].

Имя, которым вы назвали меня, Милостивый Государь, Александр Сергеевич, в вашем предисловии, не дает мне покоя! Нет ли средства помочь этому горю? Записки хотя и напечатаны, но в свет еще не вышли, публика ничего об них не знает и так не лъзя ли сделать таким образом: присоедините их к тем что сегодня взяли у меня, издайте все вместе от себя и назовите: Своеручные Записки русской Амазонки известной под именем «Александрова». Что получите за эту книгу разделите со мною пополам, за вычетом того что употребите на напечатание. Таким образом вы не потерпите ничего чрез уничтожение тех листов где вы называете меня именем, от которого я вздрагиваю как только вздумаю что 20-ть тысяч уст его прочитают и назовут. Угодно ли вам мое предложение? Не опечаливайте меня отказом.

Когда покажете царю мои Записки скажите ему просто что я продаю их вам, но что меня самого

здесь нет; непостижимый страх овладевает мною при мысли о нашем Государе! Может быть он и напрасен но я не могу управится с каким то неприятным предчувствием. В ожидании ответа вашего остаюсь истинно почитающий вас Александров.

7 июня
1836 года.

ПУШКИН—Н. А. ДУРОВОЙ.

[Первая половина июня 1836 г. Петербург].

Вот начало ваших записок.—Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искреннее и беспристрастное—оставить как есть. Записки Амазонки, как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. Записки Н. А. Дуровой—просто, искренно и благородно. Будьте смелы—вступайте на поприще литературное столь же отважно как и на то, которое вас прославило. Полу-меры никуда не годятся. Весь ваш А. П.

Дом мой к вашим услугам. На Дворцовой набережной, дом Баташева, у Прачечного мосту.

Н. А. ДУРОВА—ПУШКИНУ.

25 июня 1836 г. [Елабуга].

Видеться нам, как замечаю, очень затруднительно: я не имею средств, вы—времени. Итак будемте писать, что все равно: тот же разговор.

Своеручные записки мои прошу вас возвратить мне теперь же, если можно; у меня переписут их в четыре дня, и переписанные отдам в полную вашу волю, в рассуждении перемен, которые прошу вас делать, не спрашивая моего согласия, потому что я только это и имел в виду, чтоб отдать их на суд и под покровительство таланту, которому не знаю равного, а без этого неодолимого желания привлечь на свои Записки сияние вашего имени, я давно бы нашел людей, которые купилибы или напечатали в мою пользу.

Вы очень обязательно пишете, что ожидаете моих приказаний; вот моя покорнейшая просьба, первая, последняя и единственная: действуйте без отлагательства. Что удерживает вас показать мои записки Государю, как они есть? Он ваш цензор. Вы скажете, что его дома нет, он на маневрах! Поезжайте туда, там он верно в хорошем расположении духа, и записки мои Его не рассердят.

Действуйте или дайте мне волю действовать; я не имею времени ждать. Полумеры никуда не годятся! Нерешительность хуже полу-мер; медленность хуже и того и другого вместе! Это—червь, подтачивающий корни прекраснейших растений и отнимающий у них возможность принести плод! У вас есть враги; для чего же вы даете им время помешать вашему делу и вместе с тем лишить меня ожидаемых выгод?

Думал ли я когда-нибудь, что буду говорить такую проповедь величайшему гению нашего времени, привыкшему принимать одну только дань хвалы и уди-

вления! Видно, время чудес опять настало, Александр Сергеевич! Но как я уже начал писать в этом тоне, так хочу и кончить: вы и друг ваш Плетнев сказали мне, что книгопродавцы задерживают вырученные деньги. Этого я более всего на свете не люблю! Это будет меня сердить и портить мою кровь. Чтоб избежать такого нещастия, я решительно отказываюсь от них; нельзя ли и печатать, и продавать в императорской типографии? Там, я думаю, не задержат моих денег?

Мне так наскучило бездейственная жизнь и бесполезное ожидание, что я только до 1-го обещаю вам терпение, но с 1-го, пришлете или не пришлите мне мои записки, действую сам.

Александр Сергеевич! Если в этом письме найдутся выражения, которые вам не понравятся, вспомните, что я родился, вырос и возмужал в лагере: другого извинения не имею. Простите, жду ответа и рукописи.

Вам преданный Александров.

24 июня 1836 г.

ПУШКИН—Н. А. ДУРОВОЙ.

[Конец июня — начало июля 1836 г. Петербург].

Очень вас благодарю за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток вашего пылко и нетерпеливого характера. Буду отвечать вам по пунктам, как говорят подъячни.

1) Записки ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. От того дело и замешкалось.

2) Государю угодно было быть моим цензором; это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения чужие. Вы, конечно, будете исключением, но для сего нужен предлог, и о том-то и хотелось мне с вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дела.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вам еще чуждое. Хлопоты сочинителя вам не понятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

4) Вы пишете мне: действуйте, или дайте мне действовать. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны. Моя цель — доставить вам как можно более выгоды и не оставить вас в жертву корыстолюбивым и несправным книгопродавцам.

5) Ехать к Государю на маневры мне невозможно по многим причинам. Я даже думал обратиться к нему в крайнем случае, если цензура не пропустит ваших записок. Это объясню я вам, когда буду иметь счастье вас увидеть лично.

Остальные 500 рублей буду иметь вам честь доставить к 1-му июлю. У меня обыкновенно (как и у всех журналистов) платеж производится только по появлении в свет купленной статьи.

Я знаю человека, который охотно купил бы ваши записки; но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их, или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие.

С глубочайшим почтением и преданностью честь имею быть, Милостивый Государь, вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

P. S. На днях выйдет 2-й № Современника. Тогда я буду свободнее и при деньгах.

Н. А. ДУРОВА — ПУШКИНУ.

31 июля 1836 г. [Елабуга].

Пришлите мне мои листочки, Александр Сергеевич! Их надобно сжечь, так я желал бы иметь это удовольствие поскорее. Я виделся с князем Дундуковым, но рукописи ему еще не отдал; им обоим, я думаю, не до того: у Петра Александровича жена при смерти!

Позволите ли вы мне поместить проданный вам отрывок во вторую часть?

Ваш покорный слуга Александров.

31 июля 1836 года.

Н. А. ДУРОВА — ПУШКИНУ.

22 декабря 1836 г. [Елабуга].

Милостивый Государь Александр Сергеевич! Имею честь представить вам вторую часть моих записок; извините, что не сам лично вручаю вам их, но я давно уже очень болен и болен жестоко. Дела мои приняли оборот самый дурной; я, было, понадеялся на милость царскую, потому что ему представили мою книгу; но, кажется, понадеялся напрасно: вряд ли скажут мне и спасибо, не только чтоб сделать какую существенную пользу.

Простите, будьте счастливы.

Преданнейший слуга ваш
Александр Александров,

А. О. ИШИМОВА.

Имя скромной «детской писательницы» Александры Осиповны Ишимовой (1806—1881) дошло до нас в окружении некоторой известности: к ней было написано последнее письмо Пушкина (весьма вероятно, что это и были последние написанные им строки) в самом разгаре приготовлений к дуэли, за несколько часов до получения смертельной раны. Из письма Пушкина видно, что он ценил литературную работу Ишимовой. Это вполне подтверждается и его предложением писательнице перевести для «Современника» несколько пьес любимого им Барри Корноуля. Ишимова исполнила это поручение поэта и в «Современнике» 1837 г., т. VIII, издаваемом друзьями Пушкина, появились ее переводы пяти произведений английского драматурга. Пьесы сопровождалась статьей Ишимовой «Драматические очерки Бриана Уаллера Проктора».

Краткая переписка Ишимовой с Пушкиным представляет интерес для характеристики поэта, как редактора и литературного деятеля. Любопытно отметить общий тон обаятельной любезности в отношениях знаменитого поэта к этой скромной и малоизвестной писательнице. В немногих строках письма,

как и в эпизоде личных посещений, чувствуются те традиции высокой культурности, которые Пушкин так стремился насаждать в русских литературных нравах.

А. О. ИШИМОВА — ПУШКИНУ.

26 января 1837 г. [Петербург].

Милостивый Государь
Александр Сергеевич!

Не могу описать Вам сколько я сожалела в пятницу, приехав домой спустя десять минут после Вас! И это произошло от того, что я ожидала Вас уже в четыре часа, а не в три, как прежде.

Сегодня получила я письмо Ваше, и скажу Вашими же словами: заранее соглашаюсь на все переводы, какие Вы мне предложите, и потому с большим удовольствием получу от Вас книгу *Barry Cornwall*. Только вот что: мне хотелось бы как можно лучше исполнить желание Ваше на счет этого перевода, а для этого, я думаю, нам нужно было бы поговорить о нем. Итак, если для Вас все равно в которую сторону направить прогулку Вашу завтра, то сделайте одолжение, зайдите ко мне. Кроме добра, какое вероятно произойдет от того для перевода моего, — Вы этим очень усюконите совесть мою, которая все еще напоминает мне о моей неисправности перед Вами в пятницу.

Искренно уважающая Вас и готовая к услугам
Вашим Александра Ишимова.

26 января. Вторник.

На обороте: Его Высочайшему Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину. У Коношенного моста, в доме Князя Волконского.

А. О. ИШИМОВОЙ.

27 января 1837 г. [Петербург].

Милостивая Государыня
Александра Осиповна.

Крайне жалею что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест, честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall—Вы найдете в конце книги пьесы отмеченные карандашем, переведите их как умеете—уверю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть,

Милостивая Государыня,
Вашим покорнейшим слугою

А. Пушкин.

27 янв. 1837 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

Разбухшая (свои старшие) сумки, а наша (одень) интересны (записки)...

А. М. КАРАТЫГИНА-КОЛОСОВА.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С А. С. ПУШКИНЫМ ¹.

I.

В 1879 году, на страницах «Русской Старины» была напечатана эпиграмма, написанная на меня Александром Сергеевичем Пушкиным в лета нашей с ним юности. Стихотворениям подобного рода знаменитый наш поэт не только не придавал никакого значения, но всего чаще, по миновании его безотчетной досады на лиц, не только совершенно безвинно, но поделом им уязвленных, спешил залечить укол своей сатиры каким-нибудь любезным мадригалом, или хвалебным дифирамбом... То же самое было и со стихами, которыми поэт, ни за что, ни про что, ядовито посмеялся надо мною в роли «Эсфири»: его «Послание к П. А. Катенину» ²:

¹ А. М. Каратыгина-Колосова (1802—1880) известная актриса, дебютировавшая в трагедии и затем перешедшая на жанр высокой комедии. Воспоминания ее напечатаны в «Русской Старине», 1880 г. т. XXVIII.

² П. А. Катенин (1792—1853) критик, поэт и драматург, переводчик Корнеля, убежденным защитник классицизма.

«Кто мне пришлет ее портрет»...¹

должно было изгладить злую эпиграмму из памяти лиц, которым Пушкин читал ее; меня самое она более смешила, нежели огорчала; и теперь, по прошествии стольких лет, я не обратила бы особенного внимания на эту эпиграмму, ливившуюся в печати, если бы это появление не было нарушением слова, данного мною Пушкину—никогда не вспоминать о ней. На эту строгость в исполнении данного слова мне могут возразить напоминанием о давности времени... Но Пушкин—вне законов давности: бессмертный в памяти всей России, он должен оставаться чист и безукоризнен в глазах потомства! Стихи, которых он, впоследствии, сам стыдился, не должны входить в собрание его сочинений, как бы

¹ Кто мне пришлет ее портрет,
 Черты волшебницы прекрасной?
 Талантов обожатель страстной,
 Я прежде был ее поэт.
 С досады, может быть, неправой,
 Когда одна в дыму кадил
 Красавица блистала славой,
 Я свистом гимны заглушил.
 Погибни, злобы миг единой,
 Погибни, лиры ложный звук:
 Она виновна, милый друг,
 Пред Селименной и Моинной.
 Так легкомысленной душой,
 О боги, смертный вас поносит;
 Но вскоре трепетной рукой
 Вам жертвы новые приносит.

5 апреля 1821 г.

мы ни дорожили его памятью... Скажу более: самое уважение к памяти Пушкина требует умолчания о тех из его мелких произведений, которым он сам не придавал никакой цены ¹.

Как бы то ни было, но эпиграмма на мой третий дебют в роли «Эсфири» (3 января 1819 года) напечатана в весьма распространенном, уважаемом публикою издании; перепечатана во всех наших газетах. Эта огласка вызывает меня припомнить давно минувшее время и на страницах той же уважаемой «Русской Старины» передать небольшой рассказ о моем знакомстве с незабвенным А. С. Пушкиным.

Готовясь к дебюту под руководством князя Шаховского (о котором так много любопытных рассказов в «Записках» моего покойного деверя П. А. Каратыгина, нанечатанных в «Русской Старине») ², я иногда встречала Пушкина у него в доме. Князь с похвалой отзывался о даровании этого юноши, не особенно красивого собою, резвого, вертлявого; почти мальчика... «Сашу Пушкина» он рекомендовал своим гостям покуда только — как сына Сергея Львовича и Надежды Осиповны; лишь через пять лет, для этого «Саши» наступила пора обратной рекомендации и о родителях его говорили: «они отец

¹ Писано Александрю Михайловною Каратыгиною в конце 1879 г., незадолго до ее кончины (примеч. редакции «Русск. Старины»).

² П. А. Каратыгин (1805—1870) актер и водевилист, брат знаменитого трагика. Его воспоминания печатались в «Русск. Стар.» (1872—1879) и вышли отдельным изданием.

и мать Пушкина»; их озарил отблеск славы гениального сына. Знакомцы князя Шаховского: А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, А. А. Жандр ласкали талантливого юношу, но, покуда, относились к нему, как старшие к младшему: он дорожил их мнением и как бы гордился их приязнью. Понятно, что в их кругу Пушкин не занимал первого места и почти не имел голоса. Изредка, к слову о театре и литературе, будущий гений смешил их остроумною шуткою, экспромтом или справедливом замечанием, обличавшим его тонкий эстетический вкус и далеко не юношескую наблюдательность.

Встречаясь у князя Шаховского, мы взаимно не обращали друг на друга особенного внимания; а между тем семейство Пушкиных, жившее тогда в доме рядом с графиней Екатериною Марковною Ивелич (на Фонтанке, близ Калинкина моста) было точно также близко знакомо с нею, как и мы с матушкою. Пушкины и графиня Ивелич на Страстной неделе говели вместе с нами в церкви театрального училища (на Офицерской улице, близ Большого театра). Помню, как графиня Екатерина Марковна рассказывала мне, что Саша Пушкин, видя меня глубоко расстроганною за всеобщую великой пятницы, при выносе святой плащаницы, просил сестру свою, Ольгу Сергеевну, напомнить мне, что ему очень больно видеть мою горесть, тем более, что спаситель воскрес; о чем же мне плакать? Этой шуткой он, видимо, хотел обратить на себя мое внимание; сам же, конечно, не мог быть равнодушен к шестнадцатилетней девочке.

— Vous aviez seize ans, lorsque je vous ai vu, говорил он мне впоследствии—pourquoi ne me l'avez vous pas dit.

— Et alors смеялась я ему.

— C'est que j'adore ce bel age!¹.

В «Онегине» Пушкин жестоко нападает на альбомы провинциальных барышень и великосветских барынь:

... «Разрозненные томы
Из библиотеки чертей»...

но в то время альбом был такой же неизбежной принадлежностью каждой барышни, как во времена наших бабушек—опахала. Я завела себе хорошенький альбом еще в бытность мою в пансионе. Бережливости ради, я обложила его сафьянный переплет листом чистой бумаги. Впоследствии эту обертку и я сама и мои подруги испестрили разными росчерками, «пробами пера», каррикатурными рожицами... Раз, бывши в гостях у графини Швелич, Пушкин увидал мой альбом и принялся его рассматривать; потом начал приставать к графине, чтобы она, тайком от меня, одолжила ему этот альбом на несколько времени, обещая написать в него стихи и что-нибудь нарисовать... Графиня уступила его просьбам. Пушкин сдержал свое обещание: исписал несколько страниц очень милыми стихами, и что-то нарисовал...

¹ — Вам было шестнадцать лет, когда я вас видел; зачем вы мне не сказали, что вам шестнадцать лет?

— Что же из этого?

— То, что я обожаю этот прелестный возраст!

Грустно мне каяться в моем вандализме: впоследствии я затеряла этот альбом, не придавая ни стихам, ни рисункам Пушкина никакого значения!!! Так, увы, в большинстве случаев относятся современники гениальных писателей к их автографам: не дорожат ими, не сберегают их; тогда как потомство вполне справедливо считает бесценным малейший лоскут бумаги, к которому прикасалась рука творца «Руслана», «Онегина», «Кавказского пленника»... Но стихами и рисунками в моем альбоме Пушкин не ограничился. Он имел терпение скопировать все росчерки и наброски пером на бумажной обложке переплета: подлинную взял себе, а копию подменил ее и так искусно, что мы с графиней долгое время не замечали этого «подлога»... — «Зачем вы это сделали?» — спрашивали мы его.

— Старую обложку я оставил себе на память! смеялся милый шалун.

Наконец он познакомился с нами и стал довольно часто посещать нас. Мы с матушкой от души его полюбили. Угрюмый и молчаливый в многочисленном обществе «Саша Пушкин», бывая у нас, смешил нас резвостью и ребяческой шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте: вертится, прыгает, пересаживается, перероет рабочий ящик матушки, спутает клубки гаруса в моем вышивании; разбросает карты в гранд-пасьянсе, раскладываемом матушкою... «Да уймешься ли ты, стрекоза!» — крикнет бывало моя Евгения Ивановна — «перестань, наконец!» Саша минуты на две приутихнет, а там опять начинает проказничать. Как-то, матушка, пригрозилась

наказать неугомонного Сашу: «остричь ему когти» — так называла она его огромные, опущенные на руках, ногти. «Держи его за руку», сказала она мне, взяв ножницы, «а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но он поднял крик на весь дом, начал притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижают и до слез рассмешил нас... Одним словом, это был сущий ребенок, но истинно благовоспитанный — *enfant de bonne maison* (ребенок из хорошей семьи).

В 1818 году, после жестокой горячки, ему обрили голову и он носил парик. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физиономии и не особенно ее красило. Как-то, в Большем Театре, он вошел к нам в ложу. Мы усадили его, в полной уверенности, что здесь наш проказник будет сидеть смирно... Ничуть не бывало! В самой патетической сцене, Пушкин, жалуясь на жару, снял с себя парик и начал им обмахиваться, как веером... Это рассмешило сидевших в соседних ложах, обратило на нас внимание и находившихся в креслах. Мы стали унимать шалуна, он же со стула соскользнул на пол и сел у нас в ногах, прячась за барьер; наконец, кое-как надвинул парик на голову, как шапку: нельзя было без смеха глядеть на него! Так он и просидел на полу во все продолжение спектакля, отпуская шутки насчет пьесы и игры актеров. Можно ли было сердиться на этого забавника?

Но за что Пушкин мог рассердиться на меня, чтобы, после наших добрых отношений, бросить в меня пасквилом? Нет действия без причины,

и в данном случае, как я узнала впоследствии, причиною озлобления Пушкина была пелепая сплетня, выдуманная на мой счет каким-то «доброжелателем». Говоря о Пушкине у князя Шаховского, Грибоедов назвал поэта «мартышкой» (un sarajou). Пушкину перевели будто бы это прозвище было дано ему—мною! Плохо же он знал меня, если мог поверить, чтобы я позволила себе так дерзко отозваться о нем, особенно о его наружности; но, как быть! Раздраженный, раздосадованный, не взяв труда доискаться правды, поэт осмелл меня (в 1819 г.) в своем пасквиле¹. Катенин и Грибоедов пеняли ему, настаивали на том, чтобы он извинился передо мною:—укоряя его, они говорили, что выходка его тем стыднее, что ее могут приписать угодливости поэта «Клитемнестре» (так называли они К. С. Семенову). Пушкин сознался в своей опрометчивости, ругал себя и намеревался ехать ко мне с повинной... Но тут последовала его высылка из Петербурга и в течение семи или восьми лет мы с ним не видались. Далее я расскажу о нашей встрече после этой долгой разлуки; теперь же, к слову, припомню о Катерине Семеновне Семеновоу.

¹ Все пленяет нас в Эсфире:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

Никогда, во все продолжение одновременной моей службы с Семеновою, я не унижала себя завистью, и, еще того менее, — соперничеством с нею. Одаренная громадным талантом, но равномерно ему и себялюбивая, Семенова желала главенствовать на сцене. Желание неисполнимое! Превосходная трагическая актриса, она была невозможна в высокой комедии и современной драме (*la haute comédie et le drame moderne*), т.-е. именно в тех ролях, в которых я заслуживала, лестное для меня, одобрение публики... Каждому свое! Неподражаемая Федра, Клитемнестра, Гекуба, Медея—Семенова не могла назваться безукоризненною в ролях Моины, Химены, Ксении, Антигоны, Ифигении. П. А. Каратыгина в своих «Записках» рассказывает как однажды Катерина Семенова и Софья Васильевна Самойлова играли наивных девочек в комедии И. А. Крылова «Урок дочкам»¹; в другой раз, по той же шаловливости, Семеновою вздумалось играть роль субретки Сашки в «Воздушных замках» Н. И. Хмельницкого... Оно, действительно, было очень смешно; но с тем вместе это было глумление самой актрисы над собственным талантом и над сценическим искусством... Ни за какие блага в мире я не позволила бы себе, в бытность мою на сцене, играть роль в каком-нибудь водевиле!

Впоследствии времени, когда Катерина Семеновна, тогда уже княгиня Гагарина, приезжала в Петер-

¹ См. Записки П. А. Каратыгина. «Русская Старина», изд. 1879 года, том XXIV, стр. 430—431.

бург из Москвы по поводу несчастного семейного процесса ее дочери, она часто бывала у нас, обеживала и проводила вечера. Мы вспоминали с нею былое, ее беспричинную вражду, неосновательное подозрение меня в невозможном соперничестве и от души смеялись... До самой кончины княгини Гагариной мы были с нею в самых добрых и приятных отношениях. Когда она скончалась, мы с мужем проводили ее прах на Митрофаньевское кладбище и присутствовали при отпевании. Немногие лица из театрального мира отдали последний долг знаменитой артистке². При этих проводах я вспомнила погребение Ивана Афанасьевича Дмитревского (в октябре 1822 года); тогда представителями драматической труппы, точно также были: В. А. Каратыгин и я — тогда еще — Колосова-младшая.

II.

Пушкина, после его отъезда на юг России и возвращения из ссылки, я увидела в 1827 году, когда я была уже замужем за Василием Андреевичем. Это было в Малом театре (он находился на том самом месте, где теперь Александринский). В тот вечер играли комедию Мариво: «Обман в пользу любви» *Les fausses confidences*, в переводе П. А. Катенина. Он привел ко мне в уборную «кающегося грешника», как называл себя Пушкин. «Размалеванные брови»... напомнила я ему смеясь. — «Полюте, бога ради»,

² См. «Русская Старина» 1875 года, том XII, стр. 726—728.

*Мария Николаевна Волконская. 1828 г.
Н. Бестужев.*

*Анна Николаевна Вульф.
Силуэт (левый).*

*Цыганка Таня. В центре с гитарой.
Г. Гагарин. Литография с рисунка с натуры.*

перебил он меня, конфузясь и целуя мою руку — «кто старое помянет, тому глаз вон! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете, вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве!?»...

Слово было дано; мы вполне примирились... За «Сашу Пушкина» передо мною извинился Александр Сергеевич Пушкин — слава и гордость родной словесности!

С мужем моим он сблизился в доме у покойного князя Владимира Федоровича Одоевского, где собирались: граф Михаил Юрьевич Виельгорский, Веневитинов, граф В. А. Соллогуб и мн. др. Впоследствии времени, уже в начале тридцатых годов, Александр Сергеевич при И. А. Крылове читал у нас своего «Бориса Годунова». Он очень желал, чтобы мы, с мужем, прочитали на театре сцену у фонтана, Дмитрия с Мариною. Несмотря однако же на наши многочисленные, личные просьбы граф А. Х. Бенкендорф, с обычной своей любезностью и извинениями, отказал нам в своем согласии: личность самозванца была тогда запрещенным плодом на сцене. После того Пушкин подарил моему мужу, для его бенефиса, своего «Скупого рыцаря»... Но и эта пьеса не была играна при жизни автора, по каким-то цензурным недоразумениям. Одним словом, дружественные наши отношения к Пушкину продолжались по самый день его несчастной кончины. В самую ее минуту, я дождалась, в санях, у подъезда квартиры Александра Сергеевича, известия о его положении: муж мой, выйдя ко мне с графом Виельгорским и князем Петром

Андреевичем Вяземским, сообщил мне тогда роковую весть, что Пушкина не стало!

По присланному нам приглашению от Наталии Николаевны Пушкиной мы с мужем присутствовали при отпевании великого поэта в Конюшенной церкви; мы оплакивали его, как родного...

Да и могло ли быть иначе!

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ.

ИЗ «ЗАПИСОК».

В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской, моей третьей невестки, которая приняла меня с такой нежностью и добротой, которых я никогда не забуду: она окружила меня заботами, вниманием, любовью и состраданием. Зная мою страсть к музыке, она пригласила всех итальянских певцов, которые были тогда в Москве и несколько талантливых певид. Прекрасное итальянское пение привело меня в восхищение, а мысль, что я слышу его в последний раз, делала его для меня еще прекраснее. Дорогой я простудилась и совершенно потеряла голос, а они пели как-раз те вещи, которые я изучила лучше всего, и я мучилась от невозможности принять участие в пении. Я говорила им: «Еще, еще, подумайте только, ведь я никогда больше не услышу музыки!» Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь; я знала его давно. Он был принят моим отцом в то время, когда его преследовал император Александр I за стихотворения, считавшиеся революционными.

Отец когда-то принял участие в этом бедном молодом человеке с таким огромным талантом и взял его с собой на Кавказские воды, так как здоровье

его было сильно подорвано. Пушкин никогда этого не забывал; связанный дружбой с моими братьями, он питал ко всем нам чувство глубокой преданности.

Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался. Мне вспоминается, как во время этого путешествия, недалеко от Таганрога, я ехала в карете с Софьей — нашей англичанкой, русской няней и компаньонкой. Завидев море, мы приказали остановиться, вышли из кареты и всей гурьбой бросились любоваться морем. Оно было покрыто волнами и, не подозревая, что поэт шел за нами, я стала забавляться тем, что бегала за волной, а когда она настигала меня, я убегала от нее; кончилось тем, что я промочила ноги. Понятно, что я никому ничего об этом не сказала и вернулась в карету. Пушкин нашел, что эта картина была очень грациозна и, поэтизируя детскую шалость, написал прелестные стихи; мне было тогда лишь 15 лет.

„Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам.
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами“.

Позже, в поэме «Бахчисарайский фонтан», он сказал:

„... ее очи
Яснее дня,
Темнее ночи“.

В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел. Но во время доброволь-

ного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел передать мне свое «Послание к узникам» для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александрине Муравьевой. Вот оно:

„Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра —
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора.
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут“.

Пушкин говорил мне: «Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на места, перевалю через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежище в Нерчинских рудниках». Он написал свою прекрасную книгу, которая привела всех в восхищение, но в наш край так и не попал ¹.

¹ Перепечатано из «Записок» М. Н. Волконской, Сиб., 1904.

А. П. КЕРН.

І. ВОСПОМИНАНІЯ О ПУШКИНЕ.

Вам захотелось, почтенная и добрая Е. П., узнать некоторые подробности моего знакомства с Пушкиным. Спешу исполнить Ваше желание. Начну с начала и выдвину перед Вами еще, кроме Пушкина, несколько лиц, Вам очень знакомых и всем известных.

Я воспитывалась в Тверской губернии, в доме родного деда моего по матери, вместе с двоюродною сестрою моею, известною Вам Анною Николаевною Вульф, до двенадцатилетнего возраста. В 1812 году меня увезли от дедушки в Полтавскую губернию, а шестнадцати лет выдали замуж за генерала Керна.

В 1819 году я приехала в Петербург с мужем и отцом, который между прочим представил меня в дом его родной сестры [Е. М.] Олениной. Тут я встретила двоюродного брата моего [А. А.] Полторацкого, с сестрами которого я была еще дружна в детстве. Он сделался моим спутником и чичероне в кругу незнакомаго для меня большого света. Мне очень нравилось бывать в доме Олениных, потому что у них не играли в карты; хотя там и не танцовали по причине траура при дворе, но зато играли в разные

занимательные игры и преимущественно в charades en action [шарады в действии], в которых принимали иногда участие и наши литературные знаменитости— Иван Андреевич Крылов, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол и другие.

В первый визит мой к тетушке Олениной батюшка, казавшийся очень немногим старше меня, встретясь в дверях гостиной с Крыловым, сказал ему: «Рекомендую вам меньшую сестру мою». Иван Андреевич улыбнулся, как только он умел улыбаться, и протянув мне обе руки, сказал: «Рад, очень рад познакомиться с сестрицей». На одном из вечеров у Олениных я встретила Пушкина и не заметила его; мое внимание было поглощено шарадами, которые тогда разыгрывались и в которых участвовали Крылов, [А. А.] Плещеев и другие. Не помню, за какой-то фант Крылова заставили прочесть одну из его басен. Он сел на стул по середине залы; мы все столпились вокруг него, и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего «Осла»! И теперь еще мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнес:

Осел был самых честных правил!

В чаду такого очарования мудро было видеть какого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина. Но он вскоре дал себя заметить. Во время дальнейшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку с цветами, Пушкин,

вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне, посмотрел на корзинку и, указывая на брата, сказал: «Et c'est sans doute monsieur, qui fera l'aspic?». Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла. После этого мы сели ужинать. У Олениных ужинали на маленьких столиках, без церемоний, и, разумеется, без чинов. Да и какие чины могли быть там, где просвещенный хозяин ценил и дорожил только науками и искусствами? За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание льстивыми возгласами, как например: «Est — il permis d'être aussi jolie!». Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: «Во всяком случае, в аду будет много хорошеньких, там можно будет играть в шарады. Спроси у madame Kern: хотела ли бы она попасть в ад?» Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. «Ну, как же ты теперь, Пушкин? спросил брат. «Je me ravise», ответил поэт, — я в ад не хочу, хотя там и будут хорошенькие женщины...». Вскоре ужин кончился и стали разъезжаться. Когда я уезжала, и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами. Впечатление его встречи со мною он выразил в известных стихах.

Я помню чудное мгновенье, и проч.

Вот те места в VIII главе «Онегина», которые относятся к его воспоминаниям о нашей встрече у Олениных:

... Но вот толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал...
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Все тихо, просто было в ней.
Она казалась верный снимок
Du somme il faut... Шившков, прости!
Не знаю как перевести!
К ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей,
Мужчины кланялись ниже,
Ловили взор ее очей;
Девиды проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос, и плечи поднимал
Вошедший с нею генерал...
Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,
Она сидела у стола...
Сомненья нет! Увы, Евгений
В Татьяну, как дитя влюблен.
В тоске любовных помышлений
И день, и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим ценам,
К ее крыльду, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится, как тень.
Он счастлив, если ей накинет
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет

Пред нею пестрый полк ливрей,
Или платок поднимет ей ¹.

Прожив несколько времени в Дерпте, в Риге, в Пскове, я возвратилась в Полтавскую губернию к моим родителям. В течение шести лет я не видела Пушкина, но от многих слышала про него, как про славного поэта, и с жадностью читала «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан», «Разбойников» и 1-ю главу «Онегина», которые доставлял мне сосед наш Аркадий Гаврилович Родзянко, милый поэт, умный, любезный и весьма симпатичный человек. Он был в дружеских отношениях с Пушкиным и имел счастье принимать его у себя в деревне, Полтавской губернии Хорольского уезда. Пушкин, возвращаясь с Кавказа, прискакал к нему с ближайшей станции верхом, без седла, на почтовой лошади, в хомуте...

Во время пребывания моего в Полтавской губернии я постоянно переписывалась с двоюродною сестрою моею, Анною Николаевною Вульф, жившею у матери своей в Тригорском, Псковской губернии, Опочецкого уезда, близ деревни Пушкина Михайловского. Пушкин часто бывал у них в доме, она говорила с ним обо мне и потом сообщала мне в своих письмах различные его фразы; так, в одном из них она писала: «vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olénine; il dit partout: «Elle

¹ А. П. Керн несомненно заблуждалась, приписывая эти строфы „Евгения Онегина“ впечатлению, произведенному ею на Пушкина.

etait trop brillante»¹. В одном из ее писем Пушкин приписал сбоку из Байрона: «Une image qui a passé devant nous, que nous avons vu et que nous ne reverrons jamais!»². Когда же он узнал, что я выдаюсь с Родзянком, то переслал через меня к нему письмо, в котором были расспросы обо мне и стихи:

Наместник Феба иль Приапа!
Твоя соломённая шляпа
Покойней, чем иной венец,
Твой Рим — деревня, ты — мой папа,
Благослови ж меня, певец!..

Далее, в том же письме он говорит: «Ты написал «Хохлячку», Баратынский — «Чухонку», я — «Цыганку»; что скажет Аполлон?» и проч. Дальше не помню, а неверно цитировать не хочу. После этого мне с Родзянком вздумалось полюбезничать с Пушкиным, и мы вместе написали ему шуточное послание в стихах. Родзянко в нем упоминал о моем отъезде из Малороссии и о несправедливости намеков Пушкина на любовь ко мне. Послание наше было очень длинно, но я помню только последний стих:

Продайте, будьте в дураках!

Ответом на это послание были следующие стихи, отданные мне Пушкиным, когда я через месяц после этого встретила с ним в Тригорском. Вот они:

¹ Вы произвели живейшее впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олениных; он всюду говорит: «она была слишком блистательна».

² Образ, мелькнувший перед нами, который мы видели и никогда более не увидим.

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной;
Полтавских муз поведать тайны, —
А пишешь лишь об ней одной.
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украины!
Ты прав, что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной;
Поговорим опять об ней.
Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей,
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту.
Дай Бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту!
Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода:
Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны или незримы.
Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

А. Пушкин.

Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его, и это желание исполнилось во время пребывания моего в доме тетки моей в Тригорском, в 1825 году в июне месяце. Вот как это было: Мы сидели за обедом и смеялись над привычкою одного господина [И. М.] Рокотова, повторившего беспрестанно: «*Pardonnez ma franchise; je tiens beaucoup à votre opinion*»¹. Вдруг вошел Пушкин с большою, толстою палкой в руках. Он после часто являлся к нам во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя, гораздо раньше и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками, *chien-loup*. Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила; он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать и мы нескоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было с ним вдруг сблизиться: он был очень неровен в обращении: то шумно весел, то грустен, то робок, то дерзок, то нескончаемо любезен, то томительно скучен, и нельзя было угадать, в каком он будет расположении духа через минуту. Раз он был так нелюбезен, что сам в этом сознался сестре, говоря: «*Ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?*»². Вообще же надо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражал их всегда искренно и был неопи-сано хорош, когда что-нибудь приятное волновало

¹ Простите мою откровенность; я чрезвычайно дорожу вашим мнением.

² Я был достаточно вульгарен сегодня?

его. Так один раз мы восхищались его тихую радостью, когда он получил от какого-то помещика при любезном письме охотничий рог на бронзовой цепочке, который ему нравился. Читал это письмо и любуясь рогом, он сиял удовольствием и повторял: «Charmant, charmant!»³. Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, остротой и увлекательностью его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про чорта, который ездил на извозчике на Васильевский остров. Эту сказку с его же слов записал некто Титов и поместил, кажется в «Подснежнике». Пушкин был мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество. Однажды с этой целью явился он в Тригорское со своею большою черною книгою, на полях которой были начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу. Я была в упоении, как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я истаявала от наслаждения; он имел голос певучий, мелодический, как он говорит про Овидия в своих «Цыганах»:

И голос, шуму вод подобный.

³ Прелестно, прелестно!

Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июльская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном, сестра, Пушкин и я — в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно-веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов, хвалил луну, не называл ее глупою, а говорил: «*J'aime la lune quand elle éclaire un beau visage*»¹. Хвалил природу и говорил, что он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он завидовал, при нашей первой встрече, Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад,

приют задумчивых дриад,

с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: *Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à Madame*². Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспомнил нашу первую встречу у Оле-

¹ Люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо.

² Дорогой Пушкин, окажите г-же Керн честь приема.

ниных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: «Vous aviez un airse virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?»¹.

На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрой Анною Николаевною Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр II главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье, и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; на силу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих «Северных цветах». Мих. Ив. Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя.

Во время пребывания моего в Тригорском, я пела Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Brenta протекала,
Серебримая луной, и проч.

Мы пели этот романс Козлова на голос: «Benedetta sia la madre», баркароллы венецианской. Пушкин с большим удовольствием слушал эту музыку и писал

¹ У вас был такой девственный вид. Не правда ли на вас было что-то вроде крестика?

в это время П л е т н е в у: «Скажи старцу Козлову, что здесь есть одна прелесть, которая поет его «Ночь». Как жаль, что он ее не увидит! Дай бог ему ее слышать!»

Итак, я переехала в Ригу. Тут гостили у меня сестра, приехавшая со мною, и тетушка со всем семейством. Пушкин писал из Михайловского к ним обоим; в одном из своих писем тетушке он очертил мой портрет так: «voulez vous savoir ce que c'est que madame Kern? Elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même: elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante»¹.

Его письмо к сестре² очень забавно и остро; выписываю здесь, что относилось ко мне: Tout Trigorsky chante:

Не мила ей прелесть ночи,

et cela me serre le coeur; hier m-r Alexis et moi, nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni, tout-à-coup. Ennui? Conformité de sentiment? Je n'en sais rien; je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: «Elle était là». La pierre qu'elle a heurtée, est sur ma table³, auprès d'une héliotrope

¹ Вы хотите знать, что, что такое г-жа Керн? Она гибка, она все понимает; она легко огорчается и так же быстро утешается; она робка в обращении и смела в поступках; но она так привлекательна!

² Анне Николаевне Вульф.

³ Никакого не было камня в саду, а споткнулась я о переплетенные корни дерев.

fanée ¹. J'écris beaucoup de vers; tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je jure qu'il n'en n'est rien, si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué... ². Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir éveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu de ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse, que ses beaux yeux s'attacheront, sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse — non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai; — non, ne le lui dites pas, elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrète, un penchant mélancolique et mystérieux, je la méprise, entendez-vous? Oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau (21 июля) ³.

Вскоре ему захотелось завязать со мною переписку, и он написал мне следующее письмо: «J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous écrire et vous — étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je

¹ Веточку геллотрона он точно выпросил у меня.

А. К.

² Ему досадно было, что брат поехал провожать сестру свою и меня и сел вместе с нами в карету.

А. К.

³ Перевод этого письма см. выше в отделе переписки с А. Н. Вульф.

le sais; mais je n'ai pas la force de résister au désir d'avoir un mot de votre jolie main. Votre visite à Trigorsky, m'a laissé une impression plus forte et plus pénible que celle, qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленин. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tâcher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme, mais la frivolité est toujours cruelle, et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire. Adieu, divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mes tendresses à Ермолай Федорович et mes compliments à m. Woulf. 25 juillet.

Je reprends la plume, car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous — j'espère que vous lirez cette lettre en cachette — la cacherez vous encore dans votre sein? Me répondrez vous bien longuement? Ecrivez moi tout ce qui vous passera par la tête, je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tacherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal. Savez vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental? Que dira Анна Николаевна? ¹. Ах вы чудотворка или чудотворица!».

¹ Я имел слабость просить вашего разрешения писать к вам а вы — легкомысленно или кокетство дать мне на то

Получая это письмо, я тотчас ему отвечала и с нетерпением ждала от него второго письма; но он это второе письмо вложил в пакет тетушкин, а она не только не отдала мне его, но даже не показала. Те, которые его читали, говорили, что оно было прелесть как мило. В другом письме его было: «Ecrivez moi en long, en large et en diagonal» ¹. Мне бы хоте-

позволение. Я знаю, что переписка ни к чему не ведет; но у меня нет сил противиться желанию иметь хоть одно слово, написанное вашею хорошенькою ручкою. Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое произвела на меня некогда встреча наша у Олениных. В моей печальной деревенской глуши я не могу сделать ничего лучшего, как стараться больше не думать о вас. Если бы в душе вашей была бы хоть капля жалости ко мне, вы сами должны были бы желать мне этого; но ветренность всегда жестока, и все вы, кружа голову направо и налево, в восхищении от сознания, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу. Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячи любезностей Ермолаю Федоровичу, поклон г-ну Вульффу. 25 июля.

Снова берусь за перо, потому что умираю с тоски и могу заниматься только вами. Надеюсь, что письмо это вы прочтете украдкой; спрячете ли вы его опять на груди? Напишите ли мне длинный ответ? Пишите мне обо всем, что вам придет в голову, заклиная вас. Если вы боитесь моего самоумнения, если не хотите компрометировать себя, — измените почерк, подпишитесь вымышленным именем, — сердце мое сумеет узнать вас. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, тогда, увы, я постараюсь им поверить или же обмануть себя — это все равно. Знаете ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился их сентиментального тона — что скажет Анна Николаевна?

¹ Пишите мне вдоль, поперек и наискось.

лось сделать много выписок из его писем; они все были очень милы, но ограничусь еще одним: «N'est — ce pas, que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? Hé bien, si vous venez, je vous promets d'être extrêmement aimable: je serai gai lundi, exalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. Adieu. 28 août» ¹.

¹ Не правда ли, я гораздо любезнее в письмах, чем при личных сношениях? Но право, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности: я буду весел в понедельник, восторжен во вторник, нежен в среду, дерзок в четверг, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, — и всю неделю у ног ваших. Прощайте. 28 августа.

«Никак не ожидал, очаровательница, чтобы вы обо мне вспомнили и от глубины сердца благодарю вас. Байрон получил в глазах моих новую прелесть — все героини его облеклись в моем воображении в черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в Гюльнаре и в Лейле; самый идеал Байрона не мог быть более божественно прекрасен. Итак, вас и всегда вас судьба посылает для услаждения моего уединения. Вы — ангел-утешитель, но я — только неблагодарный, что еще ропщу.

Вы отправляетесь в Петербург, — и мое изгнание тяготит меня более, чем когда-либо. Быть может, перемена, только что происшедшая, приблизит меня к вам, — не смею на это надеяться. Не станем верить надежде: она не что иное, как хорошенькая женщина, которая обходится с нами, как со старыми мужьями. А что поделывает ваш муж, мой кроткий гений? Знаете ли, — в его образе я представляю себе врагов Байрона, включая в их число и жену его. — 8 дек.

Опять берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у колен ваших; что я все люблю вас; что иногда ненавижу вас; что третьего дня говорил про вас ужасные вещи; что я целую ваши прелестные ручки; что снова целую их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны и т. д. &c.

Через несколько месяцев я персехала в Петербург и, уезжая из Риги, послала ему последнее издание Байрона, о котором он так давно хлопотал, и получила еще одно письмо, чуть ли не самое любезное из всех прочих, — так он был признателен за Байрона! Не воздержусь, чтобы не выписать Вам его здесь: «Je ne m'attendais guère, enchenteresse, à votre souvenir; c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme; toutes ses heroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation, mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Petersbourg, mon exil me pèse plus que jamais. Peut-être que le changement qui, vient d'arriver, me rapprochera de vous, je n'ose l'espérer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme elle nous traite en vieux maris. Que fait le votre, mon doux génie? Savez vous que c'est sous ses traits que j'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme. 8 decembre.

«Je reprends la plume pour vous dire que je suis à vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous deteste quelquefois, qu'avant hier j'ai dit de vous des horreurs; que je vous baise vos belles mains, que je les rebaïse encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc...».

С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге в доме его родителей, где я бывала почти всякий день, и куда он приехал из своей ссылки в 1827 году, прожив в Москве несколько месяцев. Он был тогда весел, но чего-то ему не доставало. Он как-будто не был так доволен собою и другими, как в Тригорском и Михайловском. Я полагаю, что император Александр I, заставляя его жить долго в Михайловском, много содействовал развитию его гения. Там, в тиши уединения, созрела его поэзия, сосредоточились мысли, душа окрепла и осмыслилась. Друзья не покидали его в ссылке. Некоторые посещали его, а именно: Дельвиг, Баратынский и Языков, а другие переписывались с ним, и он приехал в Петербург с богатым запасом выработанных мыслей. Тотчас по приезде он усердно начал писать, и мы его редко видели. Он жил в трактире Демута¹, его родители—на Фонтанке у Семеновского моста, я с отцом и сестрою—близ Обухова моста, и он иногда заходил к нам, отправляясь к своим родителям. Мать его Надежда Осиповна, горячо любившая детей своих, гордилась им и была очень рада и счастлива, когда он посещал их и оставался обедать. Она заманивала его к обеду печеным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник. В год возвращения его из Михайловского именины свои он праздновал в доме родителей, в семейном кружку, и был очень мил. Я в этот день обедала

¹ Одна из лучших петербургских гостиниц той эпохи, основанная в конце XVIII века. Она находилась на набережной Мойки, где впоследствии помещался ресторан Донона.

у них и имела удовольствие слушать его любезности. После обеда Абрам Сергеевич Норов, подойдя ко мне с Пушкиным, сказал: «Неужели Вы ему сегодня ничего не подарили, а он так много вам писал прекрасных стихов?». «И в самом деле», отвечала я, — «мне бы надо подарить вас чем-нибудь: вот вам кольцо моей матери, носите его на память обо мне». Он взял кольцо, надел на свою маленькую прекрасную ручку и сказал, что даст мне другое. В этот вечер мы говорили о Льве Сергеевиче, который в то время служил на Кавказе, и я, припомнив стихи, написанные им ко мне, прочитала их Пушкину. Вот они:

Как можно не сойти с ума,
Внимая вам, на вас любуясь!
Венера древняя мила,
Чудесным поясом красуясь;
Алкмена, Геркулеса мать,
С ней в ряд, конечно, может стать,
Но чтоб молили и любили
Их так усердно, как и вас,
Вас спрятать нужно им от нас:
У них вы лавку перебили!

Л. Пушкин.

Пушкин остался доволен стихами брата и сказал очень наивно: «И он тоже очень умен. Il a aussi beaucoup d'esprit».

На другой день Пушкин привез мне обещанное кольцо с тремя бриллиантами и хотел было провести у меня несколько часов, но мне нужно было ехать с графиней [П. М.] Ивелич, и я предложила ему прокатиться к ней в лодке. Он согласился, и я опять

увидела его почти таким же любезным, каким он бывал в Тригорском. Он шутил с лодочником, уговаривая его быть осторожным и не утопить нас. Потом мы заговорили о Веневитинове, и он сказал: «Pourquoi l'avez vous laissé mourir? Il était aussi amoureux de vous, n'est ce pas?». На это я отвечала ему, что Веневитинов оказывал мне только нежное участие и дружбу, и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тут кстати я рассказала ему о наших беседах с Веневитиновым, полных той высокой чистоты и нравственности, которыми он отличался, о желании его нарисовать мой портрет и о моей скорби, когда я получила от Хомякова его посмертное изображение. Пушкин слушал мой рассказ внимательно, выражая только по временам досаду, что так рано умер чудный поэт... Вскоре мы пристали к берегу, и наша беседа кончилась.

Коснувшись светлых воспоминаний о Веневитинове, я не могу воздержаться, чтобы не выписать стихов Дельвига, написанных на смерть его в моем черном альбоме, рядом с портретом Веневитинова: они напоминают прекрасную душу так рано оставившего нас поэта.

НА СМЕРТЬ ВЕНЕВИТИНОВА.

Дева.

Юноша милый, на миг ты в наши игры вмешался!
Розе подобный красой, как фигомеда ты пел,
Сколько любовь потеряла в тебе поделуев и песен,
Сколько желаний и ласк новых, прекрасных, как ты!

Роза.

Дева, не плачь! Я на прахе его в красоте расцветаю.
Сладость он жизни вкусив, горечь оставил другим.

Ах, и любовь бы изменюю душу певца отравила!
Счастлив, кто прожил, как он, век соловьиный и мой.

Зимой 1828 года Пушкин писал «Полтаву» и, полный ее поэтических образов и гармонических стихов, часто входил ко мне в комнату, повторяя последний, написанный им стих; так он раз вошел громко произнося:

Ударил бой, Полтавский бой!

Он это делал всегда, когда его занимал какой-нибудь стих, удавшийся ему, или почему-нибудь запавший ему в душу. Он, например, в Тригорском беспрестанно повторял:

Обманет, не придет она!

Посещая меня, он рассказывал иногда о своих беседах с друзьями и однажды, встретив у меня Дельвига с женою, передал свой разговор с Крыловым, во время которого между прочим был спор о том, можно ли сказать: «бывывало». Кто-то заметил, что можно даже сказать «бывывывало». «Очень можно», проговорил Крылов, — «да только этого и трезвому не выговорить!». Рассказав это, Пушкин много шутил. Во время этих шуток, ему попался под руку мой альбом, совершенный слепок с того уездной барышни альбома, который описал Пушкин в «Онегине», и он стал в нем переводить французские стихи на русский язык и русские на французский. В альбоме было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
 Il existait un être parfait,
 Oh, mon aimable et douce amie,
 Comme toi, sans doute, il est fait, etc. . .

Пушкин перевел:

Если в жизни поднебесной
 Существует дух прелестный,
 То тебе подобен он;
 Я скажу тебе резон:
 Не возможно!

Под какими-то весьма плохими стихами было подписано «*Escrit dans mon exil*». Пушкин приписал:

Amour, exil! . .
 Какая гиль!

Дмитрий Николаевич Барков написал одни всем известные стихи не совсем правильно, и Пушкин вместо перевода написал следующее:

Не смею вам стихи Баркова
 Благопристойно перевести,
 И даже имени такова
 Не смею громко произнести!

Так несколько часов было проведено среди самых живых шуток, и я никогда не забуду его игривой веселости, его детского смеха, которым оглашались в тот день мои комнаты. В подобном расположении духа, он раз пришел ко мне и, застав меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, приписал в нем:

Когда помигует нас Бог,
 Когда не буду я повешен,
 То буду я у ваших ног
 В тени украинских черешен.

В этот самый день я восхищалась чтением его «Цыган» в Тригорском и сказала: «Вам бы следовало однакож подарить мне экземпляр «Цыган» в воспоминание того, что вы их мне читали». Он прислал их в тот же день с надписью на обертке всеми буквами: «Ее превосходительству А. П. Керн от господина Пушкина, усердного ее почитателя. Трактир Демут № 10». Несколько дней спустя, он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.
Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло!
Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты,
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

Писавши эти строки и напевая их своим звучным голосом, он при стихах:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло

заметил смеясь: «Разумеется, с левой, потому что ехал назад!». Это посещение, как и многие другие, полно было шуток и поэтических разговоров.

В это время он очень усердно ухаживал за одною особою, к которой были написаны стихи:

Город пышный, город бедный!

и

Пред ней, задумавшись, стою.

Несмотря однакож на чувство, которое проглядывает в этих прелестных стихах, он никогда не говорил об ней с нежностью и однажды, рассуждая о маленьких ножках, сказал: «Вот, например, у ней вот какие маленькие ножки, да чорт ли в них?». В другой раз, разговаривая со мной, он сказал: «Сегодня Крылов просил, чтобы я написал что-нибудь в ее альбом». «А вы что сказали?» спросила я. «А я сказал: Ого!». В таком роде он часто выражался о предмете своих вздыханий. Когда Дельвиг с женой уехали в Харьков, я с отцом и сестрою перешла на их квартиру. Пушкин заходил к нам узнавать о них и раз поручил мне переслать стихи к Дельвигу, говоря: «Да смотрите, сами не читайте, и не заглядывайте». Я свято это исполнила и после узнала, что они состояли в следующем:

Как в ненастные дни собрались они,
 Часто
 Гнули, бог их прости, от пятидесяти
 На сто.
 И отписывали, и приписывали
 Мелом
 Так в ненастные дни занимались они
 Делом.

Эти стихи он написал у князя Голицына, во время карточной игры, мелом на рукаве. Пушкин очень любил карты и говорил, что это его единственная привязанность. Он был, как все игроки, суеверен, и раз, когда я попросила у него денег для одного бедного семейства, он, отдавая последние пятьдесят рублей, сказал: «Счастье ваше, что я вчера проиграл». По отъезде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартирку в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницею свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бросился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях. В эту зиму Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю лицейские товарищи его: Лангер, князь Эристов, Яковлев, Комовский и Илличевский ¹. Кроме этих, приходили на вечера

¹ Илличевский написал мне следующее послание;

Близ тебя, в восторге нем,
Пью отраду и веселье;
Без тебя я жадно ем
Фабрики твоей изделие.
Ты так сладостно мила!
Люди скажут: «Небылица,
«Чтоб тебя подчас могла
«Мне напоминать горчица».
Без горчицы всякий стол
Мне теперь сухояденье:
Честолюбцу льстит престол,
Мне ж — горчицницей владенье.

Подолинский, Щастный, молодые поэты, которых выслушивал и благословлял Дельвиг, как патриарх. Иногда также являлись Сергей Голицын и Мих. Ив. Глинка, гений музыки, добрый и любезный человек, как и свойственно гениальному существу. Тут кстати заметить, что Пушкин говорил часто: «Злы только дураки и дети». Несмотря однакож на это убеждение, и он бывал часто зол на словах, но всегда раскаивался. Так однажды, когда он мне сказал какую-то злую фразу, и я ему заметила: *Ce n'est pas bien de s'attaquer à une personne aussi inoffensive* — обезоруженный моею фразой, он искренно начал извиняться. В поступках он всегда был добр и великодушен. На вечера к Дельвигу являлся и Мицкевич. Вот кто был постоянно любезен и приятен! Какое бесподобное существо! Нам было всегда весело, когда он приезжал. Не помню, встречался ли он часто с Пушкиным, но знаю, что Пушкин и Дельвиг его уважали и любили. Да что мудреного? Он был так мягок, благодушен, так ласково приворовывался ко всякому, что все были от него в восторге. Часто он усаживался подле нас, рассказывал нам сказки, кото-

Но угодно так судьбе,
 Ни вдова ты, ни девица,
 И моя любовь к тебе
 После ужина горчица.

Он называл меня:

Сердец царца,
 Горчична мастерица!

Отец мой имел горчичную фабрику.

А. К.

рые он тут же сочинял, и был занимателен для всех и каждого. Сказки в нашем кружке были в моде, потому что многие из нас верили в чудесное, в привидения и любили все сверхъестественное. Среди таких бесед многие из тогдашних писателей читали свои произведения. Так, например, Щастный читал нам «Фариса», переведенного им тогда, и заслужил всеобщее одобрение. За этот перевод Дельвиг очень благоволил к нему, хотя вообще Щастный, как поэт, был гораздо ниже других второстепенных писателей. Среди этих последних видное место занимал Подолинский, и многими его стихами восхищался Пушкин. Особенно нравились ему следующие:

ПОРТРЕТ.

Когда, стройна и светлоока,
 Передо мной стоит она,
 Я мыслю: гурья пророка
 С небес на землю сведена.
 Коса и кудри темнорусы,
 Наряд небрежный и простой,
 И на груди роскошной бусы
 Роскошно зыблются порой.
 Весны и лета сочетание
 В живом огне ее очей
 Рождают негу и желанье
 В груди тоскующей моеи.

И окончание стихов под заглавием «К ней»:

Так ночью летнею младенца,
 Земли роскошной поселенца,
 Звезда манит издалека,
 Но он к ней тлится напрасно...
 Звезды златой, звезды прекрасной
 Не достигнет его рука.

Пушкин в эту зиму бывал часто мрачным, рассеянным и апатичным. В минуту рассеянности он напевал какой-нибудь стих и раз был очень забавен, когда повторял беспрестанно стих барона Розена:

Неумолимая, ты не хотела жить,

передразнивая его и голос, и выговор.

Зима прошла. Пушкин уехал в Москву, и хотя после женитьбы и возвратился в Петербург, но я не более пяти раз с ним встречалась. Когда я имела несчастье лишиться матери и была в очень затруднительном положении, то Пушкин приехал ко мне и, отыскивая мою квартиру, бегал со свойственною ему живостью по всем соседним дворам, пока, наконец, нашел меня. В этот приезд он употребил все свое красноречие, чтобы утешить меня, и я увидела его таким же, каким он бывал прежде. Он предлагал мне свою карету, чтобы съездить к одной даме, которая принимала во мне участие; ласкал мою маленькую дочь Ольгу, забавляясь, что она на вопрос: «Как тебя зовут?» отвечала: «Воля!» и вообще был так трогательно внимателен, что я забыла о своей печали и восхищалась им, как гением добра. Пусть этим словом окончатся мои воспоминания о великом поэте.

II. ДЕЛЬВИГ И ПУШКИН.

Письмо А. П. Марковой-Виноградской (Керн)
к П. В. Анненкову. («Пушкин и его совр.», V).

Вы не можете себе представить, как барон Дельвиг был любезен и приятен, особенно в семейном кружке, где я имела счастье его часто видеть. Вспо-

миная анекдот о Пушкине, где Александр Сергеевич сказал Прасковье Александровне Осиповой, в ответ на критику элегии «Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна!»: *J'espère qu'il est bien permis à moi et au baron Delvig de ne pas toujours avoir de l'esprit* ¹, — не могу не сравнить их мысленно и, припоминая теперь склад ума барона Дельвига, я нахожу, что Пушкин был не совсем прав; нахожу, что он был так опрометчив и самопадеян, что, несмотря на всю его гениальность — всем светом признанную и неоспоримую, он точно не всегда был благоразумен, а иногда даже не умен, — в таком же смысле, как и Фигаро восклицает: *Ah! qu' ils sont bêtes les gens d'esprit!* ². Дельвиг же, могу утвердительно сказать, был всегда умен. И как он был любезен! Я не встречала человека любезнее и приятнее его. Он так мило шутил, так остроумно, сохраняя серьезную физиономию, смешил, что нельзя не признать в нем истинный великобританский юмор.

Гостеприимный, великодушный, деликатный, изысканный, он умел осчастливить всех его окружающих. Хотя Дельвиг не был гениальным поэтом, но название поэтического существа вполне может соответствовать ему, как благороднейшему из людей.

Его поэзия, его песни — мелодия поэтической души. Помните романс его:

Прекрасный день, счастливый день!
И солнце, и любовь!

¹ «Надеюсь, что мне и барону Дельвигу позволительно быть не всегда остроумными».

² «Ах, как они глупы, эти умные люди!»

Пушкин говорил, что он этот романс прочел и почувствовал вполне в Одессе, куда ему его прислали. Он им восхищался с любовью, которую питал к другу-поэту. Он всегда с нежностью говорил о произведениях Дельвига и Баратынского. Дельвиг тоже нежно любил и Баратынского и его произведения. Тут кстати заметить, что Баратынский не ставил никаких знаков препинания, кроме запятых, в своих произведениях и до того был педаделк в грамматике, что однажды спросил у Дельвига в серьезном разговоре: «Что ты называешь родительным падежом?» Баратынский присылал Дельвигу свои стихи для напечатания, а тот всегда поручал жене своей их переписывать; а когда она спрашивала, много ли ей писать, то он говорил: «Пиши только до точки»,—точки нигде не было и даже в конце пьесы стояла запятая!

Мне кажется, Дельвиг был одним из лучших, примечательнейших людей своего времени и если имел недостатки, то они были недостатками эпохи и общества, в котором он жил. Лучший из друзей, уж, конечно, он был и лучшим из мужей. Я никогда его не видала скучным или неприятным, слабым или неровным. Один упрек только сознательно ему можно сделать—это за лень, которая мешала ему работать на пользу людей. Эта же лень делала его удивительно снисходительным к слугам своим, которые могли быть всем, что им угодно: и грубыми, и пренебрежительными; он на них рукой махнул, и если б они вздумали на головах ходить, я думаю он бы улыбнулся и сказал бы свое обычное «За-

бавно»! Он так мило, так оригинально произносил это «забавно», что весело вспомнить. И замечательно, что иногда он это произносил, когда вовсе не было забавно. Я с ним и его женою познакомилась у Пушкиных, и мы одно время жили в одном доме; это нас так сблизило, что Дельви́г дал мне раз (от лениности вполне произносить мое имя или фамилию) название 2-й жены, которое за мной и осталось. Вот как это случилось: мы ездили вместе смотреть какого-то фокусника. Входя к нему, он, указывая на свою жену, сказал: «Это жена моя»; потом, рекомендуя в шутку меня и сестру мою проговорил: «Это вторая, а это третья». У меня была книга (затеряна теперь), кажется «Стихотворения Баратынского», которые он издавал; он мне ее прислал с надписью: «Жене № 2-й от мужа безномерного Б. Дельви́га». Он очень радушно встречал обычных своих посетителей и—всем было хорошо близ него. *On était si à son aise près de lui! on se sentait si protégé!*¹ ... У меня были «Северные цветы» за все почти годы с надписью бароново́й руки.

В Альбоме моем (сделанном для портрета Веневитинова и подаренном мне его приятелем Хомяковым после его смерти) Дельви́г написал мне свои стихи к Веневитинову: «Дева и Роза». Я уже говорила Вам, что в это время я занимала маленькую квартиру во дворе (в доме, бывшем Кувшинни-

¹ «При нем чувствовали себя так хорошо! Под такой защитой!»

кова, тогда уже и теперь еще Алферовского). В этом доме, в квартире Дельвига, мы, вместе с Александром Сергеевичем, имели поручения от его матери, Надежды Осиповны, принять и благословить образом и хлебом новобрачных Павлицева и сестру Пушкина Ольгу. Надежда Осиповна мне сказала, отпуская меня туда в своей карете: «Remplacez moi, chère amie! Ici je vous confie cette image pour bénir ma fille en mon nom» ¹. Я с гордостью приняла это поручение и с умилением его исполнила. Дорогой Александр Сергеевич, грустный, как всегда бывают люди в важных случаях жизни, сказал мне, шутя: «Voilà pour tant la première fois que nous sommes seuls—vous et moi». — «Et nous avons bien froid, n'est ce pas? — «Oui, vous avez raison, il fait bien froid: 27 degrés» ², а, сказав это, закутался в свой плащ, прижался в угол кареты, — и ни слова больше мы не сказали до самой временной квартиры новобрачных. Там мы долго прождали молодых, молча прогуливаясь по освещенным комнатам, тоже весьма холодным, отчего я, несмотря на важность лица, мною представляемого (посаженной матери), оставалась, как ехала — в кацавейке; и это подало повод Пушкину сказать, что я похожа на царицу Ольгу. Несмотря на озабоченность, Пушкин и в этот раз был очень нежен, ласков со мною... Я заметила в этом и еще в не-

¹ «Замените меня, дорогой друг, я доверяю вам этот образ для благословения от моего имени моей дочери».

² «Однако, мы в первый раз остаемся наедине. — И нам очень холодно, не правда ли? — Да, вы правы, очень холодно — 27 градусов».

скольких других случаях, что в нем было до чрезвычайности развито чувство благодарности: самая малейшая услуга ему или кому-нибудь из его близких трогала его несказанно. Так, я помню однажды потом батюшка мой, разговаривая с ним на этой же квартире Дельвига, коснулся этого события, т.-е., свадьбы его сестры, мною нежно любимой, и сказал ему, указывая на меня: «А эта дура в одной рубашке побежала туда через форточку». В это время Пушкин сидел рядом с отцом моим на диване, против меня, поджавши по своему обыкновению ноги и ничего не отвечая, быстро схватил мою руку и крепко поцеловал: красноречивый протест против шуточного обвинения сердечного порыва! Помню еще одну особенность в его характере, которая, думаю, была вредна ему: думаю, что он был более способен увлечься блеском, заняться кокетливым старанием ему нравиться, чем истинным, глубоким чувством любви. Это была в нем дань веку, если не ошибаюсь; иначе истолковать себе не умею! *Un bon mot, la gaieté vive* ¹, всегда ему нравились. Он мне однажды сказал,—да, тогда именно, когда я ему сказала, что нехорошо меня обижать,—*moi, qui suis si inoffensive* ²; выражение ему понравилось, и он простил мне выговор, повторяя: „*C'est réellement cela, vous êtes si inoffensive* ³, и потом сказал: «Да с вами и невесело ссориться; *voilà votre cousine*

¹ Острое слово, живая реплика.

² «Ведь я так безобидна».

³ «Это действительно так — Вы безобидны».

c'est toute autre chose; et cela fait plaisir, on trouve à qui parler»¹. Причина такого направления — слишком невысокое понятие о женщине: опять-таки, несмотря на всю его гениальность, печать века. Сестра моя сказала ему однажды: «Здравствуй, Бес!»! Он ее за то назвал божеством в очень милой записке. Любезность, остроумное замечание женщины всегда способны были его развеселить. Однажды он пришел к нам и сидел у одного окна с книгой, я — у другого; он подсел ко мне и начал говорить мне нежности à propos de bottes² и просить ручку, говоря: «C'est si satin»³; я ему отвечала «Satan»⁴, а сестра сказала, шутя: «Не понимаю, как вы можете в чем-нибудь ему отказать!» Он от этой фразы пришел в восторг и бросился перед нею на колени в знак благодарности. Вошедший в эту патетическую минуту брат Алексей Николаевич Вульф аплодировал ему от всего сердца. И однакож он однажды мне говорил, ксати о женщине, которая его обожала и терпеливо переносила его равнодушие: «Rien de plus insipide que la patience et la résignation»⁵.

Приятно жилось в это время. Баронесса приходила ко мне по утрам: она держала корректуру «Северных цветов». Мы иногда вместе подшучивали

¹ «Вот ваша кузина другое дело; и это хорошо — есть, с кем разговаривать».

² Без всякого повода.

³ «Она такая шелковая».

⁴ Сатана (игра слов: satin, satan).

⁵ «Нет ничего бессмысленнее терпения и смирения».

над бедным Сомовым, переменяя заглавия у стихов Пушкина, напр.: «Кобылица молодая» мы поставили «Мадригал такой-то»... Шикто не сердился, а всем было весело. Потом мы занимались итальянским языком, а к обеду являлись к мужу. Дельви́г занимался в маленьком полусветлом кабинете, где и случилось несчастье с песнями Беранже, внушившее эти стихи:

Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уделел;
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел (bis).

Эти стихи, в числе прочих, пелись хором по вечерам. Пока барон был в Харькове, мы переписывались с его женою, и она мне прислала из Курска экспромт барона:

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе ¹, даме Керне!

Я вспомнила еще стихи, сообщенные мне женою барона Дельвига и сложенные когда-то вместе с Баратынским:

Там, где Семеновский полк,
В пятой роте, в домике низком
Жил поэт Баратынский
С Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
В лавочку были должны, дома обедали редко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,

¹ Сестра А. П. Керн — Елизавета.

Шли они в дождик пешком
 В панталонах трикотовых тонких,
 Руки спрятав в карман (перчаток они не имели),
 Шли и твердили шутя: какое в Р о с с и я н а х чувство!

А вот еще стихи барона: пародия на «Смаль-гольмского барона», переведенного Жуковским:

До рассвета поднявшись, извозчика взял
 Александр Ефимыч с Песков
 И без отдыха гнал от Песков чрез канал
 В желтый дом, где живет Бирюков¹.....

Вскоре после того, как мы читали эту прекрасную пародию, барон ехал куда-то в санках через Конную площадь; подъезжая к будке, он сказал очень серьезно: «Вот, на самом этом месте соскочил с саней Александр Ефимыч с Песков, и у этой самой будки он крикнул Бориса Федорова». Мы очень смелись этому точному указанию исторической местности. Он всегда шутил очень серьезно, а когда повторял любимое свое слово «забавно», это значило, что речь идет о чем-нибудь совсем не забавном, а или грустном, или же досадном для него. Мне очень памятна его манера серьезно шутить, между прочим по следующему случаю: один молодой человек преследовал нас с Софьей Михайловной² насмешками за то, что мы смеемся, повторяя часто фразу из романа Поль де-Кока, которая ему вовсе

¹ Мы опускаем дальнейший текст пародии, приведенной А. П. Керн на память с пропусками и ошибками, в виду общеизвестной исправной редакции, напечатанной в сочинениях Дельвига (СПб., 1893, стр. 63).

² Жена Дельвига.

не казалась так смешною. Нам стоило только повторить эту фразу, чтоб неудержимо, долго хохотать. Эта фраза была одного бедного молодого человека (разбогатевшего потом) и взята из романа *La maïson Blanche* ¹. Молодой человек в затруднении перед балом, куда приглашен школьным товарищем, знатным молодым человеком: весь его туалет собран в полном комплекте, недостает только шелковых чулок, без которых невозможно обойтись; у него были одни, почти новые, да он ими ссудил свою возлюбленную гризетку, швею в модном магазине. Она пришла на помощь, чтобы завить волосы своему приятелю, но, увы, относительно чулок объявила, что чулки эти, данные ей взаймы, она тоже дала взаймы своей подруге, которая в свою очередь ссудила ими своего друга, а друг этот награжден от природы огромнейшими *mollets* ² и потому, надев их раз, так изувечил, что они больше никому не могут годиться. Она кончила свою речь философическим замечанием своему *Robineau*: «*Est ce qu' on a jamais eu un amant, qui vous redemande ce qu' il vous a prêté?*» ³. На это г-н Робино возразил комическим тоном, чуть не плача: «*Quand on n' a que quinze cent livres de rente, on ne nage pas dans les bas de soie!*» ⁴

¹ Белый дом.

² Икры.

³ «Был ли когда-либо возлюбленный, который бы спрашивал у вас то, что он вам занял?»

⁴ «Когда у человека всего полторы тысячи доходов, трудно плавать в шелковых чулках».

Не мы одни с баронессою находили юмор в этой жалостливой фразе, и из наших знакомых один только помянутый выше молодой человек не видел в ней смешного. Раз он резко выразил свое удивление, что мы так долго смеемся совсем не смешному. Мы сидели в это время за обедом, и барон Дельвиг, стоя за столом в своем малиновом шелковом шлафроке и разливая по обыкновению суп, сказал: «Я с тобой согласен, мой милый, je ne page pas dans les bas de soie ¹: совсем не смешно, а жалко!»

Никогда не забуду его саркастической улыбки и забавной интонации голоса при слове «жалко!»

Разбирая свои старые бумаги и письма, я нашла очень интересные записки: одну—собственноручную барона Дельвига, о деле касательно моих интересов, которая начинается так: «Милая жена, очень трудно давать советы; спекуляция Петра Марковича ² может удасться или же нет; и в том и другом случае будете раскаиваться (если отдадите именно). Повинуйтесь сердцу,—это лучший совет мой»....

Записка его жены, в год женитьбы Александра Сергеевича—именно в тот год, когда мы ездили на Иматру, и я с ними провела лето в Колтовской, у Крестовского перевоза. Я уехала в город прежде их, когда мне представился случай достать выгодную квартиру. Вскоре, кажется в конце августа, она мне писала: «Léon est parti hier, Александр Сергеевич

¹ Я не плаваю в шелковых чулках.

² Отец А. П. Керн.

est arrivé avant hier. Il est, dit on, plus amoureux que jamais. Cependant il ne parle presque pas d'elle. Il a cité hier une phrase (de m-me de Willois, je crois) que disait à son fils: «Ne parlez de vous qu' au roi et de votre femme à personne, car on risque toujours d' en parler à quelqu' un qui la connaît mieux que vous... La noce se fera au septembre» ¹. Действительно, в этот приезд Пушкин казался совершенно другим человеком: он был серьезен, важен, как следовало человеку с душою, принимавшему на себя обязанность осчастливить другое существо...

Таким точно я его видела потом в другие разы, что мне случалось его встретить с женою или без жены. С нею я его видела два раза. В первый это было в другой год, кажется после женитьбы. Прасковья Александровна (Осипова) была в Петербурге и у меня остановилась: они вместе приезжали к ней с визитом в открытой колясочке, без человека. Пушкин казался очень весел, вошел быстро и подвел жену ко мне прежде (Прасковья Александровна была уже с нею знакома, я же ее видела только раз у Ольги ² одну). Уходя, он побежал вперед и сел прежде ее в экипаж; она заметила шутя, что это

¹ «Левушка уехал вчера. Александр Сергеевич приехал третьего дня. Он, говорят, влюблен, как никогда. А между тем, он почти не говорит о ней. Он привел вчера фразу (кажется, из г-жи де Виллуа), говорившей своему сыну: «О себе говорите только королю, а о жене своей никому, ибо вы рискуете всегда говорить о ней человеку, знающему ее лучше вашего... Свадьба состоится в сентябре».

² У сестры Пушкина О. С. Павлицевой.

он сделал оттого, что он муж. Потом я его встретила с женою у матери, которая начинала хворать: Наталья Николаевна сидела в креслах у постели больной и рассказывала о светских удовольствиях, а Пушкин, стоя за ее креслом, разводил руками, сказал шутя: «Это последние штуки Натальи Николаевны: посылаю ее в деревню». Она, однако, не поехала, кажется потому, что в ту же зиму Надежде Осиповне сделалось хуже, и я его раз встретила у родителей одного. Это было раз во время обеда, в четыре часа. Старики потчевали его то тем, то другим из кушаньев, но он от всего отказывался и, восхищаясь аппетитом батюшки, улыбнулся, когда отец сказал ему и мне, предлагая гуся с кислую капустою: «C'est un plat écossais» ¹, заметив при этом, что он никогда ничего не ест до обеда, а обедает в шесть часов. Потом я его еще раз встретила с женою у родителей, не задолго до смерти матери ², и когда она уже не вставала с постели, которая стояла посреди комнаты, головами к окнам; они сидели рядом на маленьком диване у стены, и Надежда Осиповна смотрела на них ласково, с любовью, а Александр Сергеевич держал в руке конец боа своей жены и тихонько гладил его, как будто тем выражая ласку к жене и ласку к матери. Он при этом ничего не говорил... Наталья Николаевна была в папильотках: это было перед балом. Я уверена, что он был добрым мужем, хотя и говорил

¹ «Это шотландское блюдо».

² Н. О. Пушкина умерла 29 марта 1836 г.

однажды, шутя, Анне Николаевне (Вульф), которая его поздравляла с неожиданною в нем способностью вести себя, как прилично любящему мужу: «*Ce n'est que de l'hyprocrisie*»¹. Вот еще выражение века: непременно, во что бы то ни стало, казаться хуже, чем он был.... В этом по питам за ним следовал и Лев Сергеевич.

Я теперь опять обращаюсь к Дельвигу, припоминая все это время. Как он был добр ко всем и ласков к родным, друзьям и даже только знакомым! Вскоре после возвращения из Харькова он или написал к себе, или сам привез,—не помню,—двух своих маленьких братьев, 4-х и 8-ми лет. Старшего, Александра, он называл классиком, меньшого, Ивана—романтиком и таким образом представил их однажды вечером Пушкину. Александр Сергеевич нежно, внимательно их рассматривал и ласкал, при чем барон объявил ему, что меньшей уже сочинил стихи. Александр Сергеевич пожелал их услышать, и маленький Дельвиг, не конфузясь ни мало и не гордясь своей ролью, медленно и вятно произнес, положив свои ручонки в обе руки Александра Сергеевича:

Индиянди, Индиянди, Индия!
Индиянди, Индиянди, Индия!

Александр Сергеевич погладил его по голове, поцеловал и сказал, что он точно романтик. Где-то он теперь? Как бы мне хотелось на них взглянуть! Вспоминая о Дельвиге, я невольно припоминаю еще многое о Пушкине и, разбирая записки Дельвига,

¹ Это только лицемерие.

сохранившиеся у меня, нашла еще несколько записок Пушкина. Это относится к тому времени, когда он узнал о смерти моей матери и о тесных обстоятельствах, вследствие которых одна дама, принимавшая во мне большое участие (а именно Елизавета Михайловна Хитрово) перенесывалась со мною, хлопотала о том, чтобы мне возвратилось именно, проданное моим отцом графу Шереметеву. Я интересовалась этим именем по воспоминаниям моего счастливого детства, хотя и в финансовом отношении оно не могло быть неинтересно, потому что иметь что-нибудь или не иметь ничего все-таки составляет громадную разницу.

Не воздержусь умолчать об одном обстоятельстве, которое навело меня на эту мысль выкупить без денег свое проданное имение. Однажды утром ко мне явился гвардейский солдат. «Не узнаете меня, Ваше Превосходительство»,—сказал он, поклонившись в пояс. «Извини, голубчик, не узнаю тебя, припомни мне, где я тебя видела».—«А я из вашей вотчины, Ваше Превосходительство, я помню вас, как вы изволили из ваших ручек потчевать водкой отца моего, я жил тогда в нашей чистой избе, а в другой, чистой же, ваш Батюшка и Матушка».—«Помню, помню, мой милый»,—сказала я (хотя вовсе его то самого не помнила). Так ты пришел со мною повидаться, — это очень приятно!». — «Да кроме того»,—сказал он, — я пришел просить вас, нельзя ли вам, Матушка, откупить нас опять к себе; мне пишут мои старики: сходил бы ты к нашей прежней госпоже, к генеральше такой-то, да сказал бы ей, что вот, дескать, мы бы рады-ра-

дешеньки ей опять принадлежать, что по ревизии теперь в двух селениях прибавилось много против прежнего,— что мы и теперь помним, как благоденствовали у Дедушки их, у Матушки и у них самих потом; скажи ей, что мы даже согласны графу Шереметеву внести половинную цену за имя и сами на свой счет выстроим ей домик, коли вы согласны нас у него откупить опять».

Это предложение было так трогательно и вместе так соблазнительно, что я решилась его сообщить Елизавете Михайловне Хитровой вскоре после кончины матери моей, и она, по доброте своей, взялась хлопотать.

Вот первая записка ее:

«J'ai reçu hier matin votre bonne lettre, Madame, j'aurais été de suite vous voir sans une grave indisposition de ma fille. Si vous êtes libre de venir demain à midi, je vous recevrai avec bien de la joie.

El. Nitroff» ¹.

Вследствие этой-то записки Александр Сергеевич приехал ко мне в своей карете и в ней меня отправил к Хитровой.

2-я записка Хитровой написана рукой Александра Сергеевича. Вот она:

«Chère Madame Kern, notre jeune a la rougeole et il n'y a pas moyen de lui parler; dès que ma fille

¹ «Я получила вчера утром Ваше милое письмо, сударыня, и я бы немедленно отправилась к Вам, если бы не серьезное недоровье моей дочери. Если Вы были бы свободны завтра в полдень, я бы с радостью приняла Вас».

sera mieux, j'irai vous embrasser»; а ее рукой — El. Nitroff. Опять рукой Александра Сергеевича:— «Ma plume est si mauvaise que Madame Nitroff..... s'en servir et que c'est moi qui ai l'avantage d'être son secrétaire» ¹.

А.

Следует еще одна записочка от Елизаветы Михайловны Хитровой (ее рукой): „Voici, ma très chère, une lettre de Che(remete)ff — dites-moi, ce qu'elle contient. J'allais vous la porter moi-même, mais j'ai un vrai malheur, car voilà qu'il pleut.

Е. Nitroff» ².

Потом за нею еще рукою Александра Сергеевича предпоследняя об этом неудавшемся деле:

«Voici la réponse de Ch (eremete)ff. Je désire qu'elle vous soit agréable. M-me Nitroff a fait ce qu'elle a pu. Adieu, belle dame, soyez tranquille et contente et croyez à mon dévouement» ³.

¹ «Дорогая Госпожа Керн, у дочери корь и нет возможности повидаться с ней; как только ей будет лучше, я приеду расцеловать Вас». Е. Хитрово. — «Перо это так дурно, что г-жа Хитрово... не в состоянии им пользоваться и я имею преимущество быть ее секретарем».

² Вот, дорогая, письмо Шереметева, — Вы мне расскажете, что он Вам пишет. Я хотела завести его Вам сама, но на беду пошел дождь.

Е. Хитрово».

³ «Вот ответ Шереметева. Желаю, чтобы он был Вам приятен. Г-жа Хитрово сделала все, что могла. Прощайте, прекрасная дама, будьте спокойны и довольны и верьте моей преданности».

Самая последняя была уже в слишком шуточном роде, — я на нее подосадовала и тогда же уничтожила. Когда оказалось, что ничего не могло втолковать доброго господина, от которого зависело дело, он писал мне (между прочим):

«*Quand vous n'avez rien pu obtenir, vous, qui êtes une jolie femme, qu'y pourrai-je faire — moi, qui ne suis pas même joli garçon... Tout ce que je puis conseiller c'est de revenir à la charge etc. etc... et puis jouant sur le dernier mot*»...¹.

Меня это огорчило, и я разорвала эту записку. Больше мы не переписывались и виделись уже очень редко, кроме визита единственного им с женою Прасковье Александровне (Осиповой). Этой последней вздумалось состроить *partie fine*², и мы обедали все вместе у Дюме, а угощал нас Александр Сергеевич и ее сын Алексей Николаевич Вульф. Пушкин был любезен за этим обедом, острял довольно зло, и я не помню ничего особенно замечательного в его разговоре. Осталось только в памяти одно его интересное суждение. Тогда только-что вышли повести (Н. Ф.) Павлова, я их прочла с большим удовольствием, особенно «Ятаган». Брат Алексей Николаевич сказал, что он в них не находит ровно никакого интересного достоинства. Пушкин сказал: *Entendons-nous*. Я начал их читать и до тех пор не оставил

¹ Раз Вы, красивая женщина, ничего не могли достигнуть, что смогу сделать я, не будучи даже красивой женщиной... Все, что я могу посоветовать, это вернуться к обязанностям и проч. — и затем играя на последнем слове...

² Тонкий ужин.

пока не кончил. Они читаются с большим удовольствием».

Теперь я себе припомнила несколько его суждений о романах: он очень любил Бульвера, цитировал некоторые фразы из «Пельгама» в то время, когда его читал. Еще я помню (это было во время моего пребывания в одном доме с бароном Дельвигом): тогда только-что вышел во французском переводе роман Мандони «I promessi sposi» («Les fiancés») ¹; он говорил о них: *Je n'ai jamais lu rien de plus joli* ².

Возвратимся к обеду у Дюме. За десертом («les 4 mendians») ³, г-н Дюме, воображая, что этот обед и в самом деле *une partie fine*, вошел в нашу комнату *un peu cavalièrement* ⁴ и спросил: «*Comment cela va ici*» ⁵; у Пушкина и Алексея Николаевича немножко вытянулось лицо от неожиданной любезности француза, и он сам, увидя чинность общества и дам в особенности, нашел, что его возглас и явление были не совсем приличны, и удалился. Вероятно, в прежние годы Пушкину случалось у него обедать и не совсем в таком обществе. Барон Дельвиг очень любил такие эксцентрические проделки. Не помню во все время нашего знакомства, чтобы он когда-нибудь один с женою бывал на балах или танцевальных вечерах, но очень любил собрать несколько близко знакомых ему приятных особ и вздумать

¹ «Обрученные».

² «Я никогда не читал ничего прекраснее».

³ «4 нищих».

⁴ С некоторой развязностью.

⁵ «Как идут дела?»

поездку за город или катанье без церемонии, или даже ужин дома с хорошим вином, чтобы посмотреть, как оно на нас, ничего не пьющих, подействует. Он однажды сочинил катанье в Красный Кабачок вечером, на вафли. Мы там нашли тогда пустую залу, и бедную арфянку, которая, вероятно, была очень счастлива от фантазии барона. В катанье участвовали только его братья, кажется, — Сомов, неизбежный, никогда недокучливый собеседник и усердный его сотрудник по «Северным Цветам», я да брат, Алексей Вульф. Катанье было очень удачно, потому что вряд можно было бы выбрать лучшую зимнюю ночь — и лунную, и не слишком холодную. Я заметила, что добрым людям всегда такие вещи удаются, оттого, что всякое их действие происходит от избытка сердечной доброты. Он, кроме прелести неожиданных удовольствий без приготовлений, любил в них и хорошее вино, оживляющее беседу, и вкусный стол; от этого он не любил обедать у стариков Пушкиных, которые не были гастрономы, и в этом случае он был одного мнения с Александром Сергеевичем. Вот по случаю обеда у них, что раз Дельвиг писал Пушкину:

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых, —
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

Вот все, что осталось в моей памяти в добавление к тому, что вам уже сообщила прежде. При этом присоединяю некоторые записки: может они понадобятся Вам.

ЦЫГАНКА ТАНЯ.

О ПУШКИНЕ И ЯЗЫКОВЕ ¹.

В Москве, в одном из переулков Бронной, в углу убогого деревянного флигеля доживает свои дни 65-летняя, невысокая и глухая старушка, с еще не совсем седыми волосами и большими черными, сохранившими еще необыкновенный блеск, глазами. У ног этой старушки (в буквальном смысле слова) лежал когда-то влюбленный поэт Языков; эту старушку воспевал он вдохновенными стихами:

Где же ты,
Как поделуи насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?..
Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Об'ятыми восторга встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный,
Поэзия московского житья!

Песни этой старушки доводили когда-то Пушкина до истерических рыданий... Зовут ее и поныне прежним, когда-то знаменитым по всей Москве именем

¹ Впервые напечатано за подписью В. П. в № 131 «С.-Петерб. Вед.» 15 мая 1875 года. Цыганка Таня умерла два года спустя. Перепечатано в «Собрании сочинений» Б. М. Маркевича, М., 1912, т. XI, 126 — 135.

Тани. «Бабуся», или просто «баба», прибавляют к этому имени нынешние певчие цыганские птички, из которых далеко не все помнят ее... Не умирает она с голоду, впрочем, благодаря маленькой пенсии, выдаваемой ей княгиней Голицыной, — единоплеменницею ее...

Пишущий эти строки познакомился с «Бабой Таней» у одной из жилищ того дома, в котором проживает она. Старушка хотя совершенно глуха, но как-то чрезвычайно понятлива, догадывается, или читает по движению губ вопрошающего, — во всяком случае, на повторенный два или три раза вопрос, за которым следит она с напряженным вниманием своих провидительных глаз, она как-то порывисто, как бы ужасно обрадовавшись, начинает вдруг отвечать, лицо оживает чрезвычайно милою, добродушною улыбкою, и воспоминания счастливого прошлого льются уже неиссякаемой струей из поблеклых морщинистых ее уст.

«Поздно уже было, час двенадцатый, и все мы собирались спать ложиться, как вдруг к нам в ворота постучались, — жили мы тогда с Лукерьей и Александрой да с дядей моим Антоном на Садовой, в доме Чухина. Бежит ко мне Лукерья, кричит: — «Ступай, Таня, гости приехали, слушать хотят». Я только косу расплела и повязала голову белым платком. Такой и выскочила. А в зале у нас четверо приехало, — трое знакомых (потому наш хор очень любили и много к нам езжало). Голохвастов Александр Войнович, Протасьев-господин и Павел Иванович Нащокин¹, —

¹ В отчествах ошибка: Павел Войнович Нащокин.

очень был влюблен в Ольгу, которая в нашем же хоре пела. А с ним еще один, небольшой ростом, губы толстые и кудлатый такой... И только он меня увидел, так и помер со смеху, зубы то белые, большие, так и сверкают. Показывает на меня господам: «Поваренок, кричит, поваренок!» А на мне, точно, платье красное ситцевое было, и платок белый на голове, колпаком, как у поваров. Засмеялась и я, только он мне очень некрасив показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: «Дыка, дыка, на не лачо, тако вашескери!» Гляди, значит, гляди, как не хорош, точно обезьяна! Они так и залились. А он приставать: «Что ты сказала, что ты сказала?»—Ничего, говорю; сказала, что вы надо мною смеетесь, поваренком зовете». А Павел Войнович Нащокин говорит ему: «А вот, Пушкин, послушай, как этот поваренок поет!»... А наши все в это время собрались; весь-то наш хор был небольшой, всего семь человек, только голоса отличные были,— у дяди Александра такой тенор был, что другого такого я уж в жизнь больше не слыхивала. Романсов мы тогда мало пели, все больше русские песни, народные. Стеша, покойница, — было мне всего 14 лет, когда померла она, — так та, бывало, как запоет: «Не бушуйте вы, ветры буйные», или «Ах, матушка, голова болит», без слез слушать ее никто не мог, даже итальянская певица была, Каталани, так и та заплакала. Однако, когда я уже петь начала, были в моде сочиненные романсы. И главный был у меня: «Друг милый, друг милый, с далека поспеши». Как я его пропела, Пушкин с лежанки скок — он, как

приехал, так и взобрался на лежанку, потому на дворе холодно было, — и ко мне. Кричит: «Радость ты моя, радость моя, извини, что я тебя поваренком назвал, ты бесценная прелесть, не поваренок!»

И стал он с тех пор к нам часто ездить, один даже частенько ездил и как ему вздумается, вечером а то утром приедет. И все мною одною занимается, петь заставит, а то просто так болтать начнет, и помирает он, хохочет, по-цыгански учится. А мы все читали, как он в стихах цыган кочевых описал. И я много помнила наизусть и раз прочла ему оттуда и говорю: «Как это вы хорошо про нашу сестру, цыганку, написали!» А он опять в смех: «Я, говорит, на тебя новую поэму сочиню!» А это утром было, на масленице, и мороз опять лютый, и он опять на лежанку взобрался. «Хорошо, говорит, тут, — тепло, только есть хочется». А я ему говорю: «Тут, говорю, по близости харчевня одна есть, отличные блины там пекут, — хотите, пошлю за блинами?» Он с первого раза побрезгал, поморщился. «Харчевня, говорит, грязь». «Чисто, будьте благонадежны, говорю, сама не стала бы есть». — «Ну, хорошо, посылай», — вынул он две красненькие, — «да вели кстати бутылку шампанского купить». Дядя побежал, все в минуту спроворил, принес блинов, бутылку. Сбежались подружки, и стал нас Пушкин потчевать: на лежанке сидит, на коленях тарелка с блинами, — смешной такой, ест да похваливает: «Нигде, говорит, таких вкусных блинов не едал», шампанское разливает нам по стаканам... Только в это время в приходе к вечерне зазвонили. Он как схватится с лежанки: «Ахти мне,

кричит, радость моя, из-за тебя забыл, что меня жид-кредитор ждет!» (Схватил шляпу и выбежал как сумасшедший. А я Ольге стала хвалиться, что Пушкин на меня поэму хочет сочинить. Ей очень завидно стало. «Я, говорит, скажу Нащокину, чтобы он просил его не на тебя, а на меня беспременно написать». Нащокин пропал в ту пору из-за нее, из-за Ольги. Красавица она была и втора чудесная. Только она на любовь с ним не соглашалась, потому у ней свой предмет был, — казак гвардейский, Орлов, богачейший человек; от него ребеночек у нее был. А отец его, как узнал, что он с цыганкой живет, вытребовал его домой, на Дон, из гвардии перевел. Он оттуда Оле жалкие письма писал, и на сыночка по две тысячи рублей посылал ей каждый год, а уехать с Дона — боялся отца. Нащокина же дела очень плохи были, и Пушкин смеялся над ним: «Ты, говорит, возьми коромысло, два ведра молока нацепи на него и ступай к своей Ольге под окно; авось она над тобой сжалится». А Нащокин очень нашелся ему ответить на это: «Тебе, говорит, легко смеяться, напишешь двадцать стихов, столько же золотых тебе в руки, — а мне какво? Действительно, говорит, одно остается, — нацепить себе ведра на плечи»).

Однако тут он в скорости поправился как-то, и Ольга, также не дождавшись Орлова, склонилась к нему и переехала жить с ним на Садовую. Жили они там очень хорошо, в довольстве, и Пушкин, как только в Москву придет, так сидьмя у них сидит, а брат его, Лев Сергеевич, так тот постоянно и

останавливался у них на квартире. Я часто к ним хаживала, меня все они очень ласкали и баловали за мой голос, — да и смирна я была всегда, обижать-то меня будто никто и не решался, не за что было!..

— В каких же годах происходило все это? — спросили старушку.

— А вот считайте: мне теперь шестьдесят пятый год пошел, а тогда двадцатый минул, значит, сорок пять лет назад будет; так я говорю?

— Так. В 1830 году, выходит, поэтому?

— Должно быть так! Тут еще вскоре холера первая сделалась; не дай бог, что за время было, — вспомнить страшно!.. К зиме все прошло, опять стали мы петь, и опять Пушкин в Москву приехал, — только реже стал езжать к нам в хор. Однако, нередко я видала его попрежнему у Павла Войновича и Ольги. Стал он будто скучноватый, а все же, попрежнему, вдруг оскалит свои большие белые зубы да как примется вдруг хохотать. Иной раз даже испугает просто, право!

Тут узнала я, что он жениться собирается на красавице, сказывали, на Гончаровой. Ну, и хорошо, подумала, господин он добрый, ласковый, дай ему бог совет да любовь! И не чаяла я его до свадьбы видеть, потому, говорили, все он у невесты сидит, очень в нее влюблен.

Только раз, вечером, — аккурат два дня до его свадьбы оставалось, — зашла я к Нащокину с Ольгой. Не успели мы и поздороваться, как под крыльцо сани подкатили, и в сени вошел Пушкин. Увидал меня из сеней и кричит: «Ах, радость моя, как я рад тебе,

здорово, моя бесценная!» — поцеловал меня в щеку и уселся на софу. Сел и задумался, да так, будто тяжело, голову на руку опер, глядит на меня: «Спой мне», — говорит, «Таня, что нибудь на счастье; слышала, может-быть, я женюсь?» — «Как не слышать, говорю, дай вам Бог, Александр Сергеевич!» — «Ну, спой мне, спой!» — Давай говорю, Оля, гитару, споем барину!... Она принесла гитару, стала я подбирать, да и думаю, что мне спеть... Только на сердце у меня у самой невесело было в ту пору; потому у меня был свой предмет, — женатый был он человек, и жена увезла его от меня, в деревне заставила на всю зиму с собой жить, — и очень тосковала я от него. И, думая об этом, запела я Пушкину песню, — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мне ее теперича петь, потому она будто, сказывают, не к добру:

Ах, матушка, что так в поле пыльно?
 Государыня, что так пыльно?
 Кони разыгрались... А чьи-то кони, чьи-то кони?
 Кони Александра Сергеевича...

Пою я эту песню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосом то же передаю, и уж как быть, не знаю, глаз от струн не подыму... Как вдруг слышу, громко зарыдал Пушкин. Подняла я глаза, а он рукой за голову схватился, как ребенок плачет... Кинулся к нему Павел Войнович: — «Что с тобой, что с тобой, Пушкин?» — «Ах, говорит, эта ее песня всю мне внутрь перевернула, она мне не радость, а

большую потерю предвещает!..». И не долго он после того оставался тут, уехал, ни с кем не простился.

— И что же, баба, виделась ты с ним после того?

Раз, — раз всего потом довелось мне его видеть. Месяц, а может и больше, после его свадьбы, пошла я как-то утром к Иверской, а оттуда в город, по площади пробираюсь. Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-то мне из кареты кричит: «Радость моя, Таня, здорово!» Обернулась я, а это Пушкин, окно спустил, высунулся в него сам и оттуда мне ручкой поцелуй посылает... А подле него красавица писаная — жена сидит, голубая на ней шуба бархатная, — глядит на меня, улыбается. Уж и не знаю, право, что она об этом подумала, только очень конфузно показалось мне это в ту пору... — Старушка рассмеялась, будто просияв вся от того воспоминания...

— Ну, а с Языковым как ты познакомилась?

— С Языковым? А познакомилась я с ним в самый день свадьбы Пушкина. Сидела я в тот день у Ольги. Вечером вернулся Павел Войнович, и с ним этот самый Языков. Белокурый был он, толстенький и недурной. Они там на свадьбе много выпили, и он совсем как не в своем уме был. Как увидал меня, стал мне в любви объясняться. Я смеюсь, а он еще хуже пристаёт; в ноги мне повалился, голову на колени мне уронил, плачет: «Я, говорит, на тебе женюсь. Пушкин на красавице женился, и я ему не уступлю, Фараонка, — такой смешной он был. — «Фараонка ты мол», — говорит. — «Так с первого раза

увидали, и жениться уже хотите?» — смеюсь я ему опять. А он мне на это: — «Я тебя так давно знаю, ты у меня здесь давно, на лоб себе показывает, во сне тебя видел, мечтал о тебе»!.. И не понимала я даже, взаправду видал ли он меня где прежде, или так он только, с хмелю... Павел Войнович с Ольгой помирают, глядя, как он ко мне припадает. Однако очень он меня тут огорчил... Увидал он у меня на руке колечко с бирюзой. — «Что это за колечко у тебя, спрашивает, — заветное?» — «Заветное». — «Отдай мне его!» «На что оно вам» — говорю. А он опять пристал, сдернул его у меня с пальца и надел себе на мизинец. Я у него отнимать, — он ни за что не отдает. — «До гроба не отдам!» — кричит. И как я ни плакала, со слезами молила, он не отдал. Павел Войнович говорит мне: — «Оставь, отдаст, разве думаешь, он и в самом деле»?.. «Так и осталось у него мое колечко... А оно было у меня заветное, — дал мне его тот самый человек, которого я любила и который в деревне был; я его, по его письму, со дня на день ждала в Москву, и просто спать не могла, — что он приедет, спросит про кольцо, а его у меня нет, — а еще хуже, что оно у другого человека... А тот не отдает мне его ни за что. И не знала я, просто, что мне делать. Потому Языков скоро перестал ездить к нам в хор...»

— Как же так, баба? Ведь он в тебя влюблен был?

А Бог его знает! Влюблен, да не мил, — да и то, не знаю даже, что такая за любовь была у него ко мне... Не так люди любят! Холодный человек был, так я сужу...

Можно заключить, что Языков вообще не оставил в памяти старушки никакого значительного впечатления. Она, так подробно вспоминая о встречах своих с Пушкиным, гордившаяся тем, что он «хотел поэму на нее написать», не знала даже, что внушила Языкову мотивы к трем, едва ли не прелестнейшим и посвященным ей (Т. Д.) его стихотворениям — и что одним из этих мотивов было именно то колечко, которое он в минуту шалости сорвал у нее с руки. Но что сказала бы глухая Таня, если бы можно было прочесть ей следующие строфы:

Да, как святыню берегу я
 Сей перстень, данный мне тобой,
 За жар и силу поделуя,
 Тебя сливавшего со мной.

.
 Но что ж? так пылко, так глубоко,
 Так вдохновенно люблю
 Тебя, мой ангел черноокий,
 Одну тебя, одну тебя, —
 Один ли я твой взор умильный
 К себе привлек? На мне ль одном
 Твои объятия так сильно
 Живым свиваются кольцом?
 Ах, нет! Но свято берегу я — и проч.

Никогда никакого «перстня» не дарила она фантазировавшему по поводу ее поэту. По словам старушки, между ею и Языковым не только никогда не существовало близких отношений, но и во всем-то недолгом их знакомстве увлечение его выразилось лишь однажды, в тот вечер, когда он, вернувшись возбужденный со свадьбы Пушкина, улегся у ее ног и предлагал

ей жениться, — при чем она, разумеется, по обычаю цыганок того времени, отвечала поцелуями на его поцелуи, учтивости ради. Заподозрить ее в неискренности нет никакого оснований, — она так просто-душно говорит о своих «предметах». К тому же, в 1831 году, в котором писаны были Языковым упомянутые стихотворения к Т. Д. (Татьяне Демьяновне), относится и следующее его признание в том, что он называет «гармонической ложью».

Радужно рабствует поэту
 Животворящая мечта;
 Его любовному привету
 Не веруй, дева-красота!

 Вот день, — и бледная ты встала,
 Ты не спала, ты все мечтала . . .
 А он, таинственный Камен?
 Им не играли грезы ночи;
 И бодр и свеж проснулся он
 И про любовь и черны очи
 Уже выдумывает сон.

Страсть к Тане не была ли точно также «выдуманна» Языковым?

— И так не отдал он тебе твоего колечка? — спросили «бабу».

— Отдал, батюшка, отдал! И опять же Пушкину, Александру Сергеевичу, за то спасибо! Павел Войнович Пащокин нажаловался ему на Языкова, что вот он как со мною нехорошо сделал. Александр Сергеевич и заступился за меня, — заставил его перстенок мой Оле отдать. От нее я его назад и полу-

чила. И в аккурат так пришлось, что мой-то из деревни на другой же день приехал. Беда, коли б тогда перстенька его не было у меня...

Старушка примолкла, опустила свои блестящие глаза на свои исхудалые пальцы, будто ища на них следа того заветного колечка, и глубоко вздохнула.

— А уж как мы все плакали по нем, по Александре Сергеевиче, — вострепелась она вдруг, — когда узнали, что убили его сердечного... Давно ведь это было... Лет сорок али больше будет?..

Слезы выступили у нее на ресницах:

— А меня-то когда Господь приберет отсюда! Ох, как тяжело, как тяжело жить! И все бы, кажется, перенести можно, — да вспоминать, вспоминать непереносимо!..

А. О. СМИРНОВА.

«Черноокая Росетти», как назвал ее Пушкин в известном шутовом посвящении, в замужестве Смирнова, принадлежала к числу приятельниц Пушкина в последний период его биографии. Это была умная и культурная женщина высшего петербургского круга, одна из первых красавиц, принимавшая в своем салоне всех видных писателей—Пушкина, Жуковского, Гоголя, Вяземского, Одоевского. Несколько позже Лермонтов посвятил ей свое стихотворение:

Без вас хочу сказать вам много. . .

Поэт Я. П. Полонский, знавший Смирнову уже в середине 50 годов, высоко оценил ее, как представительницу русского общества в период расцвета его литературной жизни.

В своих рассказах Смирнова правильно отмечает, что Наталья Николаевна Пушкина не имела основания ревновать к ней поэта, к которому она относилась без тени влюбленности. Пушкин, вполне отвечая этому тону отношений—ценил Смирнову лишь как просвещенного и остроумного собеседника, не внося в эту литературную и светскую дружбу элементов романического увлечения. Отсюда вероятно скудость

шавы; надо, чтобы она и получила первый экземпляр, второй для вас).

От вас узнал я плен Варшавы.
Вы были вестницею славы,
И вдохновеньем для меня.

Quand j'aurai trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai. (Когда сыщу два другие стиха, пришлю их вам).

Писем от Пушкина я никогда не получала. Когда разговорились о Шатобриане, помню, он говорил: De tout ce qu'il a écrit il n'y a qu'une chose qui m'aye plu; voulez vous que je vous l'écris dans votre album. Si je pouvais croire encore au bonheur, je le chercherais dans la monotonie des habitudes de la vie. Если бы я мог еще верить в счастье, я бы искал его в единообразии житейских привычек.

В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны писать свои Записки», и на первом листе написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр. ¹. Почерк у него был великолеп-

¹ В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Ты сохранила взор холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный,
И как дитя была добра.
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело!

(В альбом А. О. Россетти, 1832).

ный, чрезвычайно четкий и твердый. Князь П. А. Вяземский, Жуковский, Александр Ив. Тургенев, сенатор Петр Ив. Полетика часто у нас обедали. Пугачевский бунт, в рукописи, был слушаем после такого обеда. За столом говорили, спорили; кончалось всегда тем, что Пушкин говорил один, и всегда имел последнее слово. Его живость, изворотливость, веселость восхищали Жуковского, который, впрочем, не всегда с ним соглашался. Когда все после кофе уселось слушать чтение, то сказали Тургеневу: «Смотри, если ты заснешь, то не храпеть». Александр Иванович, отнекиваясь, уверял, что никогда не спит: и предмет и автор бунта конечно ругаются за его внимание. Не прошло и десяти минут, как наш Тургенев захрапел на всю комнату. Все рассмеялись, он очнулся и начал делать замечания, как ни в чем не бывало. Пушкин ничуть не оскорбился, продолжал чтение, а Тургенев преспокойно проспал до конца.

П. РАССКАЗЫ А. О. СМИРНОВОЙ

в записи Я. П. Полоцкого ¹.

Ни в ком не было такого реблического благодушия, как в Жуковском. Но никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский с ним спорить не могли, бывало забьет их совершенно. Вяземский, которому очень не хотелось, чтобы Пушкин был его умнее, надуется и уж молчит, а Жуковский

¹ Опубликованы М. А. Цявловским в «Голосе минувшего», 1917, XI—XII. - «Воспоминания», см. «Русс. Арх.», 1871.

смеется: «Ты брат, Пушкин, чорт тебя знает, какой ты — ведь вот и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас обоих в дураки и записываешь».

Раз я созналась Пушкину, что мало читаю. Он мне говорит: «Послушайте, скажу и я вам по секрету, что я читать терпеть не могу, многого не читал, о чем говорю. Чужой ум меня стесняет. Я такого мнения, что на свете дураков нет. У всякого есть ум, мне не скучно ни с кем, начиная с будочника и до царя». И действительно, он мог со всеми весело проводить время. Иногда с лакеями беседовал.

Когда мы жили в Царском Селе, Пушкин каждое утро ходил купаться, после чая ложился у себя в комнате и начинал потеть. По утрам я заходила к нему. Жена его так уж и знала, что я не к ней иду.

— Ведь ты не ко мне, а к мужу пришла, ну и поди к нему.

— Конечно, не к тебе, а к мужу. Пошли узнать, можно ли войти?

— Можно.

С мокрыми курчавыми волосами лежит бывало Пушкин в коричневом сюртуке на диване. На полу вокруг книги, у него в руках карандаш.

— А я вам приготовил кой-что прочесть, — говорит.

— Ну, читайте.

Пушкин начинал читать (в это время он сочинял все сказки). Я делала ему замечания, он отмечал и был очень доволен.

Читал стихи он плохо.

Жена его ревновала ко мне. Сколько раз я ей говорила: «Что ты ревнуешь ко мне? Право, мне все равны: и Жуковский, и Пушкин, и Плетнев, — разве ты не видишь, что ни я не влюблен в него, ни он в меня».

— Я это очень хорошо вижу, говорит, да мне досадно, что ему с тобой весело, а со мной он зевает.

Однажды говорю я Пушкину: «Мне очень нравятся ваши стихи «Подъезжая под Ижоры».

— Отчего они вам нравятся?

— Да так, — они как будто подбоченились, будто плясать хотят.

Пушкин очень смеялся.

— Ведь вот, подите, отчего бы это не сказать в книге печатно — «подбоченились», — а вот как это верно. Говорите же после этого, что книги лучше разговора.

Когда сердце бьется от радости, то, по словам Пушкина, оно:

То так,
То мятак,
То денежка!

Этими словами он хотел выразить биение и тревогу сердца.

Наговорившись с ним, я спрашивала его (поутру у него в комнате): — Что же мы теперь будем делать?

— А вот что! Не возьмете ли вы меня прокатиться в придворных дрогах?

— Поедемте.

Бывало и поедем. Я сяду с его женой, а он на перекладинке, впереди нас, и всякий раз, бывало, поет во время таких прогулок:

Уж на Руси,
Мундир он носит узкий,
Ай да Царь, ай да Царь,
Православный государь!

(Не помню, запишу в другое время)¹.

¹ Упоминания о Пушкине имеются также в «Неизданных отрывках из Записок А. О. Смирновой», опубликованных В. Калашом в сборн. «Ветвь», М. 1917.

А. А. ФУКС.

А. С. ПУШКИН В КАЗАНИ. ¹

1833 года 6 сентября, задумавшись, сидела я в своем кабинете, ожидая к себе нашего известного поэта Баратынского, который обещался заехать проститься, и грустила о его отъезде. Баратынский вошел ко мне в комнату с таким веселым лицом, что мне стало даже досадно. Я приготовилась было сделать ему упрек за такой равнодушный прощальный визит, но он предупредил меня, обрадовав меня новостью о приезде в Казань Александра Сергеевича Пушкина, и о желании его видеть нас. Надобно признаться, что такая неожиданная и радостная весть заставила меня проститься с Баратынским гораздо равнодушнее, нежели как бывало прежде.

7 сентября, в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Баратынского, видел там Пушкина, и в полчаса успел так хорошо с ним познакомиться, как бы они уже долго жили вместе.

¹ Напечатано в «Казанских Губернск. Ведомостях», 1844, № 2, стр. 18—24. Перепечатано в книге А. С. Архангельского «А. С. Пушкин в Казани», Кзн. 1899, стр. 29—36. Мы опустили лирическое вступление к рассказу.

Пушкин ехал в Оренбург, собирать сведенья для истории Пугачева, и по той же причине остановился на одни сутки в Казани. Он знал, что в Казани мой муж, как старожил, постоянно занимавшийся исследованием здешнего края, всего более мог удовлетворить его желанию, и потому, может быть, и желал с нами познакомиться.

В этот же день, поутру, Пушкин ездил, тройкою на дрожках, один к Троицкой мельнице, по сибирскому тракту, за десять верст от города; здесь был лагерь Пугачева, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обежал ее кругом и потом возвратился домой, где оставался целое утро, до двух часов, и писал, обедал у Е. П. Перцова, с которым был знаком еще в Петербурге; там обедал и муж мой.

В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку с следующими ласковыми словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Баратынский еще более». С Карлом Федоровичем они встретились, как уже коротко знакомые.

Мы все сидели в гостинной. Ты знаешь, что я не могу похвалиться ни ловкостью, ни любезностью, особенно при первом знакомстве, и потому долго не могла притти в свою тарелку; да к тому же и разговор был о Пугачеве: мне казалось неловко в него вмешаться.

Напившись чаю, Пушкин и К. Ф. поехали к казанскому первой гильдии купцу Крупеникову,

бывшему в плену у Пугачева, и пробыли там часа полтора; возвратясь к нам в дом, у подъезда, Пушкин благодарил моего мужа: «Как вы добры, Карл Федорович, сказал он: как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников!... Для чего вы это делаете? Вы теряете вашу приветливость понапрасну: вам из нас никто этим незаплатит. Мы так не поступаем; мы в Петербурге живем только для себя». Окончив говорить, он так сильно сжал руку моего мужа, что несколько дней на ней были знаки от ногтей. Пушкин имел такие большие ногти, что мне право они показались не менее полувершка.

По возвращении от Круеникова, прислали за моим мужем от одного больного; он хотел было отказаться, но Пушкин принудил его ехать. Я осталась с моим знаменитым гостем одна, и, признаюсь, не была этим довольна. Он тотчас заметил мое смущение и своею приветливою любезностью заставил меня с ним говорить, как с коротким знакомым. Мы сели в моем кабинете. Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Баратынским, Языковым и Ознобишиным, читал их все сам вслух, и очень хвалил стихи Языкова. — Потом просил меня непременно прочесть стихи моего сочинения. Я прочла сказку: Жених, и он, слушая меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероютно из любезности, несколько раз останавливал мое чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять, и прочитывал сам.

После чтения он начал меня расспрашивать о нашем сезействе, о том, где я училась, кто были

мой учителя; рассказывал мне о Петербурге, о тамошней рассеянной жизни, и несколько раз звал меня туда приехать: «Приезжайте, пожалуйста, приезжайте; я познакомлю с вами жену мою; поверьте, мы будем уметь отвечать вам на казанскую приветливость не петербургской благодарностью».

Потом разговоры наши были гораздо откровеннее; он много говорил о духе нынешнего времени, о его влиянии на литературу, о наших литераторах, о поэтах, о каждом из них сказал мне свое мнение, и наконец прибавил: «Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами».

Мой муж и Перцов приехали уже в десять часов, нашли нас в дружеской беседе, и поддержали наш литературный разговор. Пушкин, говоря о русских поэтах, очень хвалил родного моего дядю, Гаврилу Петровича Каменева, возвратился опять в мой кабинет, чтобы взглянуть на его портрет, и, посмотрев на него несколько минут, сказал: «Этот человек достоин был уважения; он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы, русские романтики, должны принести должную дань его памяти: этот человек много бы сделал, ежели бы не умер так рано». Он просил меня собрать все сведения о Каменеве и обещал написать его биографию.

Пушкин, без отговорок, не смотря на то что предполагался до света ехать, остался у нас ужинать и за столом сел подле меня. В продолжение ужина разговор был о магнетизме. Карл Федо-

рович не верит ему, потому что очень учен, а я не верю, потому что ничего тут не понимаю. Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма.

«Испытайте, говорил он мне, когда вы будете в большом обществе, выберете из них одного человека, вовсе вам незнакомого, который сидел бы к вам даже спиною, устремите на него все ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомец обратил на вас внимание, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомый, как бы невольно, оборотится и будет на вас смотреть».

— Это не может быть, сказала я; как иногда я желала, чтобы на меня смотрели, желала и сердцем и душою, но кто нехотел смотреть, не взглянул ни разу».

Мой ответ рассмешил его. «Неужели это с вами случилось? О, нет, я этому не поверю; прошу вас, пожалуйста, верьте магнетизму, и бойтесь его волшебной силы; вы еще не знаете, какие он чудеса делает над женщинами?»

— Не верю и не желаю знать, отвечала я.— Но я уверяю вас, по чести, продолжал он, я был очевидцем таких примеров, что женщина, любивши самую страстную любовью, при такой же взаимной любви остается добродетельною; но бывали случаи, что эта же самая женщина, вовсе не любивши, как бы невольно, со страхом, исполняет все желания мужчины даже до самоотвержения. Вот это-то и есть сила магнетизма».

Я была очень рада, когда кончился разговор о магнетизме, хотя занял его другой, еще менее инте-

ресный, о посещении духов, о предсказаниях и о многом, касающемся суеверия.

«Вам, может быть, покажется удивительным, начал опять говорить Пушкин, что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз, пошел я с Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадальщице. Мы просили ее погадать, и не говоря о прошедшем, сказать будущее. «Вы, сказала она мне, на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью»... Без сомнения, я забыл в тот же день, и о гадании и о гадальщице. Но, спустя недели две после этого предсказания, и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня что Цесаревич этого желает. Вот первый раз после гадания, когда я вспомнил о гадальщице. Через несколько дней после встречи с знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами; и мог ли ожидать их? Эти деньги прислал мне лицейский товарищ, с которым мы, бывши еще учениками, играли в карты, и я его обыгрывал. Он, получа после умершего отца наследство, прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл о нем.

Теперь надо сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверена»...

Суеверие такого образованного человека меня очень тогда удивило; я упомянула о том в первом письме из Чебоксарской поездки, напечатанной в 1833 году.

После ужина Пушкин опять пошел ко мне в кабинет. Пересматривая книги, он раскрыл сочинения одного казанского профессора; увидав в них прозу и стихи, он опять закрыл книгу и, как бы с досадою, сказал:— «О, эта проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернила»... Он просидел у нас до часу и простился с нами, как со старыми знакомыми; несколько раз обнимал моего мужа, и, кажется, оставил нас не с притворным сожалением, сказавши при прощании: «Я никак не думал, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустного прощания; но мы в Петербурге увидимся».

На другой день я встала в пять часов утра, написала на проезд нашего знаменитого гостя стихи, и послала их в восемь часов к Пушкину, но его не было в Казани; он выехал на рассвете в Оренбург, а ко мне оставил письмо. Я, простившись с ним думала, что его обязательная приветливость была обыкновенною светскою любезностью, но ошиблась. До самого конца жизни, где только было возможно, он оказывал мне особенное расположение; не писав

почти ни к кому, он писал ко мне несколько раз в год и всегда собственною своею рукою; познакомил меня заочно со всеми замечательнейшими русскими литераторами, и наговорил им обо мне столько для меня лестного, что я, по приезде моем в Москву и Петербург, была удостоена их посещением...

В. А. НАЦОКИНА.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПУШКИНЕ ¹.

Познакомилась я с Пушкиным в Москве, — начала Вера Александровна, — в доме отца моего, А. Нарского. Это было в 1834 году, когда я была объявлена невестой Павла Войновича Нащокина, впоследствии моего мужа.

Привез его к нам в дом мой жених.

Конечно, я раньше слышала о Пушкине, любила его дивные творения, знала, что он дружен с моим женихом, и заранее волновалась и радовалась предстоящему знакомству с ним.

И вот приехал Пушкин с Павлом Войновичем.

Волнение мое достигло высшего предела.

Своей наружностью и простыми манерами, в которых, однако, сказывался прирожденный барин, Пушкин сразу расположил меня в свою пользу.

Несколько минут разговора с ним было достаточно, чтобы робость и волнение мои исчезли. Я видела перед собой не великого поэта Пушкина,

¹ В. А. Нащокина — жена известного приятеля Пушкина П. В. Нащокина. Воспоминания ее напечатаны в иллюстрированных приложениях к «Новому Времени», 1898 г. №№ 8115, 8122 и 8129.

о котором говорила тогда вся мыслящая Россия а простого, милого, доброго знакомого.

Пушкин был не высок ростом, шатен, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности. Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика, — особенно его удивительных глаз.

Это были особые, поэтические задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видала.

Говорил он скоро, острил всегда удачно, был необыкновенно подвижен, весел, смеялся заразительно и громко, показывая два ряда ровных зубов, с которыми белизной могли равняться только перлы. На пальцах он отращивал предлинные ногти.

В первое свое посещение Пушкин довольно долго просидел у нас и почти все время говорил со мной одной. Когда он уходил мой жених, с улыбкой кивая на меня, спросил его:

— Ну что, позволяешь на ней жениться?

— Не позволяю, а приказываю! — ответил Пушкин.

В объяснение вопроса Нащокина и ответа Пушкина я должна сказать следующее: дружба между поэтом и моим покойным мужем была настолько тесная, что в молодости, будучи оба холостыми, они жили в Москве несколько лет на одной квартире и во всех важных вопросах жизни всегда советова-

лись друг с другом. Так, когда Пушкин задумал жениться на Н. Н. Гончаровой, то спросил Нащокина: что он думает о его выборе. Тот посоветовал жениться.

Когда, несколько лет спустя, Нащокину предстояло сделать то же, он привез своего друга в дом моего отца, чтобы поэт познакомился со мной и высказал свое мнение.

Во второй раз я имела счастье принимать Александра Сергеевича у себя дома, будучи уже женой Нащокина.

Мы с мужем квартировали тогда в Пименовском переулке, в доме Ивановой, где протекли первые 7 лет моей счастливой супружеской жизни.

Пушкин остановился тогда у нас и впоследствии во время своих приездов в Москву до самой своей смерти останавливался у нас. Для него была даже особая комната в верхнем этаже рядом с кабинетом мужа, она так и называлась «Пушкинской».

Муж мой имел обыкновение каждый вечер проводить в английском клубе. На этот раз я сделал то же. Так как помещение клуба было недалеко от нашей квартиры, то Павел Войнович, уходя спросил нас, что нам прислать из клуба.

Мы попросили варенца и моченых яблок. Это были любимые кушанья поэта. Через несколько минут клубский лакей принес просимое нами.

Мы остались с Пушкиным вдвоем, и тотчас же между нами завязалась одушевленная беседа. Можно было подумать, что мы—старые друзья, когда на самом деле мы виделись всего во второй раз в жизни.

Впрочем, говорил больше Пушкин, а я только слушала. Он рассказывал о дружбе с Павлом Войновичем, об их молодых проказах, припоминал смешные эпизоды.

Более привлекательного человека и более милого и интересного собеседника я никогда не встречала.

В беседе с ним я не заметила, как пролетело время до 5 часов утра, когда муж мой вернулся из клуба.

— Ты соскучился, небось, с моей женой?—спросил Павел Войнович входя.

— Уезжай, пожалуйста, каждый вечер в клуб!—ответил всегда любезный и находчивый поэт.

— Вижу, вижу. Ты уж ей наслетничал на меня!?—сказал Павел Войнович.

— Было немножко...—ответил Пушкин смеясь.

— Да, я теперь все твои тайны узнала от Александра Сергеевича,—сказала я.

С тех пор, как я уже говорила, Пушкин всякий раз, когда приезжал в Москву, останавливался и жил у нас,

О дружбе Пушкина с моим мужем в печати вспоминалось как то вскользь, а я утверждаю, что едва ли кто-нибудь другой стоял так близко к поэту, как Павел Войнович, и я уверена, что узнай мой муж своевременно о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, он никогда и ни за что бы ее не допустил, и Россия не лишилась бы так рано своего великого поэта, а его друзья не оплакивали бы его преждевременную кончину! Ведь уладил же Павел Войнович ссору его с Соллогубом, предотвратив дуэль, уладил бы и эту историю. Он никогда не мог допустить мысли,

чтобы великий поэт, лучшее украшение родины и его любимый друг, мог подвергать свою жизнь опасности.

Да, такого друга, как Пушкин, у нас никогда не было, да таких людей и нет!—со слезами на глазах признавалась Вера Александровна.—Для нас с мужем приезд поэта был величайшим праздником и торжеством. В нашей семье он положительно был родной. Я как сейчас помню те счастливые часы, которые мы проводили втроем в бесконечных беседах, сидя вечером у меня в комнате на турецком диване, поджавши под себя ноги. Я помещалась обыкновенно посредине, а по обем сторонам мой муж и Пушкин в своем красном архалуке с зелеными клеточками.

Я помню частые возгласы поэта: «Как я рад, что я у вас! я здесь в своей родной семье!».

Помню также, как часто между моим мужем и Пушкиным совершенно серьезно происходил разговор о том, чтобы по смерти их похоронили рядом на одном кладбище — один раз поэт, приехав из своего любимого имения Михайловского, с восторгом говорил Павлу Войновичу: «Знаешь, брат, ты вот все болеешь, может, скоро умрешь, так я подыскал тебе в Михайловском могилку сухую, песчаную, чтобы тебе было не сыро лежать, чтобы тебе в мертвому было хорошо, а когда умру я, меня положат рядом с тобой».

Был такой случай, характеризующий сердце Пушкина и его отношение к нам. Однажды Павел Войнович сильно проигрался в карты и ужасно беспокоился, что остался без гроша. Поэт в это время был у нас,

утешал мужа, просил не беспокоиться, а в конце концов замолчал и уехал куда-то. Через несколько минут он возвратился и подал Павлу Войновичу сверток с деньгами.

— На, вот тебе,— сказал Пушкин,— успокойся. Неужели ты думал, что я оставлю тебя так?!

Кто же мог сделать что-либо подобное, как не близкий друг!

Павел Войнович был крестным отцом первого сына Пушкина—Александра; приглашал его порт в крестные и ко второму сыну, но муж был болен и принужден был отказаться от поездки из Москвы в Петербург, тем более что в те времена, при отсутствии железной дороги, путешествие это на лошадях было утомительное, особенно для больного человека.

Много говорили и писали о необычайном суеверии Пушкина. Я лично могу только подтвердить это. С ним и с моим мужем было сущее несчастье (Павел Войнович был не менее суеверен). У них существовало великое множество всяких примет. Часто случалось, что собравшись ехать по какому-нибудь неотложному делу, они приказывали отпрягать тройку, уже поданную к подъезду, и откладывали необходимую поездку из-за того только, что кто-нибудь из домашних или прислуги вручал им какую-нибудь забытую вещь, вроде носового платка, часов и т. п.

В этих случаях они ни шагу уже не делали из дома до тех пор, пока, по их мнению, не пройдет определенный срок, за пределами которого зловещая примета терла силу.

Не помню кто именно, но какая-то знаменитая в то время гадалщица предсказала поэту, что он будет убит «от белой головы». С тех пор Пушкин опасался белокурых.

Он сам рассказывал, как, возвращаясь из Бессарабии в Петербург после ссылки, в каком-то городе он был приглашен на бал к местному губернатору. В числе гостей Пушкин заметил одного светлоглазого, белокурого офицера, который так пристально и внимательно осматривал поэта, что тот, вспомнив пророчество, поспешил удалиться от него из залы в другую комнату, опасаясь, как бы тот не вздумал его убить. Офицер проследовал за ним, и так и проходили они из комнаты в комнату в продолжение большей части вечера. «Мне и совестно и неловко было,—говорил поэт,—и однако я должен сознаться, что порядочно-таки струхнул».

В другой раз в Москве был такой случай. Пушкин приехал к кн. Зинаиде Александровне Волконской. У нее был на Тверской великолепный собственный дом, главным украшением которого были многочисленные статуи. У одной из статуй отбили руку. Хозяйка была в горе. Кто-то из друзей поэта вызвался прикрепить отбитую руку, а Пушкина попросил подержать лестницу и свечу. Поэт сначала согласился, но вспомнив, что друг был белокур, поспешио бросил и лестницу и свечу и отбежал в сторону.

— Нет, нет,—закричал Пушкин,—я держать лестницу не стану. Ты — белокурый. Можешь упасть и пришибить меня на месте.

Кажется, в печати известна история «нащокинского» фрака. Это тоже характерная история. Пушкин приехал в Москву с намерением сделать предложение Н. Н. Гончаровой. По обыкновению он остановился у Нащокина. Собираясь ехать к Гончаровым, поэт заметил, что у него нет фрака.

— Дай мне, пожалуйста, твой фрак, — обратился он к Павлу Войновичу. — Я свой не захватил да, кажется, у меня и нет его.

Друзья были одинакового роста и сложения, а потому фрак Нащокина как нельзя лучше пришелся на Пушкина.

Сватовство на этот раз было удачное, что поэт в значительной мере приписывал «счастливому» фраку.

Нащокин подарил этот фрак другу и с тех пор Пушкин, по его собственному признанию, в важных случаях жизни надевал счастливый «нащокинский» фрак. Насколько помню, в нем, кажется, и похоронили поэта.

Помню, в последнее пребывание у нас в Москве Пушкин читал черновую «Русалки», а в тот вечер, когда он собирался уехать в Петербург, — мы, конечно, и не подозревали, что уже больше никогда не увидим дорогого друга, — он за прощальным ужином пролил на скатерть масло.

Увидя это, Павел Войнович с досадой заметил:

— Эдакой неловкий! За что ни возьмешься, все роняешь!

— Ну я на свою голову. Ничего... — ответил Пушкин, которого, видимо, изволновала эта дурная

примета. Благодаря этому маленькому приключению Пушкин послал за тройкой (тогда ездили еще на перекладных) только после 12 часов ночи.

По его мнению, несчастье, каким грозила примета, должно миновать по истечении дня.

Последний ужин у нас действительно оказался прощальным. . .

Пушкин любил чай и пил его помногу, любил цыганское пение, особенно пение знаменитой в то время Тани, часто просил меня играть на фортепиано и слушал по целым часам, — любимых пьес его я, впрочем, не помню; любил также шутов, острые слова и карты.

За зеленым столом он готов был просидеть хоть сутки. В нашем доме его выучили играть в вист и в первый же день он выиграл 10 р., чему радовался, как дитя. Вообще же в картах ему не везло и играл он дурно, отчего почти всегда был в проигрыше.

К нам часто заходил некто З., из бедных дворян. Жалкий был человек, и нужда сделала из него шута. Пушкин любил его кривлянья и песни. Время было такое. Особенно много поэт смеялся, когда тот пел:

«Двое саней с подрезами,

Третьи писанные.

Подъезжали ко цареву кабаку» и т. д.

— Как это выразительно! — замечал Пушкин. — Я так себе и представляю картину, как эти сани в морозный вечер, скрипя подрезами по крепкому снегу, подъезжают «ко цареву кабаку».

Вообще добродушный, милый, предупредительный с друзьями, поэт был не прочь подурачиться или выкинуть какую-нибудь штуку с несимпатичными или чем-либо надоевшими ему людьми, иногда же был резок и неводержан на язык с теми, со стороны кого он замечал двуличие или низость.

Помню такой рассказ. Когда Павел Войнович был еще холост, Пушкин проездом через Москву, остановившись у него, слушал, как какой-то господин, живший в мезонине против квартиры Нащокина, целый день шликал на скришке одно и то же. Это надоело поэту и он послал лакея сказать незнакомому музыканту: «Нельзя ли сыграть второе колено?».

Конечно, тот вломился в амбицию.

Другой случай, характеризующий Пушкина, был таков (это после рассказывал сам поэт): барон Геккерн, вотчим его палача-Дантеса, человек, отравлявший жизнь Пушкина всякими подметными письмами, один раз на балу поднял ключик от часов, оброненный поэтом, и подал его Пушкину с записывающей улыбкой. Эта двуличность так возмутила прямодушного, вспыльчивого поэта, что он бросил этот ключик обратно на пол и сказал Геккерну с злой усмешкой: «Напрасно трудились, барон!».

В молодости, до женитьбы, Пушкин, говорят, был большой волокита; когда же я его знала, он страстно любил свою жену, но дурачиться и прикидываться влюбленным он и тогда был не прочь.

К нам часто приезжала княжна Г., общая «скузина», как ее все называли, дурнушка, педалякая старая дева, воображавшая, что она неотразима.

Пушкин жестоко пользовался ее слабостью и подсмеивался над нею.

Когда «кузина» являлась к нам, он вздыхал, бросал на нее пламенные взоры, становился перед ней на колени, целовал ее руки и умолял окружающих оставить их вдвоем.

Кузина млела от восторга и, сидя за картами (Пушкин неизменно садился рядом с ней), много раз в продолжение вечера роняла на пол платок, а Пушкин, подымая, каждый раз жал ей ногу.

Все знали проделки поэта и, конечно, не мало смеялись по поводу их. «Кузина» же теряла голову, и когда Пушкин уезжал из Москвы, она всем, по секрету, рассказывала, что бедный поэт так влюблен в нее, что расставался с ней со вздохами и слезами на глазах.

Они часто остряли с моим мужем поперебой друг перед другом. Один раз Пушкин приехал к нам в праздник утром. Я была у обедни в церкви св. Пимена, старого Пимена, как называют ее в Москве в отличие от нового Пимена, церкви, что близ Селезневской улицы.

— Где же Вера Александровна?—спросил Пушкин у мужа.

— Она поехала к обедне.

— Куда?—переспросил поэт.

— К Пимену.

— Ах, какая досада! А зачем ты к Пимену пускаешь жену одну?

— Так я-ж ее пускаю к старому Пимену, а не к молодому!—ответил мой муж.

Насколько Пушкин любил общество близких ему людей, настолько же не любил бывать на званых обедах в честь его. Он часто жаловался мне, что на этих обедах чувствовал себя стесненным, точно на параде; особенно неприятно ему было то, что все присутствовавшие обыкновенно ждали, что Пушкин скажет, как посмотрит и т. п.

Забыла упомянуть еще о том, что поэт очень любил московские бани и во всякий свой приезд в Москву они вдвоем с Павлом Войновичем брали большой номер с двумя полками и подолгу парились в нем. Они, как объясняли потом, лежа там, предавались самой задушевной беседе, в полной уверенности, что уже там их никто не подслушает.

В характере Пушкина была одна удивительная черта—уменьше душевно привязываться к симпатичным ему людям и привязывать их к себе. В доме моего отца он познакомился с моим меньшим братом, Львом Александровичем Нарским. Это была чистая, нежная, поэтическая натура. Пушкин с первого взгляда очаровался им, положительно не отходил от него и стал упрашивать его ехать к нему гостить в Петербург. Брат, не менее любивший поэта, долго колебался. Он сильно был привязан к родной семье, но наконец согласился на просьбы Пушкина, и они уехали.

В это путешествие случилось маленькое приключение: Павел Войнович утром другого дня по их отъезде на лестнице нашей квартиры нашел камердинера Пушкина спящим. На вопрос моего мужа: как он здесь очутился? тот объяснил, что Александр

Сергеевич, кажется, в селе Всехсвятском спихнул его с козел за то, что тот был пьян, и приказал ему отправиться к Нащокину, что тот и исполнил.

По возвращении из Петербурга брат восторженно отзывался о Пушкине и между прочим рассказывал, что поэт в путешествии никогда не дожидался на станциях, пока заложат ему лошадей, а шел по дороге вперед и не пропускал ни одного встречного мужика или бабы, чтобы не потолковать с ними о хозяйстве, о семье, о нуждах, особенно же любил вмешиваться в разговоры рабочих артелей. Народный язык он знал в совершенстве и чрезвычайно скоро умел располагать к себе крестьянскую серую толпу настолько, что мужики совершенно свободно говорили с ним обо всем.

Незадолго до смерти поэта мой муж заказал сделать два одинаковых золотых колечка с бирюзовыми камешками. Из них одно он подарил Пушкину, другое носил сам, как талисман, предохраняющий от насильственной смерти. Взамен этого поэт обещал прислать мне браслет с бирюзой, который я и получила уже после его смерти при письме Натальи Николаевны, где она объясняла, как беспокоился ее муж о том, чтобы этот подарок был вручен мне как можно скорее. Когда Пушкин после роковой дуэли лежал на смертном одре и к нему пришел его секундант Данзас, то больной попросил его подать ему какую-то небольшую шкатулочку. Из нее он вынул бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказал:

— Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг Нащокин. Это — талисман от насильственной смерти.

Впоследствии Данзас в большом горе рассказывал мне, что он много лет не расставался с этим кольцом, но один раз в Петербурге, в сильнейший мороз расплачиваясь с извозчиком на улице, он, снимая перчатку с руки, обронил это кольцо в сугроб. Как ни искал его Данзас совместно с извозчиком и дворниками, найти не мог.

Пушкина называли ревнивым мужем. Я этого не замечала. Знаю, что любовь его к жене была безгранична. Наталья Николаевна была его богом, которому он поклонился, которому верил всем сердцем, и я убеждена, что он никогда даже мыслью, даже намеком на какое-либо подозрение не допускал оскорбить ее. Мой муж также обожал Наталью Николаевну и всегда, когда она выезжала куда-нибудь от нас, он нежно, как отец, крестил ее. Надо было видеть радость и счастье поэта, когда он получал письма от жены. Он весь сиял и осыпал эти исписанные листочки бумаги поцелуями. В одном ее письме каким-то образом оказалась булавка. Присутствие ее удивило Пушкина, и он воткнул эту булавку в отворот своего сюртука.

В последние годы клевета, стесненность в средствах и гнусные анонимные письма омрачали семейную жизнь поэта, однако мы в Москве видели его всегда неизменно веселым, как и в прежние годы, никогда не допускавшим никакой дурной мысли о своей жене. Он боготворил ее попрежнему.

Возвратившись в последний раз из Москвы в Петербург, Пушкин не застал жену дома. Она была на балу у Карамзиных. Ему хотелось видеть ее возможно скорее и своим неожиданным появлением сделать ей

сюрприз. Он едет к квартире Карамзиных, отыскивает карету Наталии Николаевны, садится в нее и посылает лакея сказать жене, чтобы она ехала домой по очень важному делу, но наказал отнюдь не сообщать ей, что он в карете. Посланный возвратился и доложил, что Наталья Николаевна приказала сказать, что она танцует мазурку с кн. Вяземским. Пушкин посылает лакея во второй раз сказать, чтобы она ехала домой безотлагательно.

Наталия Николаевна вошла в карету и прямо попала в объятия мужа. Поэт об этом факте писал нам ¹ и, помню, с восторгом упоминал, как жена его была авантюжна в этот вечер в своем роскошном розовом платье.

Пушкин был также внимательным и любящим отцом. При свидании он часто рассказывал нам о своих малышах и в письмах нередко подробно описывал какое-нибудь новое проявление самостоятельности в их поступках.

Теперь мне приходится коснуться одного из самых тяжелых воспоминаний в своей жизни—о дуэли и смерти Пушкина.

60 с лишним лет прошло с того ужасного момента, как до нас достигла роковая весть о смерти Пуш-

¹ Вера Александровна с сердечным сокрушением вспоминала, как небрежно относилась она к письмам поэта при его жизни. Она сама один раз застала своего лакея обертывающим свечи изорванным письмом Пушкина. Уцелевшие письма поэта к ней и ее мужу (числом около 30), она передала П. П. Бартеневу, который и напечатал их в своем журнале «Русский Архив».

кина, а я и теперь без слез не могу вспомнить об этом...

Вечером в этот день у меня ввиду сидели гости; Павел Войнович был у себя наверху в кабинете. Вдруг он входит ко мне в гостиную, и я вижу, на нем, что называется, лица нет:

Это меня встревожило, и я обратилась к нему с вопросом: что случилось?—Каково это?—ответил мой муж.—Я сейчас слышал голос Пушкина. Я слегка задремал на диване у себя в кабинете и вдруг явственно слышу шаги и голос: «Нащокин дома?» Я вскочил и бросился к нему навстречу. Но передо мной никого не оказалось. Я вышел в переднюю и спрашиваю камердинера: «Модест, меня Пушкин спрашивал?» Тот, удивленный, отвечает, что кроме его никого не было в передней и никто не приходил. Я уже опросил всю прислугу. Все отвечают, что не видели Пушкина.—Это не к добру,—заключил Павел Войнович.—С Пушкиным приключилось что-нибудь дурное!

Я, как могла, старалась рассеять предчувствие моего суеверного мужа, говорила, что все это ему, вероятно, пригрезилось во сне, наконец, даже попеняла на него за то, что он верит всяким приметам, но мои слова ни к чему не повели: Павел Войнович ушел в клуб страшно расстроенный, а возвратившись оттуда, в ужасном горе, сообщил мне, что в клубе он слышал о состоявшейся дуэли между Пушкиным и Дантесом, что поэт опасно ранен и едва ли можно рассчитывать на благополучный исход.

С этой минуты смятение и ужас царили в нашем доме. Мы с часу на час ждали известий из Петер-

бурга. Как сейчас помню день, в который до нас дошла весть, что все кончено, что поэта нет больше на свете.

На почту от нас поехал Сергей Н. Гончаров, брат жены Пушкина. У нас в это время сидел актер Щепкин и один студент, которого мы приютили у себя. Все мы находились в томительном молчаливом ожидании. Павел Войнович, неузнаваемый со времени печального известия о дуэли, в страшной тоске метался по всем комнатам и высматривал в окна: не увидит ли возвращающегося Гончарова; наконец, остановившись перед студентом, он сказал, показывая ему свои золотые часы: «Я подарю тебе вот эти часы, если Пушкин не умер, а вам, Михаил Семенович, — обратился он к Щепкину, — закажу кольцо».

Я первая увидала в окно возвращающегося Гончарова. Павел Войнович бросился на лестницу к нему навстречу, я последовала за ним.

Не помню, что нам говорил Гончаров, но я сразу поняла, что непоправимое свершилось, что поэт оставил навсегда этот бренный мир.

С Павлом Войновичем сделалось дурно. Его довели до гостинной, и там он, положив голову и руки на стол, долго не мог придти в себя.

Что мы пережили в следующие затем дни! Без преувеличения могу сказать, что смерть Пушкина была самым страшным ударом в нашей жизни с мужем. Многих друзей, родных и близких мне пришлось лишиться потом, но потеря несравненного друга, а полтора десятка лет спустя и мужа — были самыми неизгладимыми ударами в моей долгой, исполненной всякими превратностями жизни.

Павел Войнович, так много тревожившийся последние дни, получив роковое известие, слег в постель и несколько дней провел в горячке, в бреду. Я тоже едва стояла на ногах. День и ночь у нас не гасились огни.

После смерти Пушкина Жуковский прислал моему мужу серебряные часы покойного, которые были при нем в день роковой дуэли, его красный с зелеными клеточками архалук, посмертную маску и бумажник с ассигнацией в 25 рублей и локоном белокурых волос. В письме Жуковский предлагал прислать и кровать поэта, на которой он умер, с каплями его крови, но Павлу Войновичу так тяжела была утрата друга, так больно было видеть вещественные знаки его преждевременной насильственной смерти, что он отказался.

Впоследствии Павел Войнович часы подарил Гоголю, а по смерти последнего передал их, по просьбе студентов, в Московский университет, маску отдал Погодину, архалук же остался у нас. Куда он девался — не знаю.

Вскоре после смерти Пушкина Наталия Николаевна приехала в Москву и всякий день бывала у нас. Это была женщина чудной красоты: высокая, дивно сложенная, изящная, с каштановыми или темно-русскими волосами. Мой муж окружал ее знаками всевозможного внимания и глубокого уважения. Из Москвы она уехала в калужскую деревню (Полотняные заводы) к родному брату своему, Дмитрию Николаевичу. Павел Войнович несколько раз ездил навещать ее.

Года четыре спустя, она, захав однажды к нам, заявила Павлу Войновичу, что генерал Ланской, чело-

век тогда уже пожилой, вдовец, с детьми от первого брака, сделал ей предложение и она приехала спросить совета, как ей поступить? По ее объяснению, Пушкин на смертном одре сказал ей: «Если ты вздумаешь выходить замуж, посоветуйся с Нащокиным, потому что это был мой истинный друг».

Мой муж уклонился от совета, ссылаясь на то, что Пушкину он мог советовать, как близкому другу, душа которого была для него раскрыта и ясна, вдове же его, при всем уважении к ней, советовать он не может.

Наталья Николаевна уехала, и вскоре потом мы услышали, что она помолвлена с Ланским.

Не могу умолчать об одном маленьком факте, характеризующем отношение известной части общества к великому поэту: после помолвки Натальи Николаевны к нам зашел генерал В., начальник московской артиллерии. Я обратилась к нему с вопросом—Слышали новость?—Какую? спросил он.—Пушкина замуж выходит.—За кого?—За генерала Ланского.—Молодец, хвалю ее за это! По крайней мере муж—генерал, а не какой-то там Пушкин, человек без имени и положения!..

То ли еще моим ушам приходилось слышать о великом поэте!—со слезами закончила Вера Александровна.

Н. А. ДУРОВА.

ВСТРЕЧИ С ПУШКИНЫМ. ¹

...Грустные воспоминания отняли у меня охоту идти куданибудь еще, я возвратилась в свою ресторацию; а как дня оставалось еще много, то занялась снова укладыванием вещей и платья в чемодан, для того, чтоб завтра как можно ранее переехать на другую квартиру и именно в трактир Демута: мне казалось очень неприличным принять Пушкина в таком фоваре, какой я занимала.

На новой квартире своей я живу под облаками; мне достался номер в четвертом этаже!.. Что подумает Александр Сергеевич, когда увидит сколько лестниц надобно будет пройти ему?... Однако ж нечего делать!... К лучшим номерам приступить нет, по крайности для меня, потому что у меня осталось только двести рублей, а в виду ничего еще покамест; хорошо, если Пушкин отдаст мне мою тысячу рублей теперь же; а если нет?...

¹ Из книги Александрова (Н. А. Дуровой) «Год жизни в Петербурге или невыгоды третьего посещения», Сиб., 1838, стр. 26 — 34, 40 — 44, 46 — 49, 168.

Я написала к Александру Сергеевичу коротенькую записочку, в которой уведомляла его просто, что я в Петербурге; квартирую вот тут-то.

На другой день, в половине первого часа, карета знаменитого поэта нашего остановилась у подъезда; я покраснела, представляя себе как он взносится с лестницы на лестницу и удивляется не видя им конца!... но вот отворилась дверь в прихожую!... я жду с любопытством и нетерпением!... отворяется дверь, и ко мне, но это еще пока, мой Тишка; он говорит мне шепотом и вытянувшись: «Александр Сергеевич Пушкин!» — проси!... входит Александр Сергеевич... к этим словам прибавить нечего!...

Я не буду повторять тех похвал, какими вежливый писатель и поэт, осыпал слог моих записок, полагая, что в этом случае он говорил тем языком, каким обыкновенно люди образованные говорят с дамами... Впрочем любезный гость мой приходил в приметное замешательство, всякий раз, когда я, рассказывая что-нибудь относящееся ко мне, говорила: «был!... пришел!... пошел!... увидел!...» Долговременная привычка, употреблять «ъ» вместо «а», делала для меня эту перемену очень обыкновенною, и я продолжала разговаривать, несколько не затрудняясь своею ролею, обратившеюся мне уже в природу! Наконец Пушкин поспешил кончить и посещение и разговор, начинавший делаться для него до крайности трудным.

Он взял мою рукопись, говорил, что отдаст ее сейчас переписывать; поблагодарил меня за честь, которую, говорил он, я делаю ему, избирая его издателем

моих записок, и оканчивая обязательную речь свою, поцеловал мою руку!... я поспешно выхватила ее, покраснела и, уже вовсе не знаю для чего, сказала: «ах Боже мой! и так давно отвык от этого!» на лице Александра Сергеевича не показалось и тени усмешки, но полагаю, что дома он не принуждал себя, и рассказывая домашним обстоятельства первого свидания со мною, верно смеялся от души над этим последним восклицанием.

28-е Мая. «Что вы не остановились у меня, Александр Андреевич?» спрашивал меня Пушкин, приехав ко мне на третий день, вам здесь не так покойно; не угодно ли занять мою квартиру в городе?... я теперь живу на даче».

«Много обязан вам, Александр Сергеевич! и очень охотно принимаю ваше предложение. У вас верно есть кто-нибудь при доме?»

«Человек, один только; я теперь заеду туда, прикажу чтоб приготовили вам комнаты».

Он уехал, оставя меня очарованною обязательностию его поступков и тою честью, что буду жить у него, то есть буду избранным гостем славного писателя.

30-го мая. Сего дня принесли мне записку от Александра Сергеевича, он пишет, что прочитал всю мою рукопись, к этому присоединил множество похвал и заключил вопросом: переехала ль я на его квартиру, которая готова уже к принятию меня.

Я послала своего лоп-лакея, которого необходимо должна была нанять, потому что мой Тинка, из всякой откомандировки, хотя б она поручалась ему на рас-

свете, возвращался непременно на закате солнца; послала узнать, можно ли уже переехать в дом занимаемый Александром Сергеевичем Пушкиным? и получила очень забавный ответ: что квартира эта не только не в моей власти, но и не во власти самого Александра Сергеевича; что как он переехал на дачу и за наем расплатился совсем, то ее отдали уже другому.

Я не знала что подумать о такой странности, и рассудила, что лучше вовсе не думать об ней. Отписала к Пушкину о разрушении надежд моих на перемещение; поблагодарила его за благосклонный отзыв о записках моих, и просила его поправить где найдет нужным: «вы, как славный живописец, который двумя или тремя чертами кисти своей делает из каррикатурного изображения небесную красоту, можете несколькими фразами, несколькими даже словами дать моим запискам ту занимательность, ту увлекательность, ту чарующую гармонию, по которым ваши сочинения узнаются среди миллиона других».

Я не льстила писавши это. Дышу презрением к этому низкому способу выигрывать расположение людей, и к тому ж я более способна сказать колкость, нежели лести; но в отношении к дарованиям славного поэта, я точно так думала, как писала, и всегда считала, что он из скромности только подписывается под своими стихотворениями; но что они вовсе не имеют в этом надобности, что их можно узнать и без подписи.

Александр Сергеевич приехал звать меня обедать к себе: из уважения к вашим провинциальным обы-

чаем, сказал он усмехаясь, мы будем обедать в пять часов.

«В пять часов?... в котором же часу обедаете вы, когда нет надобности уважать провинциальных привычек?»

— В седьмом, осьмом, иногда и девятом.

«Ужасное искажение времени! никогда б я не мог примениться к нему.»

«Так кажется: постепенно можно привыкнуть ко всему». Пушкин уехал, сказав, что приедет за мною в три часа с половиною.

.
.
.

Искусственная природа бывает иногда хороша, как и настоящая; Каменный остров, где Пушкин принимает дачу, показался мне прелестен.

С нами вместе обедал один из искренних друзей Александра Сергеевича, господин П... в, да три дамы, родственницы жены его; сама она больна после родов, и потому не выходила.

За столом я имела случай заметить странность в моем любезном хозяине; у него четверо детей, старшая из них, девочка лет пяти, как мне казалось, сидела с нами за столом; друг Пушкина стал говорить с нею, спрашивая; «не раздумала ль она идти за него замуж?—Нет, отвечало дитя, не раздумала. «А за кого ты охотнее пойдешь, за меня или за папеньку?—За тебя и за папеньку. «Кого ж ты больше любишь, меня или папеньку?»—Тебя больше люблю, и папеньку больше люблю. Ну а этого гостя, спросил

Александр Сергеевич, показывая на меня, любишь? хочешь за него замуж?—девочка отвечала поспешно: «нет! нет!» При этом ответе я увидела, что Пушкин покраснел... неужели он думал, что я обижусь словами ребенка?... Я стала говорить, чтоб прервать молчание, которое, очень не кстати, наступило за словами девочки: нет, нет! и спросила ее: «как же это, гостя надобно бы больше любить!... дитя смотрело на меня недоверчиво и наконец стало кушать; тем кончилась эта маленькая интермедия!... но Александр Сергеевич!... от чего он покраснел?... или это уже верх его деликатности, что даже и в шутку, даже от ребенка, не хотел бы он, чтоб я слышала чтонибудь не так вежливое!... или он имеет странное понятие о всех живущих в уездных городах.

15-го Июля. Сегодня опять был у меня Александр Сергеевич; он привез с собою мою рукопись, переписанную так, чтоб ее можно было читать: я имею дар писать таким почерком, которого часто не разбираю сама, и ставлю запятые, точки и запятые, вовсе не кстати, а к довершению всего, у меня везде одно: «е».

Отдавая мне рукопись, Пушкин имел очень озабоченный вид; я спросила о причине: «Ах, у меня такая пропашь дел, что голова идет кругом!... позвольте мне оставить вас; я должен быть еще в двадцати местах до обеда. Он уехал.

Две недели Александр Сергеевич не был у меня; рукопись моя лежит!... пора бы пустить ее в дело... я поехала сама на дачу к Пушкину; его нет дома.

«Вы напрасно хотите обременить Пушкина изданием ваших записок, сказал мне один из его искренних друзей, и именно тот, с которым я вместе обедала; разумеется он столько вежлив, что возьмется за эти хлопоты и возьмется очень радушно; но поверьте, что это будет для него величайшим затруднением; он, с своими собственными делами не успевает управиться, такое их множество, где же ему набирать дел еще и от других!... если вам издание ваших записок к спеху, то займитесь ими сами, или поручите кому другому».

Мне казалось, что Александр Сергеевич был очень доволен, когда я сказала, что боюсь слишком обременить его, поручая ему издание моих записок, и что прошу его позволить мне передать этот труд моему родственнику. Вежливый поэт сохранил однако ж обычную форму в таких случаях. Он отвечал, что брался за это дело очень охотно, вовсе не считал его обременением для себя; но если я хочу сделать эту честь кому другому, то он не смеет противиться моей воле. «Впрочем, прибавил он, прошу вас покорнейше, во всем, в чем будете иметь надобность в отношении к изданию ваших Записок, употреблять меня, как одного из преданнейших вам людей».

...Наконец и клевета сделала мне честь, устремила свое жало против меня!... в добрый час! это в порядке вещей. Добрая приятельница моя, госпожа С...ва, рассказывала мне, что в каком-то большом собрании говорили о моих записках и Пушкин защищал меня. — «Защищал! стало быть против меня были обвинения?»

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВ

В. Ф. Вяземская	
З. А. Волконская	
Евпраксия и Анна Вульф	
А. П. Керн	
Е. М. Хитрова	
А. О. Смирнова	
Н. А. Дурова	
А. М. Каратыгина-Колосова	
М. Н. Волконская	
П. А. Фуке	
Цыганка Таня	
В. А. Нащокина	

СОДЕРЖАНИЕ.

Культура писем в эпоху Пушкина	Стр. 7
--	-----------

ПИСЬМА.

В. Ф. Вяземская	27
Э. А. Волконская	31
А. Н. Вульф	35
П. А. Осипова	55
А. П. Керн	91
Е. М. Хитрово	96
А. О. Смирнова	107
А. А. Фукс	108
Крепостная села Михайловского	114
Н. А. Дурова	118
А. С. Ишимова	130

ВОСПОМИНАНИЯ.

А. М. Каратыгина-Колосова. Мое знакомство с А. С. Пушкиным	135
М. Н. Волконская. Из записок	147
А. П. Керн. 1. Воспоминания о Пушкине	150
2. Дельвиг и Пушкин	177
Цыганка Таня. О Пушкине и Языкове	197
А. О. Смирнова. 1. Воспоминания	209
2. Рассказы в записи Я. П. Полонского	211
А. А. Фукс. А. С. Пушкин в Казани	215
В. А. Нащокина. Воспоминания о Пушкине	223
Н. А. Дурова. Встречи с Пушкиным	244
Перечень рисунков.	249

**ИЗ КАТАЛОГА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ»**

КН-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Москва, Сивцев-Вражек, 40, кв. 1. Телефон 3-65-07

ЛЕОНИД ГРОССМАН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ
И ПЯТИ ВЫПУСКАХ
В ПЕРЕПЛЕТАХ

- Т. I. ПУШКИН. Ц. 2 р. 50 к.
Т. II. ДОСТОЕВСКИЙ. Ц. 2 р. 50 к.
 Вып. 1. Путь Достоевского
 Вып. 2. Творчество Достоевского
Т. III. ТУРГЕНЕВ. Ц. 2 р. 50 к.
Т. IV. МАСТЕРА СЛОВА. Ц. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМОВ:

Т. I. ПУШКИН

СОДЕРЖАНИЕ: Пушкин — новатор.— Пушкин и дендизм.— Искусство анекдота у Пушкина.— Устная новелла Пушкина.— Мадригалы Пушкина.— Онегинская строфа.— Пушкин и Андрэ Шенье.— Пушкин или Рылеев? Пушкин в театральных креслах. (I. В зрительном зале. II. Актеры и театралы. III. Расцвет трагедии. IV. Балеты Дидло. V. Комедия и водевиль).

КН-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Москва, Сивцев-Вражек, 40, кв. 1. Телефон 3-65-07

Т. П. ДОСТОЕВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ: Вып. 1. Путь Достоевского. I. Ранние годы. II. Романтизм. III. Литературные выступления. IV. Утопический социализм. V. Годы изгнания. VI. Подруги Достоевского. VII. На перевале. VIII. Годы скитаний. IX. Последняя эпоха.

Вып. 2. Поэтика Достоевского. (I. Композиция в романе Достоевского. II. Бальзак и Достоевский. III. Живопись Достоевского. IV. Стилистика Ставрогина. V. Искусство романа у Достоевского).—Бакунин и Достоевский — Достоевский и Европа.

Из отзЫвов печати (о книгах „Путь Достоевского“, „Поэтика Достоевского“ и проч.).

Новая книга известного исследователя Достоевского представляет из себя не биографию писателя в строгом смысле, но „синтетический“ очерк духовного роста Достоевского на фоне его личных впечатлений, встреч, увлечений, дружб, чтений и общих условий его трудного жизненного пути... Книга написана с большим словесным мастерством, присутствующим вообще Л. Гроссману, и читается с неослабным интересом.

М. Клевенский. „Вестник Книги“, IX—X, 1924.

Среди работ идеолого-биографических назовем в первую очередь только что появившуюся книгу Л. П. Гроссмана — „Путь Достоевского“. Исследование это среди других, однородных с ним по заданиям, имеет бесспорное право на первенство, шире, чем все другие, охватывая в о п р о с. Автор, по собственному признанию, „стремился дать синтетический очерк духовного роста Достоевского на фоне его личных впечатлений,

КН-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“

Москва, Сивцев-Вражек, 40, кв. 1. Телефон 3-65-07

встреч, увлечений, дружб, чтений и общих условий его трудного жизненного пути.

В. Комарович. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л. 1925.

Умело используя не только уже опубликованный за последнее время, но и совершенно новый, только им впервые и сообщаемый биографический материал, Л. П. Гроссман широко развертывает перед нами картину душевной жизни писателя.

В книге Л. П. Гроссмана мы имеем первый опыт цельного построения прагматической биографии Достоевского.

В. Комарович. Достоевский. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л. 1925.

Книга Гроссмана целиком лежит в плоскости поэтики Достоевского, стремится раскрыть в нем гениального мастера, творца нового поэтического стиля. Большая чуткость к художественной форме и широкое знакомство с европейской художественной литературой позволили автору сделать много ценных наблюдений над особенностями стиля Достоевского и провести ряд любопытных параллелей между ним и другими мастерами европейского романа...

Чрезвычайно ценно, что для Гроссмана стиль — не только форма, но и содержание, что стиль для него — проекция человека. Такое понимание природы стиля позволяет автору раскрывать смысл стилиевой ткани, как целесообразного отправления человеческой жизни.

Меткость и отчетливость его стилистических характеристик в таких этюдах, как „Композиция в романах Достоевского“ и „Стилистика Ставрогина“ заслуживают полнейшего внимания и любителей Достоевского-художника и исследователей его стиля.

В. Перверзев. „Печать и революция“, 1926, IV.

КН-ВО „СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ“
Москва, Сивцев-Вражек, 40, кв. 1 Телефон 3-65-07

Т. Ш. ТУРГЕНЕВ

СОДЕРЖАНИЕ. Ранний жанр Тургенева.—Портрет Манон-Леско.—Последняя поэма Тургенева.—Тургенев-собеседник.—Театр Тургенева. (I. Смена стилей в театре Тургенева. II. Романтическая драма. III. Пастиччо испанского театра. IV. Комедия—водевиль. V. Драматические произведения. VI. Психологическая драма. VII. Либретто комических опер. VIII. Тургенев—театрал и теоретик драмы.—Материалы к сценической истории Тургенева).

Из отзывов печати (о книгах „Театр Тургенева“, „Портрет Манон-Леско и др.).

Следует констатировать, что автор хорошо подготовлен к своей задаче. Давно работая по Тургеневу, А. П. Гроссман отлично ориентирован в специальной русской Тургеневской литературе. А для новой своей книги он произвел энергичные поиски и в западной специально французской историографии. Его высказывания о Скрибе, П. Мериме, Мюссе и других писателях для театра — свежи и компетентны... Любопытно сближение Тургенева с начинаниями на Западе в области комической оперы и оперетты... Итак, и задание и его выполнение в книге А. П. Гроссмана следует признать заслугой автора. Книга написана изящно. Достоинства же содержания дают ей право на внимание и историков литературы и деятелей театра, и, наконец, широкого круга читателей.

Н. Пиксанов. „Красная Новь“, 1925, 1.

Книжка написана очень талантливо и увлекательно. Особенно следует выделить главы, посвященные сопоставл. пьес Тургенева с „Театром Клары Газюль“ Проспера Мериме и комедиями Альфреда Мюссе.

Н. Кашия. „Печать и революция“.

ГРОССМАН Леонид Петрович
"ПИСЬМА ЖЕНЩИН К ПУШКИНУ"

*Подписано в печать 12.05.94 г. Формат 62х90/16.
Гар. лит. Печать офсетная. Бумага офс. № 1.
Усл.-печ. л. 1825. Заказ № 5. Тираж 10000.*

*142100, г. Подольск, Революционный проспект, д. 80/42.
Подольская фабрика офсетной печати.*

*Подольская типография
Чеховского полиграфкомбината
ул. Кирова 25*

